This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

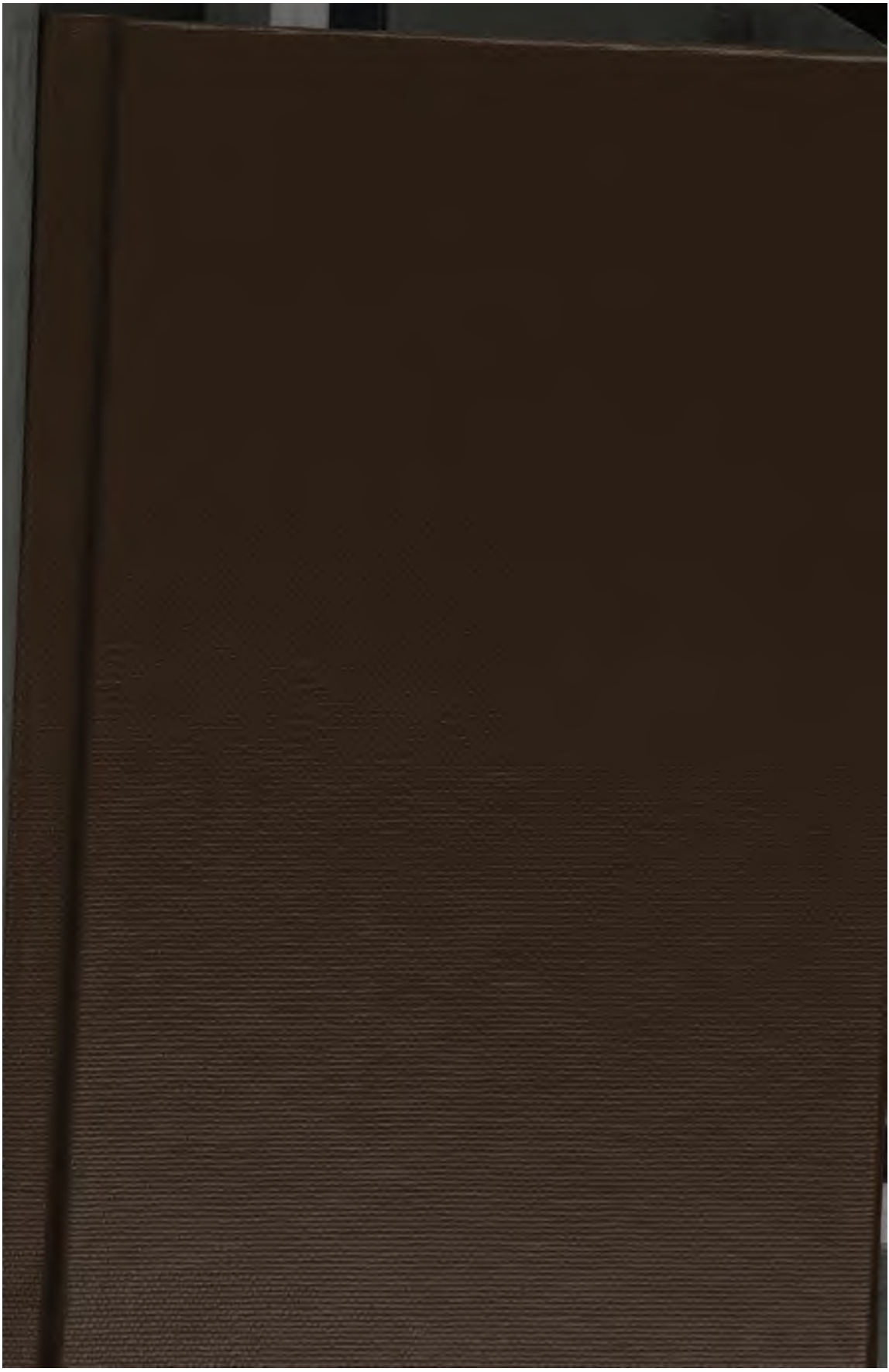
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПАСКАЛЬ.

МЫСЛИ О РЕЛИГІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. ДОЛГОВА.

2-е изданіе.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, собств. дом.

Москва. — 1902 г.

Pascal, B.

Паскаль.

Mysli o religii.

МЫСЛИ О РЕЛИГІИ.

Переводъ съ французскаго

С. ДОЛГОВА.

Изданіе 2-е.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.— 1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 октября 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Очеркъ жизни Паскаля 7

Мысли Паскаля.

Статья I. Общее понятіе о человѣкѣ 13
„ II. Величіе человѣка 22
„ III. Суетность человѣка, воображеніе, самолюбіе. 27
„ IV. Слабость человѣка, непрочность его естественныхъ познаній. 35
„ V. Жалкое состояніе человѣка. 41
„ VI. Удивительныя противоположности, встрѣчающіяся въ природѣ человѣка въ отношеніи истины, счастія и многихъ другихъ вещей 50
„ VII. Противъ равнодушія атеистовъ 57
„ VIII. Разумнѣе вѣрить, чѣмъ не вѣрить въ то, чему учитъ христіанская религія 63
„ IX. Признаки истинной религіи 68
„ X. Истинная религія доказывается заключающимися въ человѣкѣ противоположностями и первороднымъ грѣхомъ 73
„ XI. Подчиненіе и власть разума. 80
„ XII. Изображеніе человѣка, который, испытавъ тщетность усилій обрѣсти Бога однимъ разумомъ, началъ читать писаніе 83
„ XIII. Объ евреяхъ 87
„ XIV. О прообразахъ; прообразный характеръ древняго закона 97
„ XV. Объ Іисусѣ Христѣ 105
„ XVI. Свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ пророковъ. . . . 110
„ XVII. Различныя свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ . . . 116

Статья *Стр.*

„ XVIII. Для чего Богъ, скрываясь отъ однихъ, обнаруживаетъ Себя другимъ 121
„ XIX. Ветхій и Новый Завѣты въ существѣ одна религія . 126
„ XX. Истинное, благотворное познаніе Бога достижимо только чрезъ Іисуса Христа 129
„ XXI. Мысли о чудесахъ 133
„ XXII. Различныя мысли о религіи 140
„ XXIII. Размышленія о Тайнѣ Христовой 172

Приложенія.

Размышленія о смерти 181
Молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней . . . 192
Сравненіе древнихъ христіанъ съ нынѣшними 201
Объ обращеніи грѣшника 205

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ПАСКАЛЯ.

Власій Паскаль родился въ Клермонѣ 19 іюня 1623 года. Отецъ его занималъ довольно видный постъ на французской государственной службѣ. Это былъ весьма образованный, даже ученый человѣкъ и притомъ хорошій христіанинъ. Замѣтивъ въ сынѣ рѣдкія способности ума и не желая довѣрить его воспитаніе постороннимъ людямъ, онъ самъ взялъ на себя эту заботу. Держась того взгляда, что раннее систематическое обученіе можетъ повредить успѣхамъ сына, онъ ограничивался бесѣдами, гдѣ въ общихъ чертахъ знакомилъ мальчика съ начатками грамматики, объяснялъ нѣкоторыя явленія природы и т. п. Мальчикъ очень любилъ эти бесѣды, но не могъ удовольствоваться тѣми, большею частью поверхостными, объясненіями, которыми отецъ ограничивался въ виду возраста сына, а всегда старался узнать дѣйствительную причину явленія. Удовлетворить его пытливость было не легко: онъ былъ доволенъ только тогда, когда истина становилась для него очевидной.

Однажды онъ замѣтилъ, что ударъ ножемъ по тарелкѣ производитъ звукъ, прекращавшійся тотчасъ, какъ на тарелку клали руку. Заинтересовавшись этимъ, онъ самъ началъ производить опыты для наблюденія звука. Результатомъ этихъ дѣтскихъ изысканій былъ, по словамъ его сестры, весьма дѣльный для такого возраста трактатъ о звукѣ. Мальчику было въ то время только 12 лѣтъ.

Присутствуя при ученыхъ бесѣдахъ отца съ его друзьями, гдѣ большею частію рѣчь шла о математикѣ, мальчикъ заинтересовался этой наукой и просилъ отца сообщить ему, въ чемъ она заключается. Отецъ, зная, насколько математика способна завладѣвать умомъ въ ущербъ другимъ знаніямъ, и памѣреваясь обучить сына сначала древнимъ языкамъ, совсѣмъ не хотѣлъ пока знакомить его съ математикой. Юному Паскалю, послѣ долгихъ просьбъ, удалось лишь

узнать отъ отца, что геометрія даетъ средства строить точныя фигуры и находить между ними взаимныя отношенія; но, затѣмъ, отецъ запретилъ ему дальнѣйшіе вопросы, спряталъ всѣ бывшія въ домѣ книги по математикѣ и даже избѣгалъ упоминать о ней въ присутствіи сына.

Несмотря на такія предосторожности, мальчикъ тайно отъ отца, безъ всякой посторонней помощи, не имѣя иного руководителя, кромѣ своего природнаго разсудка, старался проникнуть въ тайны этой науки. Пользуясь всякой свободной минутой, онъ убѣгалъ въ отдѣльную комнату и тамъ чертилъ углемъ на полу треугольники, круги и другія фигуры, даже не зная ихъ настоящаго обозначенія, и такъ мало-по-малу изобрѣтенными имъ самимъ средствами и способами переходилъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Наконецъ, отецъ засталъ его однажды за подобнымъ занятіемъ. Оказалось, что мальчикъ былъ занятъ въ эту минуту разрѣшеніемъ очень трудной математической задачи.

Пораженный и восхищенный отецъ, конечно, не могъ далѣе противиться сыну и далъ ему полную волю и всѣ средства продолжать его занятія. Получивъ свободу, юноша сталъ быстро подвигаться впередъ.

Но столь напряженная умственная дѣятельность въ такомъ раннемъ возрастѣ значительно разстроила его здоровье.

Около этого времени, а именно въ январѣ 1646 года, отецъ Паскаля вывихнулъ себѣ ногу. Онъ обратился за помощью къ двумъ искуснымъ хирургамъ, которые по этому случаю провели у него около трехъ мѣсяцевъ. Знакомство съ этими лицами, ихъ назидательныя, благочестивыя бесѣды и строгій образъ жизни не замедлили оказать вліяніе на всю семью Паскаля. Плодомъ этого вліянія было то, что семья обратилась къ чтенію тѣхъ самыхъ книгъ, коимъ эти лица были обязаны своимъ обращеніемъ къ христіанской добродѣтели; таковы были въ особенности сочиненія Янсенія, Сенъ-Сирана и Арно. Больше всего это чтеніе отразилось на воспріимчивомъ и глубокомъ умѣ Власія Паскаля. Усвоивъ себѣ изъ этихъ книгъ великую христіанскую заповѣдь, повелѣвающую жить только для Бога, онъ рѣшилъ послѣдовать этому ученію. Его необыкновенная энергія увлекла своимъ примѣромъ отца и сестеръ, такъ что, по выраженію одной изъ нихъ, онъ какъ бы сдѣлался отцомъ своего отца и своихъ сестеръ. Младшая изъ нихъ, Жакелина, одаренная и красотою, и

богатыми способностями ума и сердца, особенно увлечена была братомъ, такъ что, ради дѣлъ благочестія и созерцательной жизни, покинула свѣтъ, въ которомъ, несмотря на свою молодость, успѣла стяжать себѣ извѣстность своимъ стихотворнымъ талантомъ.

Со времени смерти отца, послѣдовавшей въ 1651 году, Паскаль опять предался своимъ научнымъ занятіямъ и, какъ всегда, съ чрезмѣрнымъ усердіемъ. Если при жизни отца небольшія путешествія и другія семейныя удовольствія нѣсколько подкрѣпляли его слабое тѣло, то теперь когда этого не стало, его неумѣренные труды опять отразились на его здоровьѣ, и прежніе его недуги проявились съ новою силою. Къ этому присоединилось еще то, что сестра его Жакелина, обществомъ которой онъ особенно дорожилъ, поступила монахиней въ Поръ-Рояль, куда она давно собиралась, но, пока живъ былъ отецъ, не хотѣла его покинуть.

Несмотря на всѣ старанія нѣсколькихъ врачей, болѣзнь Паскаля не поддавалась лѣченію, такъ что имъ оставалось только одно средство — посовѣтовать Паскалю отрѣшиться отъ его умственныхъ трудовъ и искать развлеченій. Трудно было Паскалю рѣшиться послѣдовать такому совѣту. Среди свѣта онъ боялся утратить свое религіозное настроеніе. Считая, однако, позволительнымъ съ христіанской точки зрѣнія не пренебрегать своимъ здоровьемъ, онъ понемногу сталъ посѣщать свѣтъ и, какъ говорятъ, одно время помышлялъ даже о женитьбѣ. Но однажды — это было въ 1654 лоду, Паскаль ѣхалъ съ нѣсколькими знакомыми въ Нейли въ каретѣ, запряженной четверкой цугомъ. При въѣздѣ на мостъ передняя пара лошадей, взбѣсившись, понесла экипажъ прямо въ рѣку; только благодаря тому, что въ этотъ моментъ оборвались постромки, лошади однѣ упали въ рѣку, а экипажъ удержался на берегу. Это чудесное, въ глазахъ Паскаля, спасеніе его отъ неминуемой смерти произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ тутъ же рѣшился, и уже безповоротно, покинуть свѣтъ, видя въ этомъ событіи направлявшій его судьбу перстъ Божій. Такому рѣшенію въ значительной степени помогла сестра его Жакелина, бывшая уже тогда монахиней и далеко не сочувственно относившаяся къ происшедшему было въ братѣ повороту въ сторону свѣта.

Чтобы порвать завязавшіяся было свѣтскія отношенія, Паскаль удалился въ деревню и сразу установилъ порядокъ своей жизни на самыхъ строгихъ началахъ умѣренности и воздержанія отъ

малѣйшихъ излишествъ, ограничивая свои потребности лишь крайне необходимымъ. Все время онъ посвящалъ молитвѣ и чтенію св. писанія и отцовъ Церкви. Онъ читалъ такъ много и съ такимъ усердіемъ, что зналъ почти наизусть все писаніе.

Въ 1656 г. племянница и крестница Паскаля, приложившись къ выставленной въ церкви Поръ-Рояля для благоговѣйнаго лобызанія иглѣ изъ терноваго вѣнца Спасателя, получила исцѣленіе отъ жестокой болѣзни глазъ, которою страдала три съ половиной года и отъ которой не могли избавить ее никакія усилія знаменитѣйшихъ врачей Парижа.

Этотъ случай глубоко тронулъ Паскаля; онъ былъ несказанно радъ, что Богу благоугодно было обнаружить Себя совершеніемъ чуда въ такое время, когда общество было столь сильно заражено невѣріемъ. Подъ впечатлѣніемъ этого событія у него явилось нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о чудесахъ [1]), и еще болѣе укрѣпилось его еще ранѣе задуманное намѣреніе написать обширное сочиненіе въ опроверженіе главнѣйшихъ и наиболѣе ложныхъ умствованій атеистовъ. «Онъ тщательно изучалъ ихъ, изощряя свой умъ въ изысканіи средствъ убѣдить ихъ. Онъ вполнѣ отдался этой задачѣ. «Послѣдній годъ его работы пошелъ весь на собираніе различныхъ мыслей по этому предмету», говоритъ его сестра. Онъ записывалъ все, что великій умъ и горячая любовь къ христіанской истинѣ подсказывали ему по поводу того или другого вопроса вѣры, возникавшаго при бесѣдахъ съ посѣщавшими его друзьями, или при чтеніи. Когда, удрученный болѣзнями, онъ не въ состояніи былъ держать перо, то диктовалъ другимъ. Онъ думалъ написать систематическое сочиненіе, но этой цѣли не суждено ему было достигнуть; усилившіяся страданія заставили его прекратить этотъ трудъ, такъ какъ съ 1658 года онъ уже не могъ ни читать, ни писать.

Болѣзнь его была очень сложная: смѣсь коликъ, непрерывныхъ головныхъ и зубныхъ болей, обмороковъ и т. п. Всѣ эти мученія онъ переносилъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, никогда не жаловался, напротивъ того, еще благодарилъ Бога за ниспосланіе ему болѣзней, такъ какъ, по его словамъ, болѣзненное состояніе есть истинное и надлежащее состояніе христіанина [2]). Разставшись съ свѣтомъ,

[1]) См. „Мысли о чудесахъ“, ст. XX.

[2]) Обращаемъ вниманіе читателя на помѣщенное въ нашемъ переводѣ „Молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней“.

ъ всякихъ удобствъ, отъ
дь, хотя самое невинное
амъ ухаживалъ за собою,
ого бѣдняка, за которымъ
пришлось не меньше по-

ѣдующихъ словъ, сказан-
любя бѣдныхъ, я такъ
отъ, кто въ своей жизни
товъ былъ отдать на это
иятствовали родственники,
жить. На эти уговоры
, что какъ бы человѣкъ
аки что-нибудь у него

отря на то, что всѣ его
жить только въ Богѣ и
чѣмъ-нибудь не измѣ-
іемъ, гордостью или ка-
ія этой цѣли онъ, между
ій, утыканный остріями,
ая, суетная мысль, или
ѣста, гдѣ находился, онъ
цую боль, и тѣмъ напо-
ь казался ему столь по-
мой смерти, даже тогда,

В./О. МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА.
Из-во
Автор ПАСКАЛЬ,
Название Мысли о религии. Перев. с франц.
С.Долгова. Изд.2-е. М.902.
Год
ОТВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
-УД
1 экз.
103/30
481/41
24/У.
41/962.
Дата заказа

Наконецъ, 19 августа 1662 года, эта подвижническая, многострадальная, исполненная неутомимыхъ трудовъ и величайшихъ стремленій, жизнь кончилась, и сбылись сказанныя нѣкогда имъ самимъ слова: «смерть является вѣнцомъ блаженства души и началомъ блаженства тѣла».

Насколько Паскаль жаждалъ горячей, живой вѣры и какъ онъ радъ былъ, когда получилъ ее, видно изъ слѣдующаго. Послѣ его смерти найдены были зашитыми въ его одеждѣ два небольшіе листа бумаги и пергамента, и на томъ и другомъ оказались записанныя его рукой слѣдующія слова:

Лѣто отъ Рождества Христова 1654.

Понедѣльникъ, 23 ноября, день св. Климента, папы и мученика, и другихъ по Четьи-Минеѣ, канунъ дня св. Хрисогона, мученика и др.

Часовъ съ десяти съ половиною и до половины перваго ночи.

ОГОНЬ.

Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова,

А не философовъ и ученыхъ.

Увѣренность. Увѣренность. Чувство. Радость.

Миръ.

Богъ Іисуса Христа.

Богу Моему и Богу вашему.

„Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ“.

Забвеніе міра и всего, кромѣ Бога.

Его можно обрѣсти только путями, указанными Евангеліемъ.

Величіе души человѣческой.

„Праведный Отче, міръ не позналъ Тебя, а Я позналъ Тебя“.

Радость, радость, радость, слезы радости.

Я отдалился отъ Него:

„Мене оставиша, источника воды жива“.

Боже мой, оставишь ли меня?

Да не буду разлученъ съ Нимъ вовѣки.

„Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“.

Іисусъ Христосъ.

Іисусъ Христосъ.

Я разлучился съ Нимъ; я отъ Него бѣжалъ, отрекся, распиналъ Его.

Да не разлучусь съ Нимъ вовѣки.

Хранить Его можно только путями, указанными въ Евангеліи.

Отреченіе полное и сладостное.

Полная покорность Іисусу Христу и моему духовнику.

Вѣчная радость за одинъ день подвига на землѣ.

Не забуду словесъ Твоихъ. Аминь.

Эти отрывочныя слова, этотъ какъ бы шопотъ бесѣдующей съ собою души, показываютъ насколько истомилась она въ ожиданіи великой минуты, когда благодатный свѣтъ свыше озаритъ ее, когда вѣра станетъ живою силою, двигающею и направляющею всѣ остальныя силы души, и наступитъ желанный конецъ всякимъ сомнѣніямъ.

С. Долговъ.

МЫСЛИ ПАСКАЛЯ.

СТАТЬЯ I.

Общее понятіе о человѣкѣ.

(Вотъ къ чему приводятъ насъ естественныя познанія. Если они не истинны, то совсѣмъ нѣтъ истины въ человѣкѣ; если же, напротивъ, они истинны, то онъ находитъ въ нихъ великій поводъ къ смиренію, будучи принужденъ принизить себя тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ какъ онъ не можетъ существовать, не вѣря имъ, то хотѣлось бы, чтобы онъ, прежде чѣмъ приступить къ самымъ обширнымъ изслѣдованіямъ природы, не торопясь и серьезно посмотрѣлъ на нее, взглянулъ бы также на самого себя и разсудилъ, имѣетъ ли онъ какую-нибудь соразмѣрность съ нею при сравненіи имъ этихъ двухъ предметовъ [1]).

Пусть же разсмотритъ человѣкъ всю природу въ ея высокомъ и полномъ величіи; пусть перенесетъ свой взоръ съ низшихъ окружающихъ его предметовъ къ тому блестящему свѣтилу, которое подобно вѣчной лампадѣ освѣщаетъ вселенную. Земля покажется ему тогда точкою въ сравненіи съ необъятнымъ кругомъ, описываемымъ этимъ свѣтиломъ [2]); пусть онъ подивится тому, что этотъ необъятный кругъ, въ свою очередь, не больше какъ очень мелкая точка въ

---

[1]) „Этихъ двухъ предметовъ“, т.-есть человѣка и всей природы. Все это вступленіе было впослѣдствіи оскобено Паскалемъ.

[2]) Паскаль приспособляется къ прежнему воззрѣнію, по которому солнце и звѣзды обращаются вокругъ земли (*Э. Гавэ*).

сравненіи съ путемъ, который описываютъ въ небесномъ пространствѣ звѣзды. Но когда взоръ его остановится на этой грани, пусть воображеніе уходитъ дальше: скорѣе утомится оно, чѣмъ истощится природа въ снабженіи его все новою пищей. Весь этотъ видимый міръ есть лишь незамѣтная черта въ обширномъ лонѣ природы. Никакая мысль не обниметъ ея. Сколько бы мы ни тщеславились нашимъ проникновеніемъ за предѣлы мыслимыхъ пространствъ, мы воспроизведемъ лишь атомы въ сравненіи съ дѣйствительнымъ бытіемъ. Эта безконечная сфера, центръ коей вездѣ, а окружность нигдѣ. Наконецъ, самое осязательное свидѣтельство всемогущества Божія это то, что наше воображеніе теряется въ этой мысли.

Пусть, пришедши въ себя, человѣкъ посмотритъ, что̀ представляетъ онъ въ сравненіи со всѣмъ бытіемъ, пусть представитъ себя какъ бы заблудившимся въ этомъ далекомъ уголкѣ природы и пусть по этой кельѣ — я разумѣю вселенную нашу — онъ научится цѣнить землю, царства, города, и себя самого, въ своемъ истинномъ значеніи.

Что такое человѣкъ въ безконечномъ?

Но чтобы увидать другое столь же удивительное чудо, пусть онъ изслѣдуетъ одинъ изъ мельчайшихъ извѣстныхъ ему предметовъ. Пусть въ крошечномъ тѣлѣ какого-нибудь клеща онъ разсмотритъ еще мельчайшія части, ножки со связками, вены въ этихъ ножкахъ, кровь въ этихъ венахъ, жидкость въ этой крови, капли въ этой жидкости, паръ въ этихъ капляхъ; раздѣляя еще эти послѣднія вещи, пусть онъ истощитъ свои силы въ этихъ представленіяхъ, и да будетъ послѣдній предметъ, къ которому онъ придетъ, предметомъ нашего разговора. Можетъ-быть, онъ подумаетъ, что это уже самомалѣйшая малость въ природѣ. Но я покажу ему новую бездну въ ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы въ рамкѣ этого атомистическаго раккурса. Онъ увидитъ безчисленное множество міровъ, каждый съ своимъ особымъ небомъ, планетами, землею такихъ же размѣровъ, какъ и нашъ видимый міръ; на этой землѣ онъ увидитъ животныхъ и, наконецъ, тѣхъ же насѣкомыхъ, и въ нихъ опять то же, что нашелъ въ первомъ; встрѣчая еще въ другихъ существахъ то же самое, безъ конца, безъ остановки, онъ долженъ потеряться въ этихъ чудесахъ, столь же изумительныхъ по своей малости, сколько другія по ихъ громадности. Ибо какъ не придти въ изумленіе, что наше тѣло,

дотолѣ незамѣтное во вселенной, которая, въ свою очередь, незамѣтна въ нѣдрахъ всей природы, вдругъ стало колоссомъ, міромъ, скорѣе всѣмъ, въ сравненіи съ недостижимымъ для воображенія ничтожествомъ? Кто посмотритъ на себя съ этой точки зрѣнія, испугается за себя самого. Видя себя въ природѣ помѣщеннымъ какъ бы между двумя безднами, безконечностью и ничтожествомъ, онъ содрогнется при видѣ этихъ чудесъ. Я полагаю, что его любопытство превратится въ изумленіе, и онъ будетъ болѣе расположенъ созерцать эти чудеса въ молчаніи, чѣмъ изслѣдовать ихъ съ высокомѣріемъ.

Да и что же такое, наконецъ, человѣкъ въ природѣ? — Ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, все въ сравненіи съ ничтожествомъ, средина между ничѣмъ и всѣмъ. Отъ него, какъ безконечно-далекаго отъ постиженія крайностей, конецъ вещей и ихъ начало безспорно скрыты въ непроницаемой тайнѣ; онъ одинаково неспособенъ видѣть и ничтожество, изъ котораго извлеченъ, и безконечность, которая его поглощаетъ.

Убѣдившись въ невозможности познать когда-либо начало и конецъ вещей, онъ можетъ остановиться только на наружномъ познаніи середины между тѣмъ и другимъ. Все сущее, начинаясь въ ничтожествѣ, простирается въ безконечность. Кто можетъ прослѣдить этотъ изумительный ходъ? — Только Виновникъ этихъ чудесъ постигаетъ ихъ; никто другой понять ихъ не можетъ.

Не обративъ вниманія на эту безпредѣльность, люди дерзнули изслѣдовать природу, какъ будто имѣя нѣкоторую соразмѣрность съ нею.

Странное дѣло: они захотѣли познать начало вещей и дойти такимъ образомъ до постиженія всего — самоувѣренность столь же безконечная, какъ и самый предметъ изслѣдованія. Очевидно, что подобное намѣреніе немыслимо безъ такой самоувѣренности или безъ способностей, столь же совершенныхъ, какъ и природа.

Сознавая же безпредѣльность и недостижимость познанія нами природы, мы поймемъ, что она, отпечатлѣвъ свой образъ и образъ своего Творца во всѣхъ вещахъ, выражаетъ въ большинствѣ ихъ свою двоякую безконечность. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что всякое знаніе безконечно по обширности его предмета; ибо кто сомнѣвается, что геометрія, напримѣръ, можетъ представить неисчислимое множество задачъ? Онѣ такъ же безчисленны, какъ безконечны ихъ начала, ибо извѣстно всѣмъ, что теоремы, считающіяся послѣдними,

сравненіи съ путемъ, который описываютъ въ небесномъ пространствѣ звѣзды. Но когда взоръ его остановится на этой грани, пусть воображеніе уходитъ дальше: скорѣе утомится оно, чѣмъ истощится природа въ снабженіи его все новою пищей. Весь этотъ видимый міръ есть лишь незамѣтная черта въ обширномъ лонѣ природы. Никакая мысль не обниметъ ея. Сколько бы мы ни тщеславились нашимъ проникновеніемъ за предѣлы мыслимыхъ пространствъ, мы воспроизведемъ лишь атомы въ сравненіи съ дѣйствительнымъ бытіемъ. Эта безконечная сфера, центръ коей вездѣ, а окружность нигдѣ. Наконецъ, самое осязательное свидѣтельство всемогущества Божія это то, что наше воображеніе теряется въ этой мысли.

Пусть, пришедши въ себя, человѣкъ посмотритъ, что̀ представляетъ онъ въ сравненіи со всѣмъ бытіемъ, пусть представитъ себя какъ бы заблудившимся въ этомъ далекомъ уголкѣ природы и пусть по этой кельѣ — я разумѣю вселенную нашу — онъ научится цѣнить землю, царства, города, и себя самого, въ своемъ истинномъ значеніи.

Что такое человѣкъ въ безконечномъ?

Но чтобы увидать другое столь же удивительное чудо, пусть онъ изслѣдуетъ одинъ изъ мельчайшихъ извѣстныхъ ему предметовъ. Пусть въ крошечномъ тѣлѣ какого-нибудь клеща онъ разсмотритъ еще мельчайшія части, ножки со связками, вены въ этихъ ножкахъ, кровь въ этихъ венахъ, жидкость въ этой крови, капли въ этой жидкости, паръ въ этихъ капляхъ; раздѣляя еще эти послѣднія вещи, пусть онъ истощитъ свои силы въ этихъ представленіяхъ, и да будетъ послѣдній предметъ, къ которому онъ придетъ, предметомъ нашего разговора. Можетъ-быть, онъ подумаетъ, что это уже самомалѣйшая малость въ природѣ. Но я покажу ему новую бездну въ ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы въ рамкѣ этого атомистическаго раккурса. Онъ увидитъ безчисленное множество міровъ, каждый съ своимъ особымъ небомъ, планетами, землею такихъ же размѣровъ, какъ и нашъ видимый міръ; на этой землѣ онъ увидитъ животныхъ и, наконецъ, тѣхъ же насѣкомыхъ, и въ нихъ опять то же, что нашелъ въ первомъ; встрѣчая еще въ другихъ существахъ то же самое, безъ конца, безъ остановки, онъ долженъ потеряться въ этихъ чудесахъ, столь же изумительныхъ по своей малости, сколько другія по ихъ громадности. Ибо какъ не придти въ изумленіе, что наше тѣло,

дотолѣ незамѣтное во вселенной, которая, въ свою очередь, незамѣтна въ нѣдрахъ всей природы, вдругъ стало колоссомъ, міромъ, скорѣе всѣмъ, въ сравненіи съ недостижимымъ для воображенія ничтожествомъ? Кто посмотритъ на себя съ этой точки зрѣнія, испугается за себя самого. Видя себя въ природѣ помѣщеннымъ какъ бы между двумя безднами, безконечностью и ничтожествомъ, онъ содрогнется при видѣ этихъ чудесъ. Я полагаю, что его любопытство превратится въ изумленіе, и онъ будетъ болѣе расположенъ созерцать эти чудеса въ молчаніи, чѣмъ изслѣдовать ихъ съ высокомѣріемъ.

Да и что же такое, наконецъ, человѣкъ въ природѣ? — Ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, все въ сравненіи съ ничтожествомъ, средина между ничѣмъ и всѣмъ. Отъ него, какъ безконечно-далекаго отъ постиженія крайностей, конецъ вещей и ихъ начало безспорно скрыты въ непроницаемой тайнѣ; онъ одинаково неспособенъ видѣть и ничтожество, изъ котораго извлеченъ, и безконечность, которая его поглощаетъ.

Убѣдившись въ невозможности познать когда-либо начало и конецъ вещей, онъ можетъ остановиться только на наружномъ познаніи середины между тѣмъ и другимъ. Все сущее, начинаясь въ ничтожествѣ, простирается въ безконечность. Кто можетъ прослѣдить этотъ изумительный ходъ? — Только Виновникъ этихъ чудесъ постигаетъ ихъ; никто другой понять ихъ не можетъ.

Не обративъ вниманія на эту безпредѣльность, люди дерзнули изслѣдовать природу, какъ будто имѣя нѣкоторую соразмѣрность съ нею.

Странное дѣло: они захотѣли познать начало вещей и дойти такимъ образомъ до постиженія всего — самоувѣренность столь же безконечная, какъ и самый предметъ изслѣдованія. Очевидно, что подобное намѣреніе немыслимо безъ такой самоувѣренности или безъ способностей, столь же совершенныхъ, какъ и природа.

Сознавая же безпредѣльность и недостижимость познанія нами природы, мы поймемъ, что она, отпечатлѣвъ свой образъ и образъ своего Творца во всѣхъ вещахъ, выражаетъ въ большинствѣ ихъ свою двоякую безконечность. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что всякое знаніе безконечно по обширности его предмета; ибо кто сомнѣвается, что геометрія, напримѣръ, можетъ представить неисчислимое множество задачъ? Онѣ такъ же безчисленны, какъ безконечны ихъ начала, ибо извѣстно всѣмъ, что теоремы, считающіяся послѣдними,

не имѣютъ основанія въ самихъ себѣ, а вытекаютъ изъ другихъ данныхъ, которыя въ свою очередь опираются на третьи и т. д. безъ конца.

Съ послѣдними выводами, представляющимися нашему разуму, мы поступаемъ какъ въ матеріальныхъ предметахъ, гдѣ точку, дальше которой не идутъ наши чувства, мы называемъ недѣлимой, хотя по своей природѣ она дѣлима безконечно.

Изъ этой двойной безконечности знанія мы чувствительнѣе къ безконечности величія; поэтому нѣкоторые возымѣли увѣренность въ знаніи всѣхъ вещей. «Я буду говорить обо всемъ», — сказалъ Демокритъ.

Съ перваго взгляда видно, что уже одна ариѳметика представляетъ безчисленныя свойства, не говоря о другихъ наукахъ.

Но безконечность въ маломъ видима гораздо меньше. Философы хотя и считали, что достигли ея, однако, всѣ преткнулись именно на этомъ. Отсюда-то произошли столь обычныя заглавія, какъ *о началѣ вещей, о началахъ философіи* и другія подобныя, хотя и не по внѣшности, а въ дѣйствительности одинаково тщеславныя съ бросающимся въ глаза *De omni scibili* [1]).

Мы, естественно, считаемъ себя болѣе способными достигать центра вещей, чѣмъ обнимать ихъ окружность. Видимая обширность міра, очевидно, превосходитъ насъ, но такъ какъ малыя вещи превосходимъ мы, то и считаемъ себя болѣе способными овладѣвать ими; между тѣмъ для постиженія ничтожества нужно не меньше способности, какъ и для постиженія всего. Безконечность ея нужна для того и другого, и мнѣ кажется, что постигнувшій послѣднія начала вещей могъ бы дойти и до познанія безконечнаго. Одно зависитъ отъ другого и одно приводитъ къ другому. Крайности сходятся и соединяются въ силу своего удаленія и находятъ другъ друга въ Богѣ и только въ Немъ одномъ.

Признаемъ же предѣльность нашего существа и нашихъ познаній; мы — нѣчто, но не все. Удѣленная намъ частица бытія не даетъ намъ возможности познать первыя начала, родящіяся изъ ничтожества, и обнять нашимъ взоромъ безконечное.

Нашъ разумъ, въ порядкѣ вещей умственныхъ, занимаетъ то же мѣсто, что наше тѣло въ пространствѣ природы.

---

[1]) Обо всемъ познаваемомъ.

Всесторонне ограниченное, это состояніе, занимающее средину между двумя крайностями, отражается во всѣхъ нашихъ способностяхъ.

Наши чувства не выносятъ никакихъ крайностей. Слишкомъ сильный шумъ оглушаетъ насъ; слишкомъ яркій свѣтъ ослѣпляетъ; слишкомъ далекое и слишкомъ близкое разстояніе мѣшаетъ намъ видѣть; одинаково затемняетъ себя какъ черезчуръ медленная, такъ и непомѣрно быстрая рѣчь; слишкомъ много правды насъ удивляетъ: я знаю такихъ, которые не могутъ понять, что, отнимая отъ нуля четыре, получаемъ нуль. Первыя начала имѣютъ для насъ слишкомъ много очевидности. Излишнее удовольствіе безпокоитъ насъ; чрезмѣрное созвучіе не нравится въ музыкѣ, и раздражаетъ слишкомъ щедрое благотвореніе: намъ хочется имѣть возможность вернуть долгъ съ излишкомъ: *Beneficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur* [1]).

Мы не чувствуемъ ни крайняго тепла, ни крайняго холода. Чрезмѣрныя обнаруженія свойствъ пагубны, но нечувствительны для насъ. Слабъ какъ слишкомъ юный, такъ и слишкомъ старый умъ; вредно и слишкомъ мало и слишкомъ много учиться. Крайности какъ бы совсѣмъ не существуютъ для насъ, а мы для нихъ: онѣ ускользаютъ отъ насъ, или мы отъ нихъ.

Таково наше дѣйствительное положеніе, и вотъ что дѣлаетъ насъ неспособными знать навѣрное и совершенно ничего не знать. Мы какъ бы носимся по обширной поверхности водъ, не зная пути и постоянно бросаемые изъ конца въ конецъ. Только что думаемъ укрѣпиться на одномъ основаніи, оно колеблется и покидаетъ насъ; хотимъ ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашимъ усиліямъ, ускользаетъ изъ нашихъ рукъ, обращается въ вѣчное предъ нами бѣгство. Ничто для насъ не останавливается. Таково наше естественное положеніе, какъ оно ни противно намъ: мы горимъ желаніемъ найти твердую почву, послѣднее незыблемое основаніе, чтобы воздвигнуть на немъ башню и по ней добраться до безконечнаго; но все зданіе наше рушится, и земля разверзается подъ нами до самыхъ нѣдръ своихъ.

Перестанемъ же искать увѣренности и прочности. Нашъ разумъ вѣчно обманывается непостоянствомъ кажущагося; ничто не можетъ

[1]) „Благодѣянія только тогда принимаются благосклонно, когда за нихъ можно отплатить; если же они слишкомъ велики, то порождаютъ не признательность, а ненависть“ (Тацитъ, *Лѣтопись*, кн. IV, 18).

утвердить конечнаго между двумя безконечностями, которыя заключаютъ его и отъ него убѣгаютъ.

Вполнѣ сознавъ это, мы, думаю, будемъ сидѣть спокойно, каждый въ положеніи, назначенномъ ему природою.

Такъ какъ это выпавшее на нашу долю срединное положеніе всегда удалено отъ крайностей, то что за важность, имѣетъ ли человѣкъ нѣсколько большее понятіе о вещахъ, или не имѣетъ? Ежели имѣетъ, то смотритъ на нихъ нѣсколько свысока. Но не всегда ли неизмѣримо далекъ онъ отъ конечнаго, и продолжительность нашей жизни не удалена ли такъ же безконечно отъ вѣчности, протечетъ ли она десять лѣтъ болѣе или менѣе?

Съ точки зрѣнія безконечнаго, всѣ конечныя вещи равны между собою; и я не вижу причины, почему одинъ предметъ заслуживалъ бы большаго вниманія съ нашей стороны, чѣмъ другой. Намъ больно всякое сравненіе самихъ себя съ конечнымъ.

Если бъ человѣкъ изучилъ сперва самого себя, онъ увидалъ бы свое безсиліе проникать за предѣлы конечнаго. Какъ можетъ часть знать цѣлое? Можетъ-быть, впрочемъ, онъ будетъ стремиться познать, по крайней мѣрѣ, части, соизмѣримыя ему? Но всѣ части міра находятся въ такомъ отношеніи и сцѣпленіи между собою, что невозможно, думается мнѣ, узнать одну безъ другой и безъ цѣлаго.

Человѣкъ, напримѣръ, имѣетъ отношеніе ко всему ему извѣстному. Ему нужно мѣсто въ пространствѣ, время для существованія, движеніе для жизни, элементы для созданія его тѣла, тепло и пища для питанія, воздухъ для дыханія. Онъ видитъ свѣтъ, ощущаетъ тѣла; все находится съ нимъ въ извѣстной связи.

Слѣдовательно, чтобы познать человѣка, нужно знать, почему необходимъ, напримѣръ, для его существованія воздухъ; равно для ознакомленія со свойствами и природою воздуха требуется узнать, какимъ образомъ онъ вліяетъ на жизнь человѣка и т. д. [1]).

Горѣніе безъ воздуха не происходитъ, такъ что для познанія одного, намъ необходимо изслѣдовать другое.

Такъ какъ, слѣдовательно, всѣ вещи производятся и производятъ, пользуются помощью другихъ и сами другимъ помогаютъ, посредственно и непосредственно, и всѣ взаимно поддерживаются естествен-

---

1) По мнѣнію Э. Гавэ *и т. д.* означаетъ, что то же разсужденіе слѣдуетъ примѣнить и въ отношеніи пространства, времени, движенія.

ною и неуловимою связью, которая соединяетъ самыя отдаленныя и различныя между собою вещи, то я считаю невозможнымъ познать части безъ познанія цѣлаго, равно какъ и познать цѣлое безъ подробнаго ознакомленія съ частями.

Въ довершеніе нашей неспособности къ познанію вещей является то обстоятельство, что онѣ сами по себѣ просты, а мы состоимъ изъ двухъ разнородныхъ и противоположныхъ натуръ: души и тѣла. Вѣдь невозможно же допустить, чтобы разсуждающая часть нашей природы была недуховна. Если бы намъ считать себя только тѣлесными, то пришлось бы еще скорѣе отказать себѣ въ познаніи вещей, такъ какъ немыслимѣе всего утверждать, будто матерія можетъ имѣть сознаніе. Да мы и представить себѣ не можемъ, какимъ бы образомъ она себя сознавала.

Слѣдовательно, если мы только матеріальны, то совсѣмъ не можемъ познавать что-либо; если же состоимъ изъ духа и матеріи, то не можемъ вполнѣ сознавать простыя вещи, т.-е. исключительно духовныя и исключительно матеріальныя.

Поэтому-то почти всѣ философы смѣшиваютъ понятія о вещахъ, говоря о чувственныхъ, какъ о духовныхъ, и о духовныхъ, какъ о чувственныхъ. Они смѣло повѣствуютъ, что тѣла стремятся книзу, къ своему центру, избѣгаютъ разрушенія, боятся пустоты, имѣютъ наклонности, симпатіи, антипатіи, т.-е. такія свойства, которыя присущи только духамъ. Говоря же о духахъ, они разсматриваютъ ихъ какъ бы находящимися въ пространствѣ, приписываютъ имъ движеніе съ мѣста на мѣсто, что свойственно только тѣламъ.

Вмѣсто того, чтобы воспринимать идеи этихъ чистыхъ вещей, мы придаемъ имъ наши свойства и отпечатлѣваемъ наше сложное существо на всѣхъ созерцаемыхъ нами простыхъ вещахъ.

Въ виду нашей наклонности придавать всѣмъ вещамъ свойства духа и тѣла, казалось бы естественнымъ предположить, что для насъ весьма постижимъ способъ сліянія этихъ двухъ началъ. На дѣлѣ же это именно и оказывается для насъ всего непостижимѣе. Человѣкъ самъ по себѣ самый дивный предметъ природы, такъ какъ не будучи въ состояніи познать, что такое тѣло, онъ еще менѣе можетъ постигнуть сущность духа; всего же непостижимѣе для него, какимъ образомъ тѣло можетъ соединяться съ духомъ. Это самая непреборимая для него трудность, несмотря на то, что въ этомъ сочетаніи и заключается особенность его природы: *Modus quo corporibus*

adhocret spiritus comprehendi ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est [1]).

Вотъ часть причинъ недомыслія человѣка въ отношеніи природы. Она двояко безконечна, а онъ конеченъ и ограниченъ; она продолжается и существуетъ безъ перерыва, а онъ преходящъ и смертенъ; вещи въ частности погибаютъ и измѣняются ежеминутно, и онъ видитъ ихъ только мелькомъ; онѣ имѣютъ свое начало и свой конецъ, а онъ не знаетъ ни того, ни другого; онѣ просты, а онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ натуръ. Чтобы исчерпать доказательства нашей слабости, я окончу двумя слѣдующими размышленіями.

2. ДВѢ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. СЕРЕДИНА.

Мы не можемъ понимать ни слишкомъ быстраго, ни слишкомъ медленнаго чтенія.

Слишкомъ много и слишкомъ мало вина: не давайте ему вина — онъ не найдетъ истины; дайте ему черезчуръ много — то же самое.

Природа такъ прекрасно поставила насъ въ серединѣ, что если мы измѣнимъ равновѣсіе съ одной стороны, то сейчасъ же измѣнимъ его и съ другой. Это заставляетъ меня предполагать, что въ нашей головѣ есть пружины, которыя такъ расположены, что, если тронуть одну, то непремѣнно коснешься и противоположной.

Разсуждается плохо какъ въ слишкомъ юномъ, такъ и въ слишкомъ зрѣломъ возрастѣ.

Пристрастіе къ чему-либо одинаково происходитъ и отъ недостаточнаго и отъ слишкомъ частаго помышленія о предметѣ.

Если приняться за разсмотрѣніе своего труда тотчасъ по его окончаніи, то бываешь слишкомъ предрасположенъ къ нему, а долго спустя — видишь, что сталъ чуждъ ему. Такъ и въ отношеніи картинъ. Смотрѣть ли на нихъ слишкомъ близко или слишкомъ издалека — одинаково нехорошо; а вѣдь должна быть одна неизмѣнная точка, съ которой картину видно лучше всего. Другія точки зрѣнія слишкомъ близки, слишкомъ далеки, слишкомъ высоки или черезчуръ низки. Въ искусствѣ живописи перспектива опредѣляетъ такую точку; на кто возьмется опредѣлить ее въ вопросахъ истины или морали?

---

[1]) „Способъ, какимъ соединяется тѣло съ духомъ, не можетъ быть постигнутъ человѣкомъ; хотя это соединеніе и составляетъ человѣка“ (Бл. Августъ.: *О духѣ и душѣ*).

3.

Играя на человѣкѣ, думаютъ, что играютъ на обыкновенномъ органѣ; это дѣйствительно органъ, но органъ странный, измѣнчивый, трубы котораго не слѣдуютъ одна за другой по близлежащимъ степенямъ. Умѣющіе играть только на обыкновенныхъ органахъ не вызовутъ на такомъ органѣ стройныхъ аккордовъ.

4.

Мы такъ мало знаемъ себя, что иногда собираемся умирать, пользуясь полнымъ здоровьемъ, или кажемся вполнѣ здоровыми незадолго до смерти, не чувствуя, что скоро откроется горячка или образуется какой-нибудь нарывъ.

Разсматривая малую продолжительность своей жизни, поглощаемую предшествующей и послѣдующею вѣчностью, *memoria hospitis unius dicei prœtereuntis*[1]), незначительность занимаемаго мною пространства, незамѣтно исчезающаго въ глазахъ моихъ среди необъятныхъ пространствъ, невидимыхъ ни мнѣ, ни другимъ — я прихожу въ ужасъ и изумленіе, почему мнѣ нужно быть здѣсь, а не тамъ, почему теперь, а не тогда! Кто поставилъ меня здѣсь? По чьему повелѣнію и назначенію опредѣлено мнѣ это мѣсто и это время?

Почему ограничено мое разумѣніе? мой ростъ? моя жизнь — почему ограничена она сотнею, а не тысячью лѣтъ? По какой причинѣ природа дала мнѣ именно такую продолжительность жизни, почему именно это число, а не другое выбрала она въ вѣчности, передъ которою всякія числа теряютъ свое значеніе?

---

1) „Проходитъ какъ память объ однодневномъ гостѣ“ (Прем. V, 14).

СТАТЬЯ II.

Величіе человѣка.

I.

Я одинаково порицаю и берущихъ на себя задачу восхвалять человѣка, и видящихъ въ немъ только унизительныя стороны, а равно и тѣхъ, которые думаютъ лишь, какъ бы развлечь его; одобрять же могу только съ воздыханіемъ ищущихъ истину. Стоики говорятъ: взойди внутрь себя, тамъ твой покой; и это неправда. Другіе говорятъ: не углубляйся въ себя, ищи своего счастія внѣ себя — въ развлеченіяхъ; и это неправда. Наступятъ недуги, и счастье окажется ни внутри, ни внѣ насъ: оно въ Богѣ и внѣ, и внутри насъ [1]).

II.

Природу человѣка можно разсматривать съ двухъ сторонъ: по отношенію къ цѣли его, и тогда онъ является великимъ и несравненнымъ, или какъ смотритъ большинство, какъ судятъ, напримѣръ, о натурѣ лошади или собаки, т.-е. хорошо ли она бѣжитъ и хорошаго ли нрава, тогда человѣкъ покажется отвратителенъ и жалокъ. Таковы два пути, ведущіе къ совершенно разнымъ заключеніямъ и служащіе поводомъ къ столь жаркимъ спорамъ философовъ. Ибо одинъ отрицаетъ предположеніе другого; одинъ говоритъ: онъ рожденъ не для этого (высокаго) назначенія, такъ какъ всѣ дѣйствія его тому противорѣчатъ; другой говоритъ: онъ удаляется отъ своей цѣли, если дѣлаетъ такія низкія дѣла.

III.

Мы такого высокаго понятія о душѣ человѣка, что не можемъ переносить ея презрѣнія, обойтись безъ того, чтобы хотя какая-

---

[1]) При болѣзняхъ развлеченія немыслимы; стало-быть счастья внѣ насъ мы обрѣсти тогда уже не можемъ, какъ никогда не можемъ находить его и внутри себя, такъ какъ оно только въ Богѣ, вѣчномъ неистощимомъ источникѣ истиннаго блага, и поскольку мы обращаемся къ этому первоисточнику, постольку возможно для насъ и внутреннее и внѣшнее счастіе. Такъ объясняемъ мы себѣ эти слова Паскаля.

Перев.

нибудь душа насъ не почитала; все блаженство людей состоитъ въ этомъ почетѣ.

Самая низкая черта въ человѣкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшій признакъ его превосходства, это исканіе славы. Дѣйствительно, чѣмъ бы человѣкъ ни обладалъ на землѣ, какимъ бы здоровьемъ и удобствами ни пользовался, онъ недоволенъ, если не пользуется почетомъ у людей. Онъ такъ уважаетъ разумъ человѣка, что, имѣя всевозможныя преимущества, если не занимаетъ выгоднаго мѣста въ умахъ людей, онъ недоволенъ. Это мѣсто ему нравится больше всего на свѣтѣ; ничто не можетъ отвлечь его отъ этого желанія; и это самое неизгладимое свойство человѣческаго сердца. Даже презирающіе родъ людской, приравнивающіе его къ животнымъ, и тѣ хотятъ, чтобъ люди удивлялись и вѣрили имъ. При этомъ они противорѣчатъ самимъ себѣ, своимъ собственнымъ воззрѣніямъ: природа ихъ, которая все превозмогаетъ, убѣждаетъ ихъ въ величіи человѣка сильнѣе, чѣмъ разумъ — въ его низости.

IV.

Несмотря на всѣ обуревающія насъ немощи, мы не можемъ подавить въ себѣ невольнаго возвышающаго насъ инстинкта.

V.

Величіе человѣка такъ замѣтно, что доказывается даже самою его немощью. Что свойственно природѣ животныхъ, то въ человѣкѣ мы называемъ слабостью, доказывая этимъ, что если теперь природа его уподобляется природѣ животныхъ, то, стало-быть, онъ лишился лучшей природы, нѣкогда ему свойственной.

Ибо кто кромѣ царя, лишившагося трона, можетъ считать себя несчастнымъ вслѣдствіе потери царства? Развѣ считали Павла Эмилія несчастнымъ, когда онъ пересталъ быть консуломъ? Напротивъ, всѣ считали его счастливымъ, что онъ былъ консуломъ, потому что это званіе не было пожизненнымъ. Персея же называли несчастнымъ, потому что онъ лишился царства, которое бы ему всегда должно было принадлежать, и даже удивлялись, что съ горя онъ не лишилъ себя жизни. Горюетъ ли кто, что у него только одинъ ротъ? и кто не посѣтуетъ, лишившись одного глаза? Врядъ ли кому приходило когда-нибудь въ голову печалиться, что у него не три глаза; но ничто не можетъ утѣшить лишившагося зрѣнія.

VI.

Несчастнымъ можетъ быть только существо сознательное. Разрушенный домъ не можетъ быть несчастнымъ. Бѣдствовать сознательно можетъ только человѣкъ. *Ego vir videns* [1]).

VII.

Человѣкъ великъ, сознавая свое жалкое состояніе. Дерево не сознаетъ себя жалкимъ. Слѣдовательно, бѣдствовать—значитъ сознавать свое бѣдственное положеніе; но это сознаніе признакъ величія.

Вся бѣдственность, всѣ эти несчастія человѣка доказываютъ его величіе. Это — несчастія вельможи, царя, лишеннаго короны.

VIII.

Такъ какъ о ничтожествѣ судятъ по величію, а о величіи — по ничтожеству, то одни доказали полную нищету человѣка тѣмъ легче, что основали эти доказательство на величіи; а такъ какъ другіе доказывали съ такимъ же успѣхомъ величіе, выводя его изъ самой бѣдственности, то все, что одни могли привести въ доказательство величія, послужило другимъ лишь аргументомъ въ пользу бѣдственности, потому что бѣдствіе тѣмъ ощутительнѣе, говорили они, чѣмъ полнѣе было предшествующее ему счастіе; другіе же утверждали противное. Такъ споры ихъ вращались въ кругу безконечномъ, ибо, по мѣрѣ разумѣнія своего, люди находятъ въ себѣ и величіе, и ничтожество. Однимъ словомъ, человѣкъ сознаетъ свое жалкое состояніе. Онъ жалокъ потому, что таковъ и есть на самомъ дѣлѣ; но онъ великъ, потому что сознаетъ это.

IX.

Я легко могу представить себѣ человѣка безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы, такъ какъ только опытъ научаетъ насъ, что голова нужнѣе ногъ; но я не могу вообразить себѣ человѣка безъ мысли: это былъ бы камень или животное.

Слѣдовательно, мысль отличаетъ существо человѣка, и безъ нея нельзя себѣ его представить. Чѣмъ именно мы ощущаемъ удоволь-

---

[1]) *Ego vir videns paupertatem meam*: *Азъ мужъ видя нищету мою* (Плачь Іер. III, 1).

ствіе? Пальцами ли? Рукою ли? Мышцами ли, кровью ли? Понятно, что это ощущающее въ насъ должно быть нѣчто невещественное.

X.

Не въ пространствѣ, занимаемомъ мною, долженъ я полагать свое достоинство, а въ направленіи моей мысли. Я не сдѣлаюсь богаче чрезъ обладаніе пространствами земли. Въ отношеніи пространства, вселенная обнимаетъ и поглощаетъ меня, какъ точку; мыслію же своею я обнимаю ее.

XI.

Человѣкъ самая ничтожная былинка въ природѣ, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ея умерщвленія достаточно небольшого испаренія, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавитъ его, человѣкъ станетъ еще выше и благороднѣе своего убійцы, потому что онъ сознаетъ свою смерть; вселенная же не вѣдаетъ своего превосходства надъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ все наше достоинство заключается въ мысли. Вотъ чѣмъ должны мы возвышаться, а не пространствомъ и продолжительностью, которыхъ намъ не наполнить. Будемъ же стараться хорошо мыслить: вотъ начало нравственности.

XII.

Очевидно, человѣкъ созданъ для мышленія; въ этомъ все его достоинство, вся его заслуга, и весь долгъ его мыслить, какъ слѣдуетъ, а порядокъ мысли — начинать съ себя, съ своего Создателя и своего назначенія.

А о чемъ думаетъ свѣтъ? Онъ никогда объ этомъ не думаетъ: онъ помышляетъ о танцахъ, музыкѣ, пѣніи, стихахъ, играхъ и т. д., думаетъ какъ бы подраться, сдѣлаться царемъ, не задумываясь при этомъ, что значитъ быть царемъ и что значитъ быть человѣкомъ.

XIII.

Все достоинство человѣка въ мысли. Мысль, стало-быть, по природѣ своей есть нѣчто удивительное и несравненное. Чтобы сдѣлаться достойной презрѣнія, она должна была обнаружить странные недостатки; да она и, на самомъ дѣлѣ, имѣетъ ихъ, и самые смѣшные.

Какъ величественна она по своей природѣ! Какъ жалка она по своимъ недостаткамъ!

XIV.

Опасно слишкомъ много указывать человѣку на его сходство съ животными, не показывая ему его величія. Опасно также слишкомъ часто обращать его вниманіе на его величіе, не напоминая о его ничтожествѣ. Опаснѣе всего оставлять его въ невѣдѣніи того и другого. Напротивъ, весьма полезно представлять ему то и другое.

Не слѣдуетъ человѣку думать, ни что онъ равняется животнымъ, ни что онъ равенъ ангеламъ, и нельзя допускать, чтобы онъ не вѣдалъ ни того, ни другого; слѣдуетъ ему знать и то и другое одновременно.

XV.

Пусть человѣкъ узнаетъ теперь цѣну себѣ. Пусть онъ любитъ себя, такъ какъ въ его природѣ есть способность къ добру; но пусть онъ ради этого не любитъ присущихъ ему злыхъ сторонъ. Пусть презираетъ себя, такъ какъ эта способность праздная; но не презираетъ для этого и своей естественной наклонности къ добру. Пусть ненавидитъ, пусть любитъ себя: онъ носитъ въ себѣ способность познавать истину и быть счастливымъ; но самой истины, постоянной и удовлетворяющей, въ немъ нѣтъ.

Поэтому мнѣ хотѣлось бы возбудить въ человѣкѣ желаніе отыскать эту истину, довести его до свободы отъ страстей и готовности послѣдовать за истиной туда, гдѣ найдетъ ее. Зная, насколько его познаніе затемнено страстями, мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ возненавидѣлъ въ себѣ чувственность, управляющую его волею, чтобы она не ослѣпляла его при выборѣ и не въ силахъ была бы остановить его, когда выборъ будетъ сдѣланъ.

XVI.

По мѣрѣ вразумленія нашего мы открываемъ въ человѣкѣ болѣе и болѣе величія и низости.

Сперва обыкновенный уровень людей, затѣмъ идутъ люди болѣе образованные, наконецъ, философы; послѣдніе составляютъ предметъ удивленія обыкновенныхъ людей.

Высшая затѣмъ степень — христіане; имъ дивятся философы.

Что же удивительнаго послѣ этого, что религія основательно знаетъ то, что дается по мѣрѣ просвѣщенія?

XVII.

Я сознаю, что могъ бы совсѣмъ и не быть, ибо мое *Я* заключается въ моей мысли; стало-быть, я, который мыслю, не существовалъ бы, если бъ мою мать убили прежде, чѣмъ я получилъ душу; слѣдовательно, я существо не необходимое. Равно, я ни вѣченъ, ни безконеченъ; но я ясно вижу, что есть въ природѣ Существо необходимое, вѣчное и безконечное.

СТАТЬЯ III.

Суетность человѣка, воображеніе, самолюбіе.

I. СУЕТНОСТЬ.

Мы не довольствуемся жизнью, которую имѣемъ въ себѣ и въ собственномъ существѣ нашемъ: мы хотимъ жить въ мысли другихъ жизнью кажущеюся и прилагаемъ къ тому всѣ наши усилія. Мы безпрестанно заботимся о томъ, какъ бы сберечь и украсить это воображаемое существо, дѣйствительное же у насъ въ небреженіи; если мы не лишены хладнокровія, великодушія или вѣрности, мы стараемся выставить ихъ напоказъ, съ цѣлью придать эти добродѣтели тому мнимому существу: мы готовы скорѣе лишиться ихъ сами, чтобы украсить ими то существо, такъ что охотно, напримѣръ, сдѣлались бы малодушными, чтобы прослыть мужественными. Вѣскимъ доказательствомъ ничтожности нашего собственнаго существа служитъ то, что мы не довольствуемся однимъ имъ безъ того другого, отрекаемся часто отъ одного въ пользу другого! Кто для сохраненія своей чести не пожертвовалъ бы жизнью, названъ былъ бы безчестнымъ.

Слава такъ сладостна для насъ, что, съ чѣмъ бы она ни соединялась, хотя бы даже со смертію, мы любимъ ее.

II.

Гордость перевѣшиваетъ всѣ немощи. Она или скрываетъ ихъ, или если и обнаруживаетъ, то тщеславится ихъ сознаніемъ. Среди

всѣхъ нашихъ слабостей, заблужденій и пр. она такъ отъ природы сильна въ насъ, что мы съ радостью отдаемъ самую жизнь, лишь бы только о томъ говорили.

III.

Тщеславіе такъ укоренилось въ сердцѣ человѣка, что похвалиться не прочь и солдатъ, и денщикъ, и поваръ, и носильщикъ; всякому любо имѣть своихъ поклонниковъ; да и философы не чужды этому чувству. Сами пишущіе противъ славы хотятъ имѣть славу хорошихъ писателей, а читатели ихъ похвалиться, что прочли ихъ; да и самъ я, пишущій это, имѣю, можетъ-быть, то же желаніе, а равно и читатель.

IV.

Мы до того тщеславны, что хотѣли бы быть извѣстными всему міру и даже послѣдующимъ поколѣніямъ; суетность такъ сильна въ насъ, что уваженіе пяти-шести окружающихъ лицъ доставляетъ намъ удовольствіе.

V.

Любознательность то же тщеславіе. Чаще всего мы хотимъ знать только для того, чтобы сообщить объ узнанномъ. Не стали бы разъѣзжать по морямъ ради одного удовольствія видѣть море, безъ надежды когда-нибудь разсказать видѣнное.

VI.

Въ городѣ, чрезъ который только проѣзжаютъ, не заботятся пріобрѣсти уваженіе; иное дѣло, если приходится пробыть въ немъ нѣкоторое время. Но сколько именно? Смотря по продолжительности нашей суетной и жалкой жизни.

VII.

Желающій вполнѣ узнать суетность человѣка пусть разсмотритъ только причины и послѣдствія любви. Причиной ея *я не знаю что* (Корнель), а послѣдствія ужасны. Это *не знаю что*, настолько малое, что не можетъ быть узнано, движетъ государями, арміями, всѣмъ свѣтомъ.

Будь носъ Клеопатры покороче, — иное было бы лицо земли.

VIII.

Удивительно, что столь очевидная вещь, какъ людское тщеславіе, до такой степени мало извѣстно, что кажется страннымъ и необыкновеннымъ назвать глупостью стремленіе къ почестямъ и величію.

IX. САМОЛЮБІЕ [1]).

Сущность самолюбія и этого человѣческаго *я* въ томъ, чтобы любить только себя и сообразоваться только съ собою. Но что же выходитъ? Оно не можетъ помѣшать своему предмету избавиться отъ множества его недостатковъ и немощей: человѣкъ хочетъ быть великимъ, а видитъ себя малымъ; хочетъ быть счастливымъ, а сознаетъ себя несчастнымъ; желаетъ быть совершеннымъ, а находитъ себя полнымъ несовершенствъ; хочетъ стать предметомъ любви и уваженія людей, а убѣждается, что недостатки его заслуживаютъ лишь ихъ отвращеніе и ненависть. Такое затруднительное положеніе производитъ въ немъ самую несправедливую и самую преступную страсть, какую только можно представить себѣ: онъ начинаетъ смертельно ненавидѣть истину, которая укоряетъ и убѣждаетъ его въ его недостаткахъ. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ее, но, не будучи въ силахъ разрушить ее самое, онъ, сколько можетъ, разрушаетъ ее въ сознаніи своемъ и другихъ, т.-е. прилагаетъ всѣ усилія скрыть свои недостатки и отъ другихъ, и отъ себя самого и не терпитъ, ни чтобы ихъ указывали ему, ни чтобы видѣли сами.

Быть полнымъ недостатковъ, безъ сомнѣнія, дурно; но еще того хуже не хотѣть сознавать ихъ, такъ какъ этимъ мы прибавляемъ зло произвольнаго обмана. Мы не хотимъ, чтобы другіе насъ обманывали, находимъ несправедливымъ желаніе ихъ пользоваться нашимъ уваженіемъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они заслуживаютъ; поэтому несправедливо и съ нашей стороны обманывать ихъ и желать, чтобы они уважали насъ превыше нашихъ заслугъ.

Такимъ образомъ, открывая въ насъ дѣйствительно присущіе намъ несовершенства и пороки, они ни малѣйше не обижаютъ насъ, ибо не они виною тому; напротивъ, они дѣлаютъ доброе дѣло, помогая

---

1) Этотъ отрывокъ и также слѣдующій о воображеніи носятъ въ изданіи Фожера заглавіе: *Обманчивыя способности*.

VI.

Несчастнымъ можетъ быть только существо сознательное. Разрушенный домъ не можетъ быть несчастнымъ. Бѣдствовать сознательно можетъ только человѣкъ. *Ego vir videns* [1]).

VII.

Человѣкъ великъ, сознавая свое жалкое состояніе. Дерево не сознаетъ себя жалкимъ. Слѣдовательно, бѣдствовать—значитъ сознавать свое бѣдственное положеніе; но это сознаніе признакъ величія.

Вся бѣдственность, всѣ эти несчастія человѣка доказываютъ его величіе. Это — несчастія вельможи, царя, лишеннаго короны.

VIII.

Такъ какъ о ничтожествѣ судятъ по величію, а о величіи — по ничтожеству, то одни доказали полную нищету человѣка тѣмъ легче, что основали эти доказательство на величіи; а такъ какъ другіе доказывали съ такимъ же успѣхомъ величіе, выводя его изъ самой бѣдственности, то все, что одни могли привести въ доказательство величія, послужило другимъ лишь аргументомъ въ пользу бѣдственности, потому что бѣдствіе тѣмъ ощутительнѣе, говорили они, чѣмъ полнѣе было предшествующее ему счастіе; другіе же утверждали противное. Такъ споры ихъ вращались въ кругу безконечномъ, ибо, по мѣрѣ разумѣнія своего, люди находятъ въ себѣ и величіе, и ничтожество. Однимъ словомъ, человѣкъ сознаетъ свое жалкое состояніе. Онъ жалокъ потому, что таковъ и есть на самомъ дѣлѣ; но онъ великъ, потому что сознаетъ это.

IX.

Я легко могу представить себѣ человѣка безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы, такъ какъ только опытъ научаетъ насъ, что голова нужнѣе ногъ; но я не могу вообразить себѣ человѣка безъ мысли: это былъ бы камень или животное.

Слѣдовательно, мысль отличаетъ существо человѣка, и безъ нея нельзя себѣ его представить. Чѣмъ именно мы ощущаемъ удоволь-

---

[1]) *Ego vir videns paupertatem meam*: *Азъ мужъ видя нищету мою* (Плачь Іер. III, 1).

ствіе? Пальцами ли? Рукою ли? Мышцами ли, кровью ли? Понятно, что это ощущающее въ насъ должно быть нѣчто невещественное.

X.

Не въ пространствѣ, занимаемомъ мною, долженъ я полагать свое достоинство, а въ направленіи моей мысли. Я не сдѣлаюсь богаче чрезъ обладаніе пространствами земли. Въ отношеніи пространства, вселенная обнимаетъ и поглощаетъ меня, какъ точку; мыслію же своею я обнимаю ее.

XI.

Человѣкъ самая ничтожная былинка въ природѣ, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ея умерщвленія достаточно небольшого испаренія, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавитъ его, человѣкъ станетъ еще выше и благороднѣе своего убійцы, потому что онъ сознаетъ свою смерть; вселенная же не вѣдаетъ своего превосходства надъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ все наше достоинство заключается въ мысли. Вотъ чѣмъ должны мы возвышаться, а не пространствомъ и продолжительностью, которыхъ намъ не наполнить. Будемъ же стараться хорошо мыслить: вотъ начало нравственности.

XII.

Очевидно, человѣкъ созданъ для мышленія; въ этомъ все его достоинство, вся его заслуга, и весь долгъ его мыслить, какъ слѣдуетъ, а порядокъ мысли — начинать съ себя, съ своего Создателя и своего назначенія.

А о чемъ думаетъ свѣтъ? Онъ никогда объ этомъ не думаетъ: онъ помышляетъ о танцахъ, музыкѣ, пѣніи, стихахъ, играхъ и т. д., думаетъ какъ бы подраться, сдѣлаться царемъ, не задумываясь при этомъ, что значитъ быть царемъ и что значитъ быть человѣкомъ.

XIII.

Все достоинство человѣка въ мысли. Мысль, стало-быть, по природѣ своей есть нѣчто удивительное и несравненное. Чтобы сдѣлаться достойной презрѣнія, она должна была обнаружить странные недостатки; да она и, на самомъ дѣлѣ, имѣетъ ихъ, и самые смѣшные.

Какъ величественна она по своей природѣ! Какъ жалка она по своимъ недостаткамъ!

XIV.

Опасно слишкомъ много указывать человѣку на его сходство съ животными, не показывая ему его величія. Опасно также слишкомъ часто обращать его вниманіе на его величіе, не напоминая о его ничтожествѣ. Опаснѣе всего оставлять его въ невѣдѣніи того и другого. Напротивъ, весьма полезно представлять ему то и другое.

Не слѣдуетъ человѣку думать, ни что онъ равняется животнымъ, ни что онъ равенъ ангеламъ, и нельзя допускать, чтобы онъ не вѣдалъ ни того, ни другого; слѣдуетъ ему знать и то и другое одновременно.

XV.

Пусть человѣкъ узнаетъ теперь цѣну себѣ. Пусть онъ любитъ себя, такъ какъ въ его природѣ есть способность къ добру; но пусть онъ ради этого не любитъ присущихъ ему злыхъ сторонъ. Пусть презираетъ себя, такъ какъ эта способность праздная; но не презираетъ для этого и своей естественной наклонности къ добру. Пусть ненавидитъ, пусть любитъ себя: онъ носитъ въ себѣ способность познавать истину и быть счастливымъ; но самой истины, постоянной и удовлетворяющей, въ немъ нѣтъ.

Поэтому мнѣ хотѣлось бы возбудить въ человѣкѣ желаніе отыскать эту истину, довести его до свободы отъ страстей и готовности послѣдовать за истиной туда, гдѣ найдетъ ее. Зная, насколько его познаніе затемнено страстями, мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ возненавидѣлъ въ себѣ чувственность, управляющую его волею, чтобы она не ослѣпляла его при выборѣ и не въ силахъ была бы остановить его, когда выборъ будетъ сдѣланъ.

XVI.

По мѣрѣ вразумленія нашего мы открываемъ въ человѣкѣ болѣе и болѣе величія и низости.

Сперва обыкновенный уровень людей, затѣмъ идутъ люди болѣе образованные, наконецъ, философы; послѣдніе составляютъ предметъ удивленія обыкновенныхъ людей.

Высшая затѣмъ степень — христіане; имъ дивятся философы.

Что же удивительнаго послѣ этого, что религія основательно знаетъ то, что дается по мѣрѣ просвѣщенія?

XVII.

Я сознаю, что могъ бы совсѣмъ и не быть, ибо мое *Я* заключается въ моей мысли; стало-быть, я, который мыслю, не существовалъ бы, если бъ мою мать убили прежде, чѣмъ я получилъ душу; слѣдовательно, я существо не необходимое. Равно, я ни вѣченъ, ни безконеченъ; но я ясно вижу, что есть въ природѣ Существо необходимое, вѣчное и безконечное.

СТАТЬЯ III.

Суетность человѣка, воображеніе, самолюбіе.

I. СУЕТНОСТЬ.

Мы не довольствуемся жизнью, которую имѣемъ въ себѣ и въ собственномъ существѣ нашемъ: мы хотимъ жить въ мысли другихъ жизнью кажущеюся и прилагаемъ къ тому всѣ наши усилія. Мы безпрестанно заботимся о томъ, какъ бы сберечь и украсить это воображаемое существо, дѣйствительное же у насъ въ небреженіи; если мы не лишены хладнокровія, великодушія или вѣрности, мы стараемся выставить ихъ напоказъ, съ цѣлью придать эти добродѣтели тому мнимому существу: мы готовы скорѣе лишиться ихъ сами, чтобы украсить ими то существо, такъ что охотно, напримѣръ, сдѣлались бы малодушными, чтобы прослыть мужественными. Вѣскимъ доказательствомъ ничтожности нашего собственнаго существа служитъ то, что мы не довольствуемся однимъ имъ безъ того другого, отрекаемся часто отъ одного въ пользу другого! Кто для сохраненія своей чести не пожертвовалъ бы жизнью, названъ былъ бы безчестнымъ.

Слава такъ сладостна для насъ, что, съ чѣмъ бы она ни соединялась, хотя бы даже со смертію, мы любимъ ее.

II.

Гордость перевѣшиваетъ всѣ немощи. Она или скрываетъ ихъ, или если и обнаруживаетъ, то тщеславится ихъ сознаніемъ. Среди

всѣхъ нашихъ слабостей, заблужденій и пр. она такъ отъ природы сильна въ насъ, что мы съ радостью отдаемъ самую жизнь, лишь бы только о томъ говорили.

III.

Тщеславіе такъ укоренилось въ сердцѣ человѣка, что похвалиться не прочь и солдатъ, и денщикъ, и поваръ, и носильщикъ; всякому любо имѣть своихъ поклонниковъ; да и философы не чужды этому чувству. Сами пишущіе противъ славы хотятъ имѣть славу хорошихъ писателей, а читатели ихъ похвалиться, что прочли ихъ; да и самъ я, пишущій это, имѣю, можетъ-быть, то же желаніе, а равно и читатель.

IV.

Мы до того тщеславны, что хотѣли бы быть извѣстными всему міру и даже послѣдующимъ поколѣніямъ; суетность такъ сильна въ насъ, что уваженіе пяти-шести окружающихъ лицъ доставляетъ намъ удовольствіе.

V.

Любознательность то же тщеславіе. Чаще всего мы хотимъ знать только для того, чтобы сообщить объ узнанномъ. Не стали бы разъѣзжать по морямъ ради одного удовольствія видѣть море, безъ надежды когда-нибудь разсказать видѣнное.

VI.

Въ городѣ, чрезъ который только проѣзжаютъ, не заботятся пріобрѣсти уваженіе; иное дѣло, если приходится пробыть въ немъ нѣкоторое время. Но сколько именно? Смотря по продолжительности нашей суетной и жалкой жизни.

VII.

Желающій вполнѣ узнать суетность человѣка пусть разсмотритъ только причины и послѣдствія любви. Причиной ея *я не знаю что* (Корнель), а послѣдствія ужасны. Это *не знаю что*, настолько малое, что не можетъ быть узнано, движетъ государями, арміями, всѣмъ свѣтомъ.

Будь носъ Клеопатры покороче, — иное было бы лицо земли.

VIII.

Удивительно, что столь очевидная вещь, какъ людское тщеславіе, до такой степени мало извѣстно, что кажется страннымъ и необыкновеннымъ назвать глупостью стремленіе къ почестямъ и величію.

IX. САМОЛЮБІЕ [1]).

Сущность самолюбія и этого человѣческаго *я* въ томъ, чтобы любить только себя и сообразоваться только съ собою. Но что же выходитъ? Оно не можетъ помѣшать своему предмету избавиться отъ множества его недостатковъ и немощей: человѣкъ хочетъ быть великимъ, а видитъ себя малымъ; хочетъ быть счастливымъ, а сознаетъ себя несчастнымъ; желаетъ быть совершеннымъ, а находитъ себя полнымъ несовершенствъ; хочетъ стать предметомъ любви и уваженія людей, а убѣждается, что недостатки его заслуживаютъ лишь ихъ отвращеніе и ненависть. Такое затруднительное положеніе производитъ въ немъ самую несправедливую и самую преступную страсть, какую только можно представить себѣ: онъ начинаетъ смертельно ненавидѣть истину, которая укоряетъ и убѣждаетъ его въ его недостаткахъ. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ее, но, не будучи въ силахъ разрушить ее самое, онъ, сколько можетъ, разрушаетъ ее въ сознаніи своемъ и другихъ, т.-е. прилагаетъ всѣ усилія скрыть свои недостатки и отъ другихъ, и отъ себя самого и не терпитъ, ни чтобы ихъ указывали ему, ни чтобы видѣли сами.

Быть полнымъ недостатковъ, безъ сомнѣнія, дурно; но еще того хуже не хотѣть сознавать ихъ, такъ какъ этимъ мы прибавляемъ зло произвольнаго обмана. Мы не хотимъ, чтобы другіе насъ обманывали, находимъ несправедливымъ желаніе ихъ пользоваться нашимъ уваженіемъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они заслуживаютъ; поэтому несправедливо и съ нашей стороны обманывать ихъ и желать, чтобы они уважали насъ превыше нашихъ заслугъ.

Такимъ образомъ, открывая въ насъ дѣйствительно присущіе намъ несовершенства и пороки, они ни малѣйше не обижаютъ насъ, ибо не они виною тому; напротивъ, они дѣлаютъ доброе дѣло, помогая

---

[1]) Этотъ отрывокъ и также слѣдующій о воображеніи носятъ въ изданіи Фожера заглавіе: *Обманчивыя способности.*

намъ избавиться отъ зла, состоящаго въ невѣдѣніи этихъ недостатковъ. Мы не должны сердиться, что они знаютъ ихъ, ибо мы таковы на самомъ дѣлѣ, и пусть они презираютъ насъ, если мы достойны презрѣнія.

Такія-то чувства должны бы родиться въ правдивомъ и искреннемъ сердцѣ. Что же сказать намъ о нашемъ, видя въ немъ совсѣмъ противоположныя наклонности? Развѣ не вѣрно, что мы ненавидимъ правду и тѣхъ, которые ее высказываютъ, любимъ, когда они ошибаются въ нашу пользу, и желаемъ отъ нихъ бо́льшаго уваженія, чѣмъ то, которое они къ намъ питаютъ?

Вотъ одно доказательство, которое меня ужасаетъ. Католическая религія не обязываетъ открывать свои грѣхи всѣмъ безъ различія; она допускаетъ утаеніе ихъ отъ всѣхъ другихъ людей, за исключеніемъ одного, которому мы должны открывать глубину нашего сердца и показывать себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Это единственный человѣкъ, котораго она повелѣваетъ намъ не вводить въ заблужденіе и возлагаетъ на него долгъ ненарушимой тайны, такъ что это знаніе въ немъ какъ бы не существуетъ. Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе милосердное и доброе? Несмотря на то, испорченность человѣка такъ велика, что онъ еще находитъ суровымъ этотъ законъ, и это было одною изъ главныхъ причинъ возбужденія противъ Церкви значительной части Европы [1]).

Какъ несправедливо и неразсудительно сердце человѣка, если онъ находитъ дурное въ возлагаемой на него обязанности дѣлать по отношенію къ одному человѣку то, что, по справедливости, онъ долженъ былъ бы дѣлать по отношенію ко всѣмъ людямъ! Развѣ справедливо съ нашей стороны обманывать ихъ?

Это отвращеніе къ правдѣ проявляется въ различныхъ степеняхъ; но можно сказать, что до нѣкоторой степени оно существуетъ во всѣхъ, будучи неразлучно съ самолюбіемъ. Эта порочная щекотливость заставляетъ людей, принужденныхъ необходимостью обличать и порицать другихъ, прибѣгать къ столькимъ изворотамъ и смягченіямъ, чтобы какъ-нибудь не оскорбить ихъ. Имъ поневолѣ приходится умалять наши недостатки, показывать видъ, что извиняютъ ихъ, примѣшивать похвалы и изъявленія дружбы и уваженія. При

---

[1]) Здѣсь Паскаль, очевидно, разумѣетъ протестантизмъ.

Перев.

всемъ томъ, это лѣкарство не перестаетъ казаться горькимъ для самолюбія. Оно принимаетъ его, какъ только можетъ меньше и всегда съ отвращеніемъ, часто даже съ тайной досадою на подающихъ.

Отъ этого происходитъ, что имѣющій интересъ быть любимымъ нами избѣгаетъ оказывать намъ услугу, которая, по его мнѣнію, можетъ быть намъ непріятна. Съ нами поступаютъ такъ, какъ мы хотѣли бы, чтобъ поступали съ нами; мы ненавидимъ правду, и ее скрываютъ отъ насъ; желаемъ лести, и намъ льстятъ; мы любимъ, чтобы насъ обманывали, и насъ обманываютъ.

Поэтому, чѣмъ выше наше положеніе въ свѣтѣ, тѣмъ больше мы удаляемся отъ истины, благодаря тому, что люди больше остерегаются оскорблять тѣхъ, чье расположеніе полезнѣе, а вражда болѣе опасна. Иной государь становится притчей въ цѣлой Европѣ, и только онъ одинъ объ этомъ не знаетъ. Я не удивляюсь тому: говорить правду полезно для того, кому говорятъ, но невыгодно для говорящихъ, такъ какъ возбуждаетъ противъ нихъ ненависть. А такъ какъ приближенные государя считаютъ свои интересы ближе себѣ, чѣмъ интересы монарха, то и не заботятся принести ему выгоду во вредъ себѣ.

Это несчастіе, безъ сомнѣнія, больше и обыкновеннѣе среди самыхъ богатыхъ и сильныхъ; но не свободны отъ него и люди болѣе мелкіе, потому что всегда найдется интересъ привлекать къ себѣ людское расположеніе. Такимъ образомъ, жизнь человѣческая не больше, какъ постоянная иллюзія; люди только обманываютъ и льстятъ другъ другу. Въ нашемъ присутствіи никто не говоритъ о насъ такъ, какъ говоритъ заглаза. Связь между людьми основывается только на этомъ взаимномъ обманѣ. Не много бы дружбъ уцѣлѣло, когда бы каждый зналъ, что другъ его говоритъ о немъ въ его отсутствіе, хотя въ такомъ случаѣ онъ говоритъ о немъ вполнѣ искренно и безпристрастно.

Человѣкъ, такимъ образомъ, есть лишь притворство, ложь и лицемѣріе, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и къ другимъ. Онъ не хочетъ, чтобъ ему говорили правду, и самъ избѣгаетъ говорить ее другимъ; всѣ эти наклонности, столь чуждыя справедливости и разуму, отъ природы глубоко коренятся въ его сердцѣ.

X. ВООБРАЖЕНІЕ.

Воображеніе, это—именно та обманчивая сторона въ человѣкѣ, которая вызываетъ и руководитъ всѣми его заблужденіями — сторона тѣмъ болѣе опасная, что обманываетъ не всегда; иначе, если бы ложь была всегда присуща ей, она сдѣлалась бы непогрѣшимымъ руководствомъ истины. Но будучи всего чаще ложною, она не даетъ намъ никакихъ признаковъ, по которымъ бы мы могли судить о ней, такъ какъ отмѣчаетъ одинаковыми чертами и ложь, и правду.

Я говорю не о глупцахъ, а о самыхъ умныхъ, и между ними-то преимущественно воображеніе имѣетъ великій даръ убѣждать людей. Какъ бы громко разсудокъ ни говорилъ, онъ не можетъ оцѣнивать вещей.

Эта гордая власть, враждебная разсудку и старающаяся держать его въ своихъ рукахъ, чтобы показать свою вездѣсущую мощь, создала въ человѣкѣ вторую натуру. У нея свои счастливцы, свои несчастливцы, свои больные, свои богатые, свои бѣдняки; она заставляетъ разумъ вѣрить, сомнѣваться или отрицать; она или устраняетъ чувства, или заставляетъ ихъ дѣйствовать; у нея свои глупцы и свои умники. Всего же досаднѣе то, что она несравненно больше и полнѣе разума удовлетворяетъ своихъ приверженцевъ. Считающіе себя умными гораздо довольнѣе собою, чѣмъ просто благоразумные люди. Они смотрятъ на людей свысока, ведутъ споры дерзко и увѣренно; тогда какъ другіе высказываютъ свое мнѣніе робко и нерѣшительно. Эта смѣлость часто склоняетъ въ ихъ пользу мнѣніе слушателей: такъ много расположенія встрѣчаютъ эти мнимые мудрецы въ средѣ судей имъ подобныхъ! Самовоображеніе не можетъ умудрить глупцовъ, но дѣлаетъ ихъ счастливыми на зло разуму, который приноситъ своимъ приверженцамъ только несчастіе. Одно покрываетъ ихъ славою, другой — стыдомъ.

Кто распоряжается извѣстностью? Что доставляетъ почетъ и уваженіе лицамъ, трудамъ, законамъ, знатнымъ, какъ не эта воображающая способность? Всѣхъ богатствъ земли мало, если нѣтъ ея согласія.

Вотъ почтенный судья, сѣдинами своими внушающій уваженіе цѣлому народу; вы увѣрены, что онъ руководится однимъ чистымъ и высшимъ разсудкомъ, судить о вещахъ по ихъ внутреннему до-

стоинству, не обращаетъ вниманія на пустяшныя обстоятельства, которыя могутъ поразить воображеніе только слабыхъ! Вотъ онъ приходитъ слушать проповѣдь; онъ полонъ благоговѣнія; готовъ подкрѣпить доводы разсудка горячностью христіанской любви. Видно, что онъ собирается слушать проповѣдника съ примѣрнымъ уваженіемъ. Проповѣдникъ является, но на грѣхъ природа дала ему сиплый голосъ и странныя черты лица, а цырюльникъ плохо выбрилъ его [1]), да, вдобавокъ, случай заставилъ его въ чемъ-то выпачкаться. Что же вы думаете? Я готовъ держать пари, что нашъ судья потеряетъ свою важность, какія бы высокія истины ни возвѣщались въ проповѣди.

Предложите величайшему философу перейти чрезъ пропасть по самой широкой и прочной доскѣ: какъ бы разумъ ни убѣждалъ его въ отсутствіи опасности, воображеніе его все-таки возьметъ верхъ. Многіе не могутъ даже подумать о подобной опасности, не измѣнившись въ лицѣ.

Кому не извѣстно, что многіе не могутъ видѣть кошекъ, крысъ, не могутъ слышать, какъ раздавливается уголь? Тонъ голоса вліяетъ на самыхъ разсудительныхъ и видоизмѣняетъ разговоръ и читаемую поэму.

Расположеніе или ненависть вліяютъ на правосудіе: какъ часто адвокатъ, получившій впередъ хорошую плату, склоняется въ пользу поручаемаго ему дѣла! какъ смѣлый жестъ его порабощаетъ увлеченныхъ этою внѣшностью судей! Смѣшонъ разсудокъ, подчиняющійся любому вѣянію!

Я не намѣренъ приводить всѣхъ послѣдствій воображенія, иначе пришлось бы перечислять почти всѣ дѣйствія людей, руководимыхъ почти однимъ воображеніемъ. Ибо разумъ принужденъ былъ уступить ему свое мѣсто, и самый сильный разсудокъ управляется тѣми правилами, которыя людское мнѣніе наобумъ ввело повсюду.

XI.

Наши судьи хорошо познали эту тайну. Ихъ красныя мантіи, горностаевая опушка, роскошь судилищъ, цвѣты лиліи — вся эта торжественная обстановка была весьма необходима; и если бы наши

[1]) Католическое духовенство ни бороды, ни усовъ не носитъ.

Перев.

доктора не носили ряс и туфель, а ученые четырехугольныхъ шапокъ и широкихъ плащей [1]), никогда не могли бы они одурачить свѣта, который не можетъ противостоять этой неотразимой внѣшности. Только военные люди не прибѣгаютъ къ такимъ переодѣваніямъ, такъ какъ послѣдствія ихъ дѣятельности гораздо существеннѣе: они занимаютъ свое мѣсто силою, а тѣ гримасою.

Поэтому-то и наши короли не прибѣгали къ переодѣваніямъ. Они не кутались въ странныя одежды; но зато окружали себя стражею, аллебардами; эти вооруженные здоровые ребята, эти трубы и барабаны впереди шествія, эти окружающіе ихъ легіоны внушаютъ трепетъ самымъ мужественнымъ. Значеніе ихъ не въ одеждѣ только, а въ силѣ. Нужно имѣть очень совершенный разсудокъ, чтобы не поддаться обаянію величія при видѣ падишаха въ его сералѣ, окруженнаго сорока тысячами янычаръ.

Если бы судьи руководились истиннымъ правосудіемъ, а врачи обладали дѣйствительнымъ искусствомъ исцѣленія, то не нужны были бы имъ четырехугольныя шапки: величіе этихъ наукъ внушало бы само по себѣ достаточно уваженія. Но, обладая только воображаемымъ знаніемъ, имъ поневолѣ приходится прибѣгать къ этимъ жалкимъ средствамъ, поражающимъ воображеніе, съ которымъ они имѣютъ дѣло; и они дѣйствительно успѣваютъ.

Мы не можемъ видѣть судейскаго, въ его полукафтаньи и шапкѣ, не получивъ выгоднаго о немъ мнѣнія.

Воображеніе располагаетъ всѣмъ: оно сообщаетъ и красоту, и право, и счастіе, которое составляетъ все на свѣтѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть итальянскую книгу, которой мнѣ извѣстно только заглавіе и которая одна стоитъ многихъ книгъ: *Della opinione, regina del mondo* [2]). Я подписываюсь подъ этой книгой, не читая ея — за исключеніемъ, конечно, дурного, если оно есть въ ней.

Таковы дѣйствія этой обманчивой способности, которая, повидимому, дана намъ нарочно для того, чтобы вводить насъ въ неизбѣжное заблужденіе. Но въ насъ есть и другія причины.

---

[1]) Таковъ былъ костюмъ французскихъ врачей того времени. *Перев.*

[2]) О мнѣніи, владыкѣ міра.

СТАТЬЯ IV.

Слабость человѣка, непрочность его естественныхъ познаній.

I.

Безъ благодати человѣкъ полонъ врожденнаго и непоправимаго заблужденія. Ничто не указываетъ ему истины; напротивъ, все вводитъ его въ обманъ. Оба проводника истины, разумъ и чувства, помимо присущаго обоимъ недостатка правдивости, еще злоупотребляютъ другъ другомъ. Чувства обманываютъ разсудокъ ложными признаками. Разумъ тоже не остается въ долгу: душевныя страсти помрачаютъ чувства и сообщаютъ имъ ложныя впечатлѣнія. Такимъ образомъ, оба источника для познанія истины только затемняютъ другъ друга.

II.

Всего больше удивляетъ меня, что никто не дивится своей слабости. Люди дѣйствуютъ серьезно, каждый слѣдуетъ своему образу жизни не потому, что польза и обычай того требуютъ, но каждый какъ будто навѣрное знаетъ, въ чемъ заключается сущность и истина. То и дѣло приходится намъ убѣждаться въ своихъ ошибкахъ, но, по какому-то странному смиренію, мы думаемъ, что это происходитъ отъ нашихъ недостатковъ, а не отъ того, что мы всегда слишкомъ увѣрены въ безошибочности своихъ сужденій. Но для славы скептицизма хорошо, что на свѣтѣ столько подобныхъ людей нескептиковъ: ибо этимъ доказывается способность человѣка къ самымъ чудовищнымъ мнѣніямъ, вслѣдствіе его наклонности думать, что онъ не только свободенъ отъ прирожденной и неизбѣжной слабости, но, напротивъ, отъ природы одаренъ мудростью.

III.

Насъ вводятъ въ заблужденіе не одни только прежнія впечатлѣнія: ту же власть надъ нами имѣютъ и прелести новизны. Отсюда происходятъ всѣ пререканія между людьми; одни упрекаютъ за то,

что мы руководимся впечатлѣніями дѣтства, другіе — что мы слишкомъ смѣло идемъ за новизной. Кто же держится золотой середины? Пусть онъ явится и укажетъ намъ ее. Нѣтъ понятія, какъ бы оно естественно ни было, даже привычнаго съ дѣтства, котораго не назвали бы ложнымъ впечатлѣніемъ — или науки, или чувствъ. Такъ какъ, говорятъ, вы съ дѣтства привыкли считать ящикъ пустымъ, потому что ничего въ немъ не видѣли, то и пришли къ убѣжденію, что пустота возможна; это обманъ вашихъ чувствъ, укрѣпившійся въ васъ, благодаря привычкѣ, который необходимо исправить наукою. Другіе же говорятъ: вамъ въ школѣ говорили, что пустоты не существуетъ, этимъ исказили вашъ здравый смыслъ, который былъ правъ до тѣхъ поръ; теперь необходимо прибѣгнуть къ вашему природному разсудку, чтобы исправить это ложное впечатлѣніе. Кто же обманываетъ? Чувства или наука?

Въ насъ есть и другая причина заблужденій — болѣзни. Онѣ повреждаютъ и разсудокъ, и чувства. Если ощутителенъ вредъ отъ сильныхъ болѣзней, то несомнѣнно, что и малые недуги оказываютъ свою долю вліянія на человѣка.

Нашъ личный интересъ — вотъ еще чудесное орудіе, которымъ мы съ удовольствіемъ выкалываемъ себѣ глаза. Самому правдивому человѣку не позволяется быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Я знаю такихъ, которые, ради того, чтобы не впасть въ подобнаго рода самолюбіе, дѣлали величайшія несправедливости въ обратную сторону. Вѣрное средство проиграть самое чистое дѣло — обратиться за помощью къ близкимъ родственникамъ. Справедливость и правда — два такія тонкія острея, что орудія наши слишкомъ тупы и къ нимъ не подходятъ. Касаясь острея, они завертываютъ его и попадаютъ скорѣе на ложное, чѣмъ на истинное.

IV.

Умъ величайшаго въ мірѣ судьи не настолько самостоятеленъ, чтобы не смутиться первой суматохой, которая произойдетъ около него. Не нужно пушечнаго выстрѣла, чтобы нарушить теченіе его мыслей; для этого достаточно скрипа флюгера или блока. Не удивляйтесь, что онъ разсуждаетъ плохо: муха жужжитъ надъ его ухомъ; этого довольно, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ правильному рѣшенію. Если вы хотите дать ему возможность найти истину, про-

гоните животное, которое безпокоитъ его разсудокъ и смущаетъ эту могучую мысль, правящую городами и царствами. Вотъ онъ, забавный божокъ! O ridicolosissimo eroe! [1]).

V.

Какъ трудно предложить что-нибудь на обсужденіе другого, не повредивъ его сужденія самымъ способомъ предложенія! Если сказать: я нахожу, что это хорошо или что это неясно, или тому подобное, то мнѣніе судьи или увлекается этимъ сужденіемъ, или, напротивъ, раздражается. Лучше ничего не высказывать; тогда онъ будетъ судить о предметѣ, какъ онъ есть, т.-е., сообразно тому, каковъ онъ въ то время, и согласно другихъ обстоятельствъ, приданныхъ предмету не по своей волѣ. Но если вы и не высказали никакихъ замѣчаній, то весьма возможно, что самое молчаніе ваше произведетъ свое дѣйствіе, смотря по тому, какъ онъ отнесется къ нему, какъ объяснитъ себѣ его, — и можетъ быть также, что, если онъ физіономистъ, то самое выраженіе вашего лица или тонъ вашего голоса повліяютъ на его рѣшеніе. Такъ трудно не сдвинуть сужденія съ его природнаго основанія, или, скорѣе, какъ мало твердыхъ, незыблемыхъ сужденій!

VI.

Самое важное въ жизни — выборъ ремесла. Выборъ этотъ зависитъ отъ случая. По обычаю становятся каменщикомъ, солдатомъ, кровельщикомъ. «Онъ хорошій кровельщикъ», или «солдаты дураки» говорятъ одни; другіе выражаются, наоборотъ, такъ: великое дѣло — только война, остальныя занятія — пустяки. Какъ съ дѣтства наслушаются похвалъ извѣстнымъ ремесламъ и порицанія всѣхъ другихъ, такъ и выбираютъ; потому что всякій естественно ищетъ похвальнаго занятія, а не смѣшного. Отзывы окружающихъ несомнѣнно дѣйствуютъ на насъ; мы ошибаемся только въ примѣненіи ихъ. Сила обычая такъ велика, что изъ тѣхъ, кого природа создала просто людьми, вырабатываются представители всевозможныхъ спеціальностей; цѣлыя области даютъ только каменщиковъ, другія только солдатъ и т. д. Конечно, природа не такъ однообразна, но и она подчиняется обычаю. Иногда беретъ верхъ и природа, удерживая человѣка

[1]) О ты, забавнѣйшее заблужденіе!

въ его прирождённыхъ наклонностяхъ, несмотря на обычай, хорошій ли, дурной ли.

VII.

Мы никогда не ограничиваемся настоящимъ. Желаемъ, чтобы поскорѣе наступило будущее, сожалѣемъ, что оно какъ будто медленно подвигается къ намъ; или вспоминаемъ прошедшее, хотимъ удержать его, а оно быстро отъ насъ убѣгаетъ. Мы такъ неразумны, что блуждаемъ во временахъ, намъ не принадлежащихъ, не думая о томъ, которое дано намъ. Мы суетно пребываемъ мыслью во временахъ, которыхъ уже нѣтъ болѣе, и безъ размышленія упускаемъ настоящее. Оно-то именно всегда и не нравится намъ. Мы стараемся не видѣть его, когда оно приноситъ намъ горе; если же оно доставляетъ намъ удовольствіе, мы съ сожалѣніемъ смотримъ, какъ оно бѣжитъ отъ насъ. Стараемся поддержать его будущимъ и думаемъ располагать вещами, не намъ принадлежащими, и во времени, до котораго, кто знаетъ, доживемъ ли.

Пусть всякій изслѣдуетъ свою мысль; окажется, что она всегда занята или прошедшимъ, или будущимъ. О настоящемъ мы почти не думаемъ, а если и думаемъ, то только ради того, чтобы изъ него научиться располагать будущимъ. Настоящее никогда не составляетъ нашей цѣли: прошедшее и настоящее — наши средства, а цѣль — одно будущее. Такимъ образомъ, мы никогда не живемъ, но надѣемся жить; а такъ какъ всегда разсчитываемъ на счастіе, то, несомнѣнно, никогда его не достигаемъ (если стремимся только къ такому, которое можетъ быть удѣломъ этой жизни).

VIII.

Наше воображеніе такъ расширяетъ предъ нами конечное время здѣшней жизни, вслѣдствіе постояннаго размышленія о немъ, и такъ уменьшаетъ вѣчность, благодаря недостаточному размышленію о ней, что изъ вѣчности дѣлаемъ ничто, а изъ ничего вѣчность. И все это такъ глубоко укоренилось въ насъ, что никакая сила разсудка не можетъ защитить насъ отъ этого.

IX.

Кромвель готовъ былъ потрясти весь христіанскій міръ: семейство короля погибло, его же, казалось, навсегда пріобрѣло могуще-

ство, но мелкая песчинка попала въ его мочевой пузырь—и что же? Когда самый Римъ начиналъ трепетать передъ нимъ, эта мелкая песчинка умертвила его, низвела въ прежнее состояніе его семейство, водворила миръ и возстановила короля на престолѣ.

X.

Воля — одинъ изъ главныхъ органовъ вѣрованія: она не образуетъ вѣрованія, но даетъ оцѣнку вещамъ, которыя можно считать или истинными, или ложными, смотря по тому, какъ смотрѣть на нихъ. Воля, отдающая преимущество одному предъ другимъ, отвращаетъ разумъ отъ изслѣдованія свойствъ вещи, ей не угодной, а потому умъ, идущій въ шагъ съ волею, останавливаетъ свое вниманіе на томъ, что укажетъ воля, и судитъ по тому, что видитъ.

XI.

Воображеніе увеличиваетъ мелкіе предметы до того, что они всецѣло наполняютъ нашу душу, и, по безразсудной дерзости, уменьшаетъ великіе предметы до своихъ собственныхъ размѣровъ, говоря, напримѣръ, о Богѣ.

XII.

Всѣ занятія людей клонятся къ пріобрѣтенію имущества, но люди не сумѣли бы доказать, что владѣютъ имъ по всей справедливости. Право ихъ основывается только на фантазіи законодателей, и самая прочность владѣнія весьма сомнительна. То же и по отношенію къ знаніямъ: болѣзнь отнимаетъ ихъ у насъ.

XIII.

Если бы намъ каждую ночь снилось одно и то же, то это производило бы на насъ такое же впечатлѣніе, какъ бы мы видѣли эти предметы въ дѣйствительности. Если бы ремесленникъ навѣрняка разсчитывалъ каждую ночь, въ продолженіе двѣнадцати часовъ видѣть себя королемъ, то, полагаю, онъ былъ бы почти такъ же счастливъ, какъ король, которому всякую ночь, въ теченіе двѣнадцати часовъ, снилось бы, что онъ ремесленникъ. Если бы каждую ночь намъ снилось, что насъ преслѣдуютъ враги, если бы, тревожимые этими тягостными призраками, мы проводили всѣ дни въ разнообразныхъ

занятіяхъ, какъ бываетъ при путешествіи, то мы страдали бы отъ этого почти такъ же, какъ если бы это было наяву, и намъ стало бы страшно засыпать, какъ страшно бываетъ проснуться, когда насъ дѣйствительно ожидаютъ подобныя непріятности. И, въ самомъ дѣлѣ, эти грезы были бы едва ли не тягостнѣе, чѣмъ самая дѣйствительность. Но такъ какъ сны разнообразны и измѣнчивы, то и впечатлѣнія отъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ отъ видимаго наяву, ибо послѣднее, хотя и съ перемѣнами, но повторяется чаще и постояннѣе. Притомъ же перемѣны эти не такъ неожиданны и, главнымъ образомъ, бываютъ только при путешествіяхъ. Поэтому тогда говорятъ: мнѣ кажется, что я грежу; ибо самая жизнь тотъ же сонъ, только менѣе непостоянный.

XIV.

Мы предполагаемъ, что всѣ люди одинаково воспринимаютъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, но предположеніе это дѣлаемъ наугадъ, ибо никакихъ доказательствъ на то не имѣемъ. Я понимаю, что одинаковыя слова употребляются въ тожественныхъ случаяхъ, и всякій разъ, когда двое видятъ, что тѣло или предметъ перемѣняетъ свое мѣсто, оба выражаютъ впечатлѣніе отъ одного и того же предмета одними и тѣми же словами, говоря, тотъ и другой, что онъ движется. И изъ этой тожественности опредѣленій выводятъ сильное доказательство тожественности идей. Но послѣдняя врядъ ли доказывается этимъ окончательно, хотя и многое можно сказать въ защиту такого вывода. Мы знаемъ, что одни и тѣ же послѣдствія нерѣдко выводятъ изъ различныхъ предположеній.

XV.

Видя дѣйствіе, повторяющееся постоянно при однихъ и тѣхъ же данныхъ, мы выводимъ изъ этого понятіе естественной необходимости, какъ ожидаемъ, что завтра будетъ день и т. д.; но часто природа насъ обманываетъ и не подчиняется своимъ собственнымъ законамъ.

XVI.

Науки имѣютъ двѣ соприкасающіяся между собою крайности: первая, то полное естественное невѣдѣніе, въ которомъ находятся всѣ люди при рожденіи; другой крайности достигаютъ великія души,

которыя, пройдя все доступное людямъ знаніе, убѣждаются, что онѣ ничего не знаютъ и, такимъ образомъ, приходятъ къ тому же невѣдѣнію, съ котораго начали. Но это невѣдѣніе ученое, сознательное. Вышедшіе изъ естественнаго невѣдѣнія и не достигнувшіе невѣдѣнія сознательнаго принимаютъ нѣкоторый оттѣнокъ самодовольнаго знанія и разыгрываютъ изъ себя знатоковъ. Они смущаютъ міръ и обо всемъ судятъ хуже прочихъ. Направляютъ міръ, по обыкновенію, народъ да мудрецы, остальные презираютъ свѣтъ или презираемы имъ.

СТАТЬЯ V.

Жалкое состояніе человѣка.

(Ничто такъ не способно познакомить насъ съ жалкимъ положеніемъ людей, какъ изслѣдованіе истинной причины ихъ безпрерывной суеты въ жизни.

Душа поселяется въ тѣлѣ на короткое время. Она знаетъ, что это лишь переходъ къ вѣчному путешествію, и что она должна приготовиться къ нему въ короткій срокъ человѣческой жизни. Естественныя потребности отнимаютъ у нея бо́льшую часть этого времени, такъ что на ея собственно долю остается его очень мало. Но и этотъ краткій досугъ почему-то такъ сильно ее тяготитъ и затрудняетъ, что какъ будто она только о томъ и заботится, какъ бы отъ него избавиться. Для нея невыносимо тяжко жить съ собою и думать о себѣ. Она стремится только къ самозабвенію, старается провести это столь короткое и столь драгоцѣнное время безъ размышленія, въ занятіяхъ, способныхъ отвлечь всякую мысль объ ожидающей ее вѣчности.

Вотъ источникъ всѣхъ суетныхъ занятій, всякаго такъ называемаго развлеченія, или препровожденія времени. Единственная цѣль этого — проводить время, не чувствуя его, или, скорѣе не чувствуя самого себя; — избѣгать, потерею этой части жизни, горечи и внутренняго недовольства, которыя бы необходимо возникли въ душѣ человѣка, если бъ это убиваемое время было употреблено имъ на размышленіе о самомъ себѣ. Душа не находитъ въ себѣ никакого

удовлетворенія. Всякій взглядъ внутрь себя приноситъ ей огорченіе. Это принуждаетъ ее искать утѣшенія внѣ себя, привязываться къ предметамъ внѣшнимъ, чтобы всячески изгладить мысль о своемъ дѣйствительномъ положеніи. Радость ея въ этомъ самозабвеніи, и, чтобы сдѣлаться несчастной, достаточно ей очутиться наединѣ съ собою).

I.

На людей съ дѣтства возлагается обязанность заботиться о своей чести и имуществѣ, а также объ имуществѣ и чести ихъ друзей. Ихъ обременяютъ дѣлами, обучаютъ языкамъ и наукамъ, внушая при этомъ, что счастіе ихъ заключается въ здоровьѣ, чести, богатствѣ, какъ ихъ самихъ, такъ и друзей, и что недостатокъ одного изъ этихъ благъ влечетъ за собою потерю счастія. Такимъ образомъ, имъ даютъ дѣла и занятія, которыя потомъ мучатъ ихъ всю жизнь. Вотъ, скажете вы, странный способъ приносить людямъ счастіе; не вѣрнѣйшее ли это средство сдѣлать ихъ несчастными? Вы хотите знать, какъ можно достичь этого? Стоило бы только отнять у нихъ всѣ эти заботы, тогда бы они увидали себя, стали думать, что они такое, откуда и куда идутъ. Но трудно привлечь ихъ къ этимъ занятіямъ и отвлечь отъ иныхъ. Потому-то, надававъ столько дѣлъ, совѣтуютъ имъ всякую свободную минуту употреблять на развлеченіе, игру и занимать себя всецѣло.

II.

Стараясь иногда объяснить себѣ, изъ-за чего подвергаютъ себя люди трудамъ и опасностямъ при дворѣ, на войнѣ, откуда происходитъ столько споровъ, страстей, смѣлыхъ и нерѣдко дурныхъ предпріятій, — я часто приходилъ къ тому заключенію, что все несчастіе людей происходитъ только отъ того, что они не умѣютъ спокойно сидѣть въ своей комнатѣ.

Человѣкъ, имѣющій средства къ жизни, если бы находилъ удовольствіе сидѣть дома, не захотѣлъ бы пуститься путешествовать по морю или участвовать въ осадѣ крѣпости. Онъ только тогда рѣшился бы платить за мѣсто въ арміи, когда ему стало бы невыносимо оставаться въ городѣ. Бесѣдъ и развлеченій ищутъ только потому, что не находятъ никакого удовольствія сидѣть дома.

Но, присмотрѣвшись ближе и найдя причину всѣхъ нашихъ несчастій, я захотѣлъ открыть, въ чемъ коренится она въ свою очередь. Оказалось, что начало ея заключается въ естественномъ злополучіи нашей слабой и смертной природы. Это состояніе настолько жалкое, что рѣшительно нѣтъ средствъ утѣшить себя, коль скоро о томъ подумаешь.

Какое положеніе себѣ ни представишь, собранія какихъ богатствъ ни вообразишь себѣ — все же положеніе государя кажется лучшимъ на свѣтѣ. Но, думается мнѣ, если бы и ему, которому предоставлено всевозможное довольство, пришлось остаться безъ развлеченій и углубиться въ самого себя, въ свое положеніе и значеніе,—эта полнота земныхъ благъ оказалась бы не въ силахъ поддержать его. Ему невольно придутъ на умъ мысли о возможности возстанія, наконецъ, о неизбѣжныхъ болѣзняхъ и смерти; такъ что, едва онъ очутится безъ такъ-называемаго развлеченія, какъ становится несчастнымъ и даже болѣе несчастнымъ, чѣмъ любой изъ его играющихъ и забавляющихся подданныхъ.

Монаршее достоинство само по себѣ развѣ не настолько велико, чтобы осчастливить носящаго его? Нужно ли еще развлекать его этой мыслью, какъ обыкновенныхъ людей? Я хорошо понимаю взглядъ, что можно принести счастіе человѣку, отвлекая его вниманіе отъ домашнихъ невзгодъ и стараясь наполнить всѣ его помыслы заботою, какъ бы выучиться хорошо танцовать, но пригодно ли это для государя и будетъ ли онъ счастливѣе, развлекаясь, чѣмъ созерцая свое величіе? Какой болѣе достойный предметъ можетъ занимать его мысли? Не значило ли бы лишать его радостей, занимая его умъ помышленіемъ о томъ, какъ лучше выступать подъ звуки музыки или какъ ловчѣе кидать шаръ, вмѣсто того, чтобы предоставить ему спокойно созерцать окружающее его величіе славы. Пусть испытаютъ: оставятъ короля совершенно одного, безъ всякаго удовлетворенія его чувствъ, внѣ всякой умственной заботы, безъ общества, чтобы онъ на свободѣ могъ подумать о себѣ. И вы увидите, что король безъ развлеченія вполнѣ жалкій человѣкъ. Поэтому-то тщательно этого избѣгаютъ, и въ королевской свитѣ всегда находится множество людей, на обязанности которыхъ лежитъ доставлять государямъ послѣ всякаго дѣла забавы, такъ что незанятаго времени у нихъ никогда не остается. Другими словами, короли окружены людьми, несущими достохвальныя заботы зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы

король не оставался наединѣ и не имѣлъ повода размышлять о себѣ, хорошо зная, что, при всемъ его королевскомъ достоинствѣ, онъ станетъ жалокъ, какъ только начнетъ думать о себѣ.

(Людей, занимающихъ высокія, обыкновенно столь трудныя должности, поддерживаетъ главнымъ образомъ то, что они безпрестанно отвлечены отъ мысли о себѣ).

Обратите вниманіе на положеніе министра, канцлера, перваго президента: съ утра до вечера ихъ отовсюду осаждаетъ множество людей, не оставляя имъ и одного часа въ теченіе цѣлаго дня, гдѣ бы они могли подумать о себѣ. Когда же они впадаютъ въ немилость и принуждены удалиться въ свои помѣстья, гдѣ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ богатствахъ, ни въ служителяхъ, готовыхъ удовлетворить каждому ихъ требованію, они сейчасъ же начинаютъ чувствовать свое ничтожество, ибо никто уже не мѣшаетъ имъ предаваться размышленіямъ о самихъ себѣ.

По той же причинѣ мы ищемъ женскаго общества, идемъ на войну, стремимся къ высокимъ должностямъ: не потому что въ нихъ дѣйствительно заключается счастіе, и мы не воображаемъ себѣ будто истинное благополучіе въ деньгахъ, которыя можно выиграть въ карты, или въ зайцѣ, котораго гонимъ. Мы отказались бы принять такое счастіе, если бы оно было предложено само по себѣ. Мы ищемъ не этого вялаго и покойнаго пользованія, при которомъ мы не освобождались бы отъ мыслей о нашемъ бѣдственномъ положеніи; насъ привлекаютъ не опасности войны, не трудности, сопряженныя съ высокими должностями; намъ нужна суета, которая развлекала бы насъ и не давала мѣста столь непріятнымъ мыслямъ.

По этой же причинѣ мы такъ любимъ шумъ и передвиженіе; оттого такъ страшно тюремное заключеніе; оттого непостижимо для насъ, какъ могутъ люди находить удовольствіе въ уединеніи. Участь монарховъ завидна во мнѣніи людей, потому что приближенные ихъ заботятся о доставленіи имъ безпрестанно всевозможныхъ удовольствій и развлеченій.

Вотъ все, что могли изобрѣсти люди, чтобы сдѣлать себя счастливыми. Умничающіе на эту тему и порицающіе людей за то, что они цо цѣлымъ днямъ охотятся на зайца и не хотятъ попросту добыть его покупкою, плохо знаютъ человѣческую природу. Этотъ заяцъ не избавилъ бы насъ отъ вида смерти и бѣдствій, но предохраняетъ отъ того охота. Поэтому, если бы они на упрекъ въ

суетности искомаго ими съ такимъ усердіемъ, какъ слѣдуетъ подумавъ, отвѣтили, что въ этомъ они ищутъ усиленнаго и бурнаго занятія, которое бы отвлекло ихъ отъ мысли о себѣ, и что ради этого они стремятся къ предмету, могущему прельстить и привлечь ихъ къ себѣ всецѣло, то противники ихъ не нашлись бы что возразить имъ. Но они не отвѣчаютъ подобнымъ образомъ, ибо не знаютъ самихъ себя; не знаютъ, что не добыча, а самая охота предметъ ихъ стремленій.

Они воображаютъ, что, получивъ такую-то должность, могли бы насладиться покоемъ, и не чувствуютъ всей ненасытности своей природы. Они увѣрены, что искренно стремятся къ покою, а на дѣлѣ ищутъ только заботъ.

Въ нихъ есть тайный инстинктъ, заставляющій ихъ искать развлеченія и внѣшнихъ занятій и вызываемый постояннымъ ощущеніемъ своего безотраднаго положенія. Есть въ нихъ и другой тайный инстинктъ, остатокъ величія нашей первобытной природы, внушающій имъ, что дѣйствительно счастіе заключается только въ покоѣ, а не въ суетѣ. Эти два противоположные инстинкта сливаются въ нихъ въ одно смутное предчувствіе, скрывающееся отъ ихъ взоровъ въ глубинѣ души, побуждающее ихъ стремиться къ покою чрезъ возбужденіе и какъ бы всегда говорящее имъ, что удовлетвореніе, котораго они лишены, наступитъ, если, поборовъ нѣкоторыя представляющіяся имъ трудности, они сумѣютъ открыть себѣ тѣмъ путь къ успокоенію.

Такъ протекаетъ вся жизнь. Ищутъ покоя въ борьбѣ съ нѣкоторыми препятствіями. Коль скоро послѣднія побѣждены, покой дѣлается невыносимымъ, такъ какъ приходится думать или о бѣдствіяхъ, уже существующихъ или угрожающихъ въ будущемъ. Если бы даже казалось, что отовсюду мы ограждены отъ невзгодъ, то скука, пользуясь своею особою властью, незамедлила бы подняться изъ глубины сердца, гдѣ она глубоко укоренилась отъ природы, и наполнила бы умъ своимъ ядомъ.

Трудно было исполнить совѣтъ успокоиться, данный Пирру, который искалъ покоя въ утомленіи себя безпрерывными подвигами.

Человѣкъ такъ несчастливъ, что, просто въ силу своего природнаго свойства, ему не избавиться отъ скуки даже тогда, когда, повидимому, для нея нѣтъ никакой непосредственной причины. Въ то

же время онъ такъ суетенъ, что, когда у него тысячи существенныхъ причинъ быть печальнымъ, пустѣйшая вещь, вродѣ игры на бильярдѣ, можетъ его разсѣять.

Но, скажете вы, какой интересъ его во всемъ этомъ? А интересъ тотъ, чтобы завтра похвалиться въ кругу друзей, что онъ игралъ лучше другого. Такъ иные корпятъ въ своемъ кабинетѣ, чтобы показать ученымъ, что они сумѣли разрѣшить какую-нибудь алгебраическую задачу, до нихъ нерѣшенную. Многіе опять подвергаютъ себя всевозможнымъ опасностямъ, чтобы потомъ имѣть возможность похвалиться участіемъ во взятіи крѣпости, и, по моему мнѣнію, то же глупо дѣлаютъ. Третьи, наконецъ, убиваютъ себя, трудясь надъ описаніемъ всѣхъ этихъ подвиговъ, не для того, чтобы увидѣть себя имя, но чтобы показать только, что они ихъ знаютъ. Эти послѣдніе всѣхъ глупѣе, потому что глупы сознательно, когда объ другихъ можно еще сказать, что они бы не стали этого дѣлать, если бы понимали, что дѣлаютъ.

Такой человѣкъ проводитъ жизнь безъ скуки, играя каждый день по маленькой. Давайте ему всякое утро деньги, которыя онъ можетъ ежедневно выигрывать, но съ условіемъ, чтобы онъ не игралъ совсѣмъ, и вы сдѣлаете его несчастнымъ. Скажутъ, можетъ-быть, что онъ въ игрѣ ищетъ развлеченія, а не выигрыша. Такъ пусай его играетъ даромъ: вы увидите тогда, что онъ не будетъ горячиться, за то станетъ скучать за игрой. Стало-быть, онъ ищетъ не одного развлеченія: вялое и безстрастное удовольствіе наведетъ на него скуку. Ему необходимо возбужденіе, самообманъ отъ мысли, что онъ будетъ счастливъ, выигравъ, хотя и не желалъ бы получить выигрышъ при обязательствѣ не играть совсѣмъ.

Ему непремѣнно нуженъ предметъ страсти, который бы возбуждалъ его желанія, его гнѣвъ, его страхъ, подобно тому, какъ дѣти пугаются или же намалеваннаго лица.

Отчего это происходитъ, что человѣкъ, потерявшій, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, единственнаго сына, удрученный тяжбами и процессами, такъ горевавшій еще сегодня утромъ, теперь вдругъ какъ бы и думать пересталъ о своемъ горѣ? Не удивляйтесь этому: онъ всецѣло занятъ наблюденіемъ, гдѣ пройдетъ кабанъ, котораго, вотъ уже шесть часовъ, какъ неистово преслѣдуютъ собаки. Что еще ему нужно? Человѣкъ, какъ бы сердце его ни было переполнено горестью, разъ удастся увлечь его въ какую-нибудь забаву, счастливъ,

пока она продолжается. И, при всевозможномъ счастьи, если онъ не развлеченъ, не поглощенъ какою-либо страстью или забавой, мѣшающею скукѣ овладѣть имъ, онъ скоро впадаетъ въ грусть и становится несчастнымъ. Безъ забавы нѣтъ радости, какъ за забавою нѣтъ печали. Такимъ-то путемъ составляется благополучіе лицъ высшаго общества, окруженныхъ множествомъ людей, развлекающихъ ихъ и тѣмъ поддерживающихъ ихъ благополучіе.

III.

Легче умереть, не думая о смерти, чѣмъ перенести мысль о смерти, не подвергаясь опасности.

IV.

Если бы человѣкъ вообще былъ счастливъ, онъ чувствовалъ бы себя тѣмъ счастливѣе, чѣмъ менѣе бы его развлекали. Но такое счастіе вѣдомо только Богу и святымъ.

Да, но развѣ не значитъ быть счастливымъ, находя удовольствіе въ забавѣ? Нѣтъ, ибо это счастіе внѣшнее и зависитъ отъ множества случайностей, которыя могутъ быть причиной неизбѣжныхъ огорченій.

V.

Единственнымъ средствомъ, утѣшающимъ насъ въ нашихъ горестяхъ, служитъ развлеченіе, но въ то же время въ немъ и величайшая бѣда наша, потому что оно-то, главнымъ образомъ, мѣшаетъ намъ думать о себѣ. Не будь его, мы бы жили въ скукѣ, а эта скука побудила бы насъ искать болѣе вѣрныхъ средствъ отъ нея избавиться. Но развлеченіе услаждаетъ насъ, и съ нимъ мы нечувствительно доживаемъ до смерти.

VI.

Состояніе человѣка: непостоянство, скука, безпокойство.

VII.

Суетенъ тотъ, кто не замѣчаетъ суетности свѣта. А кто не видитъ ея кромѣ молодежи, всецѣло поглощенной шумомъ, забавами и мыслью о будущемъ? Но отнимите у нея развлеченіе, и вы увидите,

какъ она станетъ пропадать отъ скуки. Она инстинктивно почувствуетъ тогда свое ничтожество, ибо, дѣйствительно, великое несчастіе испытывать невыносимую скуку, когда поневолѣ приходится сосредоточивать свои мысли на самомъ себѣ, за неимѣніемъ чѣмъ развлечься.

VIII.

Если бы наше положеніе было дѣйствительно счастливое, то и не требовалось бы отвлекать насъ отъ мысли о немъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.

Немногаго нужно для нашего утѣшенія, потому что немногаго достаточно, чтобы насъ опечалить.

IX.

Всего невыносимѣе для человѣка, это — полный покой, безъ страсти, безъ дѣла, безъ развлеченія. Онъ чувствуетъ тогда свое ничтожество, свое несовершенство, свою зависимость, немощь, пустоту. Немедленно изъ глубины души поднимается скука, мракъ, горесть, печаль, досада, отчаяніе.

X.

Когда солдатъ или работникъ жалуются на свой трудъ, оставьте ихъ безъ всякаго дѣла.

XI. Философы.

Прекрасное дѣло кричать человѣку, который самъ себя не знаетъ, чтобы онъ шелъ самъ по себѣ къ Богу! Не хуже того и говорить это человѣку, который знаетъ себя [1]).

---

[1]) Э. Гавэ слѣдующими словами комментируетъ это мѣсто: „Если онъ не знаетъ себя, то какъ знать ему Бога? Зная же себя, онъ понимаетъ, насколько онъ слабъ и несовершенъ, а потому и не можетъ *самъ по себѣ* обратиться къ Богу безъ помощи благодати. Поэтому только религія, а ужъ никакъ не философія, можетъ привести насъ къ Богу".

Перев.

XII. ИСКАНІЕ ИСТИННАГО БЛАГА.

Люди обыкновеннаго уровня полагаютъ свое благо въ богатствѣ, вообще въ предметахъ внѣшнихъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ развлеченіи. Философы указали на суетность всего этого, и всякій изъ нихъ объяснялъ благо по-своему.

У философовъ можно насчитать 280 высшихъ благъ[1]).

Споръ о высшемъ благѣ. *Ut sis contentus temetipso, et ex te nascentibus bonis.* Въ этихъ словахъ противорѣчіе, ибо они (философы, стоики) совѣтуютъ, наконецъ, самоубійство. О, какъ счастлива должна быть жизнь, отъ которой бѣгутъ какъ отъ чумы!

XIII.

Такъ какъ природа во всякомъ положеніи дѣлаетъ насъ несчастными, то недостающее намъ счастіе мы стараемся вообразить себѣ, присоединяя къ состоянію, въ которомъ находимся, удовольствія, присущія состоянію, въ которомъ не находимся. Достигнувъ же этихъ удовольствій, мы бы не нашли въ нихъ счастія, такъ какъ возымѣли бы другія желанія, согласныя съ этимъ новымъ состояніемъ.

XIV.

Люди, не будучи въ силахъ избѣгнуть смерти, бѣдствій и невѣдѣнія, вознамѣрились ради счастія совсѣмъ о нихъ не думать; вотъ все, что они могли изобрѣсти для облегченія себя отъ столькихъ золъ. Но это утѣшеніе очень жалкое, ибо ведетъ не къ исцѣленію зла, а только къ временному сокрытію его; а, скрывая зло, мы удаляемъ мысль о его дѣйствительномъ исцѣленіи. Такимъ образомъ, благодаря странному извращенію природы человѣка, выходитъ, что скука, самое чувствительное для него зло, какъ будто становится до нѣкоторой степени его величайшимъ благомъ, будучи въ состояніи болѣе всего остального заставить человѣка подумать объ истинномъ врачеваніи. По такой же ироніи, развлеченіе, которое онъ считаетъ

---

[1]) По словамъ Варрона, приводимымъ бл. Августиномъ (de Civ. Dei XIX, 2), въ отношеніи понятія о высшемъ человѣческомъ благѣ, можно было насчитать двѣсти восемьдесятъ восемь сектъ.

Прим. Э. Гавэ.

своимъ величайшимъ благомъ, въ дѣйствительности есть его величайшее зло, ибо болѣе прочаго отвлекаетъ его отъ исканія средства противъ его золъ. То и другое служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ жалкаго и поврежденнаго состоянія человѣка и въ то же время его величія. Человѣкъ скучаетъ отъ всего и ищетъ такого множества занятій потому только, что имѣетъ представленіе о потерянномъ имъ счастіи; но, не находя въ себѣ этого счастія, онъ тщетно ищетъ его въ вещахъ внѣшнихъ, ибо счастіе это не въ насъ, не въ тваряхъ, а только въ одномъ Богѣ.

XV.

Соломонъ и Іовъ лучше всѣхъ знали и лучше всѣхъ говорили о бѣдствіяхъ человѣка — одинъ, будучи самымъ счастливымъ, а другой самымъ несчастнымъ человѣкомъ; одинъ, опытомъ познавшій суетность удовольствій, другой — дѣйствительность золъ.

СТАТЬЯ VI.

Удивительныя противоположности, встрѣчающіяся въ природѣ человѣка въ отношеніи истины, счастія и многихъ другихъ вещей.

I.

Всего поразительнѣе въ человѣческой природѣ, это противоположности, обнаруживающіяся въ ней въ отношеніи всего. Человѣкъ созданъ для познанія истины, онъ желаетъ ея горячо, онъ ищетъ ее, но въ этихъ поискахъ теряетъ путь, приходитъ въ смущеніе до такой степени, что добытая истина легко можетъ быть у него оспариваема. Изъ этого возникли обѣ секты, пирронистовъ и догматистовъ; одни хотѣли отнять у человѣка всякое познаніе истины, другіе стараются увѣрить его въ обладаніи ею; но доводы тѣхъ и другихъ такъ мало правдоподобны, что только увеличиваютъ затрудненіе и смущеніе человѣка, когда у него нѣтъ иного руководства кромѣ того, которое онъ находитъ въ своей природѣ.

Главные доводы пирронистовъ, не говоря о второстепенныхъ, тѣ, что мы не имѣемъ никакой увѣренности въ истинности этихъ природныхъ началъ познанія [1]), внѣ вѣры и откровенія; что мы только чувствуемъ ихъ лишь по внушенію нашей природы. А это природное чувство не есть убѣдительное доказательство ихъ истинности, потому что разъ, помимо вѣры, нѣтъ никакой увѣренности, сотворенъ ли человѣкъ благимъ Богомъ или злымъ демономъ, или явился случайно, то онъ въ сомнѣніи, даны ли намъ эти начала истинными или неизвѣстно какими, смотря по нашему происхожденію. Болѣе того, никто внѣ вѣры не убѣжденъ, бодрствуетъ онъ или спитъ, такъ какъ и во снѣ считаютъ себя какъ бы вполнѣ бодрствующими: во снѣ какъ бы на самомъ дѣлѣ мы видимъ пространства, очертанія, движенія, видимъ, какъ протекаетъ время, измѣряемъ его и, наконецъ, дѣйствуемъ какъ бы совсѣмъ наяву. Такимъ образомъ, по нашему собственному признанію, значительная часть нашей жизни проходитъ во снѣ, когда, что бы намъ тамъ ни казалось, мы не имѣемъ никакого понятія о дѣйствительности, ибо во снѣ наши чувства простая иллюзія. Слѣдовательно, кто знаетъ, не есть ли эта другая половина жизни, въ которой мы бодрствуемъ, также сонъ, нѣсколько отличный отъ перваго, отъ котораго мы пробуждаемся, когда полагаемъ, что спимъ?

Вотъ главныя положенія этой и другой стороны [2]).

Я опускаю доводы второстепенные, какъ, напримѣръ, доводы пирронистовъ противъ понятій, пріобрѣтаемыхъ обычаемъ, воспитаніемъ, нравами, особенностями страны и т. п., которые хотя и увлекаютъ бо́льшую часть обыкновенныхъ людей, догматизирующихъ только на этихъ невѣрныхъ основаніяхъ, опрокидываются, однако, отъ малѣйшаго дуновенія пирронистовъ. Кто недостаточно убѣжденъ въ этомъ, тому стоитъ только заглянуть въ написанныя ими книги: убѣдиться можно очень, даже слишкомъ, скоро.

Я останавливаюсь на единственномъ сильномъ доводѣ догматистовъ, а именно, что, говоря искренно и чистосердечно, нельзя сомнѣваться въ естественныхъ началахъ познанія.

Этому пирронисты противопоставляютъ неувѣренность въ нашемъ происхожденіи, заключающую въ себѣ неувѣренность и въ нашей

---

1) Какихъ началъ — ср. ст. „Слабость человѣка“ парагр. 14.

2) Догматиковъ (коихъ доводы не приведены авторомъ) и пирронистовъ.

какъ она станетъ пропадать отъ скуки. Она инстинктивно почувствуетъ тогда свое ничтожество, ибо, дѣйствительно, великое несчастіе испытывать невыносимую скуку, когда поневолѣ приходится сосредоточивать свои мысли на самомъ себѣ, за неимѣніемъ чѣмъ развлечься.

VIII.

Если бы наше положеніе было дѣйствительно счастливое, то и не требовалось бы отвлекать насъ отъ мысли о немъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.

Немногаго нужно для нашего утѣшенія, потому что немногаго достаточно, чтобы насъ опечалить.

IX.

Всего невыносимѣе для человѣка, это — полный покой, безъ страсти, безъ дѣла, безъ развлеченія. Онъ чувствуетъ тогда свое ничтожество, свое несовершенство, свою зависимость, немощь, пустоту. Немедленно изъ глубины души поднимается скука, мракъ, горесть, печаль, досада, отчаяніе.

X.

Когда солдатъ или работникъ жалуются на свой трудъ, оставьте ихъ безъ всякаго дѣла.

XI. Философы.

Прекрасное дѣло кричать человѣку, который самъ себя не знаетъ, чтобы онъ шелъ самъ по себѣ къ Богу! Не хуже того и говорить это человѣку, который знаетъ себя [1]).

---

[1]) Э. Гавэ слѣдующими словами комментируетъ это мѣсто: „Если онъ не знаетъ себя, то какъ знать ему Бога? Зная же себя, онъ понимаетъ, насколько онъ слабъ и несовершенъ, а потому и не можетъ *самъ по себѣ* обратиться къ Богу безъ помощи благодати. Поэтому только религія, а ужъ никакъ не философія, можетъ привести насъ къ Богу".

Перев.

XII. ИСКАНІЕ ИСТИННАГО БЛАГА.

Люди обыкновеннаго уровня полагаютъ свое благо въ богатствѣ, вообще въ предметахъ внѣшнихъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ развлеченіи. Философы указали на суетность всего этого, и всякій изъ нихъ объяснялъ благо по-своему.

У философовъ можно насчитать 280 высшихъ благъ[1]).

Споръ о высшемъ благѣ. *Ut sis contentus temetipso, et ex te nascentibus bonis.* Въ этихъ словахъ противорѣчіе, ибо они (философы, стоики) совѣтуютъ, наконецъ, самоубійство. О, какъ счастлива должна быть жизнь, отъ которой бѣгутъ какъ отъ чумы!

XIII.

Такъ какъ природа во всякомъ положеніи дѣлаетъ насъ несчастными, то недостающее намъ счастіе мы стараемся вообразить себѣ, присоединяя къ состоянію, въ которомъ находимся, удовольствія, присущія состоянію, въ которомъ не находимся. Достигнувъ же этихъ удовольствій, мы бы не нашли въ нихъ счастія, такъ какъ возымѣли бы другія желанія, согласныя съ этимъ новымъ состояніемъ.

XIV.

Люди, не будучи въ силахъ избѣгнуть смерти, бѣдствій и невѣдѣнія, вознамѣрились ради счастія совсѣмъ о нихъ не думать; вотъ все, что они могли изобрѣсти для облегченія себя отъ столькихъ золъ. Но это утѣшеніе очень жалкое, ибо ведетъ не къ исцѣленію зла, а только къ временному сокрытію его; а, скрывая зло, мы удаляемъ мысль о его дѣйствительномъ исцѣленіи. Такимъ образомъ, благодаря странному извращенію природы человѣка, выходитъ, что скука, самое чувствительное для него зло, какъ будто становится до нѣкоторой степени его величайшимъ благомъ, будучи въ состояніи болѣе всего остальнаго заставить человѣка подумать объ истинномъ врачеваніи. По такой же ироніи, развлеченіе, которое онъ считаетъ

---

[1]) По словамъ Варрона, приводимымъ бл. Августиномъ (de Civ. Dei XIX, 2), въ отношеніи понятія о высшемъ человѣческомъ благѣ, можно было насчитать двѣсти восемьдесятъ восемь сектъ.

Прим. Э. Гавэ.

своимъ величайшимъ благомъ, въ дѣйствительности есть его величайшее зло, ибо болѣе прочаго отвлекаетъ его отъ исканія средства противъ его золъ. То и другое служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ жалкаго и поврежденнаго состоянія человѣка и въ то же время его величія. Человѣкъ скучаетъ отъ всего и ищетъ такого множества занятій потому только, что имѣетъ представленіе о потерянномъ имъ счастіи; но, не находя въ себѣ этого счастія, онъ тщетно ищетъ его въ вещахъ внѣшнихъ, ибо счастіе это не въ насъ, не въ тваряхъ, а только въ одномъ Богѣ.

XV.

Соломонъ и Іовъ лучше всѣхъ знали и лучше всѣхъ говорили о бѣдствіяхъ человѣка — одинъ, будучи самымъ счастливымъ, а другой самымъ несчастнымъ человѣкомъ; одинъ, опытомъ познавшій суетность удовольствій, другой — дѣйствительность золъ.

СТАТЬЯ VI.

Удивительныя противоположности, встрѣчающіяся въ природѣ человѣка въ отношеніи истины, счастія и многихъ другихъ вещей.

I.

Всего поразительнѣе въ человѣческой природѣ, это противоположности, обнаруживающіяся въ ней въ отношеніи всего. Человѣкъ созданъ для познанія истины, онъ желаетъ ея горячо, онъ ищетъ ее, но въ этихъ поискахъ теряетъ путь, приходитъ въ смущеніе до такой степени, что добытая истина легко можетъ быть у него оспариваема. Изъ этого возникли обѣ секты, пирронистовъ и догматистовъ; одни хотѣли отнять у человѣка всякое познаніе истины, другіе стараются увѣрить его въ обладаніи ею; но доводы тѣхъ и другихъ такъ мало правдоподобны, что только увеличиваютъ затрудненіе и смущеніе человѣка, когда у него нѣтъ иного руководства кромѣ того, которое онъ находитъ въ своей природѣ.

Главные доводы пирронистовъ, не говоря о второстепенныхъ, тѣ, что мы не имѣемъ никакой увѣренности въ истинности этихъ природныхъ началъ познанія [1]), внѣ вѣры и откровенія; что мы только чувствуемъ ихъ лишь по внушенію нашей природы. А это природное чувство не есть убѣдительное доказательство ихъ истинности, потому что разъ, помимо вѣры, нѣтъ никакой увѣренности, сотворенъ ли человѣкъ благимъ Богомъ или злымъ демономъ, или явился случайно, то онъ въ сомнѣніи, даны ли намъ эти начала истинными или неизвѣстно какими, смотря по нашему происхожденію. Болѣе того, никто внѣ вѣры не убѣжденъ, бодрствуетъ онъ или спитъ, такъ какъ и во снѣ считаютъ себя какъ бы вполнѣ бодрствующими: во снѣ какъ бы на самомъ дѣлѣ мы видимъ пространства, очертанія, движенія, видимъ, какъ протекаетъ время, измѣряемъ его и, наконецъ, дѣйствуемъ какъ бы совсѣмъ наяву. Такимъ образомъ, по нашему собственному признанію, значительная часть нашей жизни проходитъ во снѣ, когда, что бы намъ тамъ ни казалось, мы не имѣемъ никакого понятія о дѣйствительности, ибо во снѣ наши чувства простая иллюзія. Слѣдовательно, кто знаетъ, не есть ли эта другая половина жизни, въ которой мы бодрствуемъ, также сонъ, нѣсколько отличный отъ перваго, отъ котораго мы пробуждаемся, когда полагаемъ, что спимъ?

Вотъ главныя положенія этой и другой стороны [2]).

Я опускаю доводы второстепенные, какъ, напримѣръ, доводы пирронистовъ противъ понятій, пріобрѣтаемыхъ обычаемъ, воспитаніемъ, нравами, особенностями страны и т. п., которые хотя и увлекаютъ бо́льшую часть обыкновенныхъ людей, догматизирующихъ только на этихъ невѣрныхъ основаніяхъ, опрокидываются, однако, отъ малѣйшаго дуновенія пирронистовъ. Кто недостаточно убѣжденъ въ этомъ, тому стоитъ только заглянуть въ написанныя ими книги: убѣдиться можно очень, даже слишкомъ, скоро.

Я останавливаюсь на единственномъ сильномъ доводѣ догматистовъ, а именно, что, говоря искренно и чистосердечно, нельзя сомнѣваться въ естественныхъ началахъ познанія.

Этому пирронисты противопоставляютъ неувѣренность въ нашемъ происхожденіи, заключающую въ себѣ неувѣренность и въ нашей

---

[1]) Какихъ началъ — ср. ст. „Слабость человѣка“ парагр. 14.

[2]) Догматиковъ (конхъ доводы не приведены авторомъ) и пирронистовъ.

природѣ; на это возраженіе отвѣтъ остается за догматистами испоконъ вѣка.

На этой почвѣ происходитъ между людьми постоянная борьба. Въ ней каждый поневолѣ принимаетъ участіе и примыкаетъ необходимо или къ догматизму, или къ пирронизму, ибо думающій оставаться нейтральнымъ становится пирронистомъ по преимуществу. Въ этой нейтральности вся суть и заключается: кто не противъ нихъ, тотъ преимущественно за нихъ. Пирронисты не сами за себя: они нейтральны, безразличны, не принадлежатъ ни къ какой сторонѣ, не исключая самихъ себя.

Что же дѣлать человѣку въ этомъ состояніи? Сомнѣваться ли во всемъ, сомнѣваться ли въ томъ, что онъ бодрствуетъ, что его щиплютъ, что его жгутъ? Сомнѣваться ли ему въ томъ, что онъ сомнѣвается, сомнѣваться ли въ томъ, что онъ существуетъ? Но это вещь невозможная, и я утверждаю, что никогда не было дѣйствительно совершеннаго пирроніста [1]). Природа поддерживаетъ немощный разумъ и препятствуетъ ему доходить до подобной крайности.

Можно ли, напротивъ того, утверждать, что человѣкъ несомнѣнно обладаетъ истиной,— человѣкъ, который, какъ ни мало его съ этимъ торопятъ, не въ силахъ доказать права этого владѣнія и по необходимости долженъ разстаться съ своей добычей?

Что же человѣкъ за химера? Какое невиданное хаотическое существо, какой предметъ противорѣчій, какое чудо? Судья всѣхъ вещей, несмысленный червь земной, хранитель правды, смѣсь неувѣренности и заблужденія, слава и отбросъ вселенной.

Кто разберется въ этомъ хаосѣ? Природа смущаетъ пирроністовъ, а разумъ путаетъ догматистовъ. Что же будетъ изъ тебя, о, человѣкъ, который ищешь опредѣлить свое дѣйствительное положеніе своимъ природнымъ разсудкомъ? Тебѣ нельзя ни избѣжать одной изъ этихъ сектъ, ни оставаться въ какой-либо изъ нихъ.

Познай же, гордецъ, какой парадоксъ ты самъ для себя представляешь. Смирись, немощный умъ, умолкни, несмысленная природа; познай, что человѣкъ — существо, безконечно непонятное для человѣка, и вопроси у твоего Владыки о невѣдомомъ тебѣ истинномъ твоемъ состояніи. Послушай Бога.

---

1) Въ вѣкъ Паскаля слово *скептицизмъ*, синонимъ пирронизма, еще не употреблялось.

Перев.

Если бы человѣкъ не былъ поврежденъ грѣхомъ, онъ, въ своей невинности, наконецъ, достигъ бы прочнаго обладанія и истиной, и блаженствомъ. Но если бы человѣкъ былъ поврежденнымъ изначала, то не имѣлъ бы никакого представленія ни объ истинѣ, ни о блаженствѣ. Однако, при всемъ нашемъ несчастіи, и если бы въ нашемъ положеніи не было никакого начала величія, мы имѣемъ представленіе о счастіи, не будучи въ силахъ достигнуть его; мы чувствуемъ образъ истины, а владѣемъ только ложью: не способные ни къ абсолютному невѣдѣнію, ни къ несомнѣнному знанію, мы носимъ въ себѣ очевидное свидѣтельство, что нѣкогда были на степени совершенства, съ которой, къ прискорбію, пали!

Мы познаемъ истину не однимъ разумомъ, но и сердцемъ; этимъ-то послѣднимъ путемъ мы постигаемъ первыя начала, и напрасно старается оспаривать ихъ разумъ, который тутъ совсѣмъ не у мѣста. Напрасенъ стремящійся только къ этому трудъ пирронистовъ. Мы знаемъ только, что мы совсѣмъ не грезимъ, какъ бы ни безсиленъ былъ умъ нашъ доказать это; это безсиліе свидѣтельствуетъ лишь о слабости нашего разума, а не о сомнительности всѣхъ нашихъ познаній, какъ они утверждаютъ. Знаніе первыхъ началъ, какъ напримѣръ, что существуетъ *пространство, время, движеніе, число,* прочно какъ ни одно изъ знаній, получаемыхъ нами путемъ разсужденія. На эти-то знанія сердца и инстинкта долженъ опираться разумъ и на нихъ строить свои разсужденія. Сердцемъ мы чувствуемъ, что есть три измѣренія въ пространствѣ и что числа безконечны, а разумъ потомъ доказываетъ, что нѣтъ двухъ квадратныхъ чиселъ, изъ коихъ одно было бы удвоеніемъ другого. Начала чувствуются, а сужденія выводятся — то и другое съ увѣренностью, хотя и различными путями. Смѣшно со стороны разума требовать у сердца доказательствъ его основныхъ началъ, чтобы согласиться съ ними, какъ одинаково смѣшно было бы сердцу требовать у разума чувствованія всѣхъ дѣлаемыхъ имъ заключеній, чтобы принять ихъ.

Слѣдовательно, это безсиліе должно служить только къ смиренію разума, которому хотѣлось бы судить обо всемъ; а не къ опроверженію нашей увѣренности, какъ если бы только одинъ разумъ былъ способенъ руководить нами. Дай Богъ, чтобы, напротивъ, мы никогда не имѣли нужды въ разумѣ, а познавали всѣ вещи инстинктомъ и чувствомъ. Но природа отказала намъ въ этомъ благѣ, сообщивъ

иметь лишь весьма неясныя понятія такого рода; всѣ другія пріобрѣтаются только путемъ разсужденія.

(Такъ отличается человѣкъ отъ человѣка по отношенію истины; разсмотримъ его теперь въ отношеніи счастія, къ которому онъ такъ горячо стремится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ).

Всѣ люди домогаются счастія; въ этомъ отношеніи между ними нѣтъ исключеній. При всемъ различіи употребляемыхъ ими къ тому средствъ, всѣ стремятся къ этой цѣли. Это заставляетъ однихъ идти на войну, а другихъ не идти; у тѣхъ и у другихъ одно и то же желаніе, только исполняемое различными путями. Воля подвигаетъ человѣка только въ направленіи къ этому предмету, т.-е. счастію. Это побужденіе всѣхъ дѣйствій всѣхъ людей, включая самоубійцъ. Между тѣмъ, при всей давности существованія человѣчества, никто никогда безъ вѣры не достигалъ той точки, въ которую всѣ мѣтятъ. Жалуются всѣ, государи и подданные, бояре и разночинцы, старые и молодые, сильные и слабые, ученые и невѣжды, здоровые и больные, люди всѣхъ странъ и временъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній.

Такой продолжительный, такой постоянный и однообразный опытъ достаточно долженъ бы убѣдить насъ въ невозможности достигнуть блага нашими собственными усиліями; но примѣръ этотъ ничему насъ не научаетъ. Между подходящими положеніями никогда не бываетъ совершеннаго сходства, и всегда встрѣчается, хотя и очень незначительное, различіе, а по этой причинѣ мы надѣемся, что наше ожиданіе не будетъ обмануто въ этомъ случаѣ, какъ въ другомъ. Такимъ образомъ, никогда неудовлетворенныхъ настоящимъ, опытъ обманываетъ насъ и отъ несчастія къ несчастію приводитъ къ смерти, вѣчному его завершенію.

Что же возвѣщаютъ намъ эта жажда счастія и это безсиліе его достигнуть, какъ не то дѣйствительное счастіе, которымъ когда-то пользовался человѣкъ, но отъ котораго теперь остался въ немъ лишь слабый слѣдъ. Напрасно старается человѣкъ наполнить эту образовавшуюся пустоту всѣмъ его окружающимъ, прибѣгая къ отсутствующимъ вещамъ за помощью, въ которой отказываютъ ему вещи присущія. Тѣ и другія не въ состояніи помочь ему, такъ какъ эта бездонная пропасть можетъ быть наполнена только предметомъ безконечнымъ и неизмѣннымъ, т.-е. самимъ Богомъ.

Онъ одинъ есть истинное благо человѣка, и, замѣчательно — съ тѣхъ поръ какъ Богъ покинулъ его, что только въ природѣ не въ

состоянiи было замѣнить ему утраченное благо — звѣзды, небо, земля, стихiи, растенiя, животныя, насѣкомыя, болѣзни, войны, пороки, преступленiя. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ истинное благо, все одинаково можетъ казаться ему таковымъ до самоумерщвленiя включительно, хотя это послѣднее столь противно Богу, разуму, и всей природѣ.

Одни ищутъ блага во власти, другiе въ наукахъ и разныхъ диковинахъ, третьи въ сладострастiи. Нѣкоторые, нѣсколько болѣе приблизившiеся къ истинному понятiю о благѣ, нашли необходимымъ, чтобы всеобщее благо, желаемое всѣми людьми, не заключалось ни въ одной изъ особыхъ вещей, могущихъ принадлежать только одному, ибо, будучи раздѣлены, онѣ болѣе печалятъ обладателя ихъ, жалѣющаго о недостающей части, чѣмъ удовлетворяютъ его пользованiемъ части, ему принадлежащей. Эти люди поняли, что истинное благо должно быть доступно всѣмъ одновременно и въ одинаковой степени, чтобы не было мѣста зависти, и никто противъ своего желанiя не могъ его лишиться. (Они поняли его, но найти не могли, а вмѣсто прочнаго и дѣйствительнаго блага ухватились за пустой образъ фантастической добродѣтели).

Нашъ инстинктъ даетъ намъ чувствовать необходимость искать счастiя внѣ себя. Наши страсти влекутъ насъ наружу, хотя бы даже и не представлялось предметовъ, способныхъ вызвать ихъ. Внѣшнiе предметы искушаютъ и влекутъ насъ къ себѣ даже, когда мы о нихъ и не думаемъ. Поэтому, сколько бы ни говорили философы: войдите внутрь себя, тамъ ваше благо, — имъ не вѣрятъ; вѣрятъ только самые пустые и глупые. (Что можетъ быть смѣшнѣе и суетнѣе предлагаемаго стоиками, и гдѣ столько лжи, какъ въ ихъ умствованiяхъ?) Они полагаютъ всегда возможнымъ то, что возможно лишь иногда, и что, если желанiе славы побуждаетъ къ чему-нибудь однихъ, то то же могутъ сдѣлать и другiе. Это возбужденiе лихорадочное, которому здоровое состоянiе подражать не можетъ.

Внутренняя борьба между разсудкомъ и страстями заставила ищущихъ покоя раздѣлиться на двѣ секты: одни хотѣли отказаться отъ страстей и сдѣлаться богами, другiе — отказаться отъ разума и стать животными. Но ни тѣ, ни другiе не достигли цѣли; не могли устранить разума, всегда осуждающаго низость и несправедливость страстей и нарушающаго покой тѣхъ, которые имъ

предаются; равно и страсти вѣчно живы въ людяхъ, желающихъ отъ нихъ отказаться.

(Вотъ чего можетъ достигнуть человѣкъ своими собственными силами въ отношеніи правды и блага).

Вопреки всякому догматизму, мы безсильны доказать, что обладаемъ истиной, и, съ другой стороны, никакой пирронизмъ не въ силахъ у насъ этого оспорить. Мы жаждемъ истины, а находимъ въ себѣ одно сомнѣніе. Ищемъ счастія, а встрѣчаемъ лишь горе и смерть. Мы не въ состояніи не желать истины и счастія, но не способны ни къ вѣрному знанію, ни къ счастію. Это желаніе оставлено намъ сколько въ наказаніе, столько и для того, чтобы дать намъ почувствовать, съ какой высоты мы пали.

II.

Если человѣкъ не созданъ для Бога, почему счастливъ онъ только въ Богѣ? Если человѣкъ созданъ для Бога, почему онъ такъ сопротивляется Богу?

III.

Человѣкъ не знаетъ куда себя причислить. Онъ, видимо, блуждаетъ, палъ съ своего настоящаго мѣста и не можетъ опять найти его. Онъ съ безпокойствомъ, но безъ успѣха, повсюду ищетъ его въ непроницаемомъ мракѣ.

IV.

Представьте себѣ толпу людей въ цѣпяхъ, приговоренныхъ къ смерти; каждый день нѣкоторые изъ нихъ умерщвляются въ виду остальныхъ; остающіеся видятъ свое собственное положеніе въ положеніи имъ подобныхъ, и, смотря другъ на друга съ чувствомъ скорби и безнадежности, ожидаютъ своей очереди. Вотъ картина положенія человѣчества.

СТАТЬЯ VII.

Противъ равнодушія атеистовъ.

Хотя бы они, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ узнали оспариваемую ими религію, прежде чѣмъ опровергать ее. Если бы эта религія похвалялась, будто ясно видитъ Бога, что Онъ вполнѣ открытъ ей, то дѣйствительно значило бы опровергать ее, говоря, что въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что воочію свидѣтельствовало бы о присутствіи Божіемъ. Но она, напротивъ, говоритъ, что люди находятся въ мракѣ и отчужденіи отъ Бога, что Онъ сокрылъ себя отъ ихъ познанія и въ писаніи Самъ называетъ Себя *Богомъ сокровеннымъ* [1]); наконецъ, она сама старается утвердить два слѣдующія положенія: что Богъ установилъ въ Церкви ощутительные признаки, по которымъ могли бы узнать Его искренно Его ищущіе, и въ то же время Онъ настолько сокрылъ эти признаки, что видѣть Его могутъ только стремящіеся къ Нему всѣмъ своимъ сердцемъ. Какая же польза для нихъ, если они, будучи столь небрежными искателями истины, жалуются, что ни въ чемъ не могутъ открыть ее? Ибо мракъ, въ которомъ они находятся и въ которомъ упрекаютъ Церковь, лишь служитъ подтвержденіемъ одного изъ упомянутыхъ положеній Церкви, не касаясь другого, и утверждаетъ ея ученіе, нисколько не разрушая его.

Опроверженіе ихъ имѣло бы силу въ томъ только случаѣ, когда бы они по праву могли сказать, что, употребивъ всѣ усилія къ отысканію истины, даже въ томъ, что указывается какъ путь къ истинѣ самою Церковью, удовлетворительнаго результата не достигли. Говоря такъ, они дѣйствительно пошатнули бы одно изъ притязаній религіи. Но я надѣюсь показать здѣсь, что ни одинъ разумный человѣкъ не говорилъ и не можетъ говорить подобнымъ языкомъ. Извѣстенъ образъ дѣйствій людей такого порядка. Они думаютъ, что сдѣлали все, возможное для вразумленія себя, употребивъ нѣсколько часовъ на чтеніе какой-нибудь Библейской книги и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ священнику объ истинахъ вѣры. А потомъ хвалятся тщетностью своихъ исканій въ книгахъ и между людьми. Но, право, не

[1]) Исх. XLV, 15.

могу удержаться, чтобы не высказать не разъ повторяемаго мною, — что подобная небрежность невыносима. Здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-нибудь второстепенномъ вопросѣ, чтобы возможно было такое отношеніе къ дѣлу; рѣчь идетъ о насъ самихъ и обо всемъ, что намъ должно быть особенно дорого.

Безсмертіе души столь важный вопросъ для насъ, касается насъ такъ глубоко, что равнодушіе къ нему служило бы признакомъ потери всякаго сознанія. Въ зависимости отъ ожиданія вѣчныхъ благъ въ будущей жизни, всѣ наши дѣйствія и наши мысли должны принимать столь различное направленіе, что нѣтъ возможности не сообразовать всякаго сужденія нашего съ точкою зрѣнія на этотъ самоважнѣйшій для насъ предметъ.

Итакъ, первый интересъ и первый долгъ нашъ — уяснить себѣ этотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ все наше поведеніе. По этому-то между неубѣжденными въ этомъ я строго различаю стремящихся всѣми силами вразумить себя въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ, которые живутъ, нисколько о томъ не безпокоясь и не думая.

Я могу лишь съ сочувствіемъ относиться къ людямъ, которые искренно скорбятъ, находясь въ этомъ сомнѣніи, видятъ въ немъ величайшее несчастіе и, не жалѣя никакихъ усилій, чтобы разсѣять его, считаютъ это стремленіе своимъ главнѣйшимъ и серіознѣйшимъ дѣломъ.

Но что касается тѣхъ, которые проводятъ жизнь, не думая объ этой послѣдней цѣли жизни и потому только, что не находятъ въ себѣ самихъ данныхъ для своего убѣжденія, не заботятся поискать ихъ внѣ себя и тщательно изслѣдовать, принадлежитъ ли это мнѣніе къ разряду принимаемыхъ народомъ по своей довѣрчивой простотѣ, или оно изъ числа тѣхъ темныхъ, по существу вопросовъ, которые, однако, имѣютъ очень прочное и непоколебимое основаніе, — на такихъ людей я смотрю совершенно иными глазами.

Эта небрежность въ дѣлѣ, касающемся самого человѣка, его вѣчности, всего, что должно быть дорого ему, не столько трогаетъ, сколько возмущаетъ меня; по-моему, такое явленіе изумительно, ужасно, даже уродливо. Я говорю такъ не подъ вліяніемъ священной ревности благочестія. Напротивъ, я хочу сказать, что чувство это должно вытекать изъ здраваго человѣческаго разсудка, въ интересахъ самолюбія. Для этого нужно проницательности не больше, чѣмъ у самыхъ простыхъ, самыхъ непросвѣщенныхъ людей.

Не нужно имѣть особенно возвышенную душу, чтобы понять, что въ здѣшней жизни не можетъ быть полнаго и дѣйствительнаго удовлетворенія; что всѣ наши удовольствія одна суета, а бѣдствія безконечны; что, наконецъ, смерть, угрожающая намъ ежечасно, должна неминуемо поставить насъ черезъ немного лѣтъ въ ужасающую необходимость быть или навѣки уничтоженными, или навѣки несчастными.

Нѣтъ ничего ни несомнѣннѣе, ни ужаснѣе этого. Какъ бы мы ни храбрились, таковъ конецъ самой лучшей, въ мірскомъ смыслѣ, жизни. Слѣдовало бы поразмыслить объ этомъ и сказать потомъ, не неоспоримо ли на самомъ дѣлѣ, что въ этой жизни нѣтъ иного блага, кромѣ надежды будущей жизни; что тѣмъ счастливѣе человѣкъ, чѣмъ ближе къ ней, и что какъ нѣтъ болѣе несчастій для того, кто совершенно увѣренъ въ ожидающей его вѣчности, такъ и не можетъ быть счастія для людей, нисколько въ этомъ отношеніи не просвѣщенныхъ.

Конечно, велико несчастіе находиться въ этомъ сомнѣніи; но мы обязаны, по крайней мѣрѣ, стараться выйти изъ него, если оно есть въ насъ, а потому сомнѣвающійся и не ищущій увѣренности крайне несчастливъ и, вмѣстѣ, крайне несправедливъ. Если онъ при этомъ спокоенъ и доволенъ, хвалится и тщеславится этимъ, даже находитъ предметъ радости и гордости въ такомъ состояніи;— я рѣшительно теряюсь, какъ назвать такое нелѣпое существо.

И откуда могутъ являться подобныя чувства? Какая радость не видѣть впереди ничего, кромѣ неисцѣлимыхъ золъ? Что славнаго въ этомъ непроницаемомъ мракѣ, и какъ можетъ здравомыслящій человѣкъ разсуждать слѣдующимъ образомъ?

«Я не знаю, кто далъ мнѣ мѣсто въ этомъ мірѣ, ни что такое міръ, ни что такое я самъ. Я нахожусь въ страшномъ невѣдѣніи всего. Не знаю ни своего тѣла, ни своихъ чувствъ, ни души, ни даже той части меня самого, которая мыслитъ то, что я говорю, размышляетъ обо всемъ и о себѣ самой и, однако, такъ же мало знаетъ себя, какъ и все остальное. Я вижу обнимающія меня неизмѣримыя пространства вселенной, самъ же пріуроченъ къ небольшому уголку этого необъятнаго протяженія, не вѣдая, почему именно здѣсь, а не тамъ мое мѣсто, почему данное мнѣ малое время назначено мнѣ въ этотъ, а не въ другой моментъ, какъ всей предшествовавшей мнѣ, такъ и послѣдующей вѣчности.

«Отовсюду мнѣ видны неизмѣримыя величины, заключающія меня въ себѣ, какъ атомъ, какъ мимолетную, минутную тѣнь.

«Все, что я знаю, это недалекая моя смерть, и самое недоступное моему познанію — та же неизбѣжная для меня смерть.

«Какъ неизвѣстно мнѣ мое прошлое, такъ невѣдомо и будущее; одно только знаю, что по выходѣ изъ этого міра я навсегда повергаюсь или въ ничтожество, или въ руки разгнѣваннаго Бога, не вѣдая, какое изъ этихъ двухъ положеній станетъ моимъ вѣчнымъ удѣломъ. Таково мое состояніе, полное бѣдствій, немощей, мрака. И изъ всего этого я заключаю, что долженъ проводить всѣ дни своей жизни, не помышляя проникнуть въ грядущую судьбу мою. Можетъ-быть, мнѣ и удалось бы нѣсколько разсѣять свои сомнѣнія; но я не хочу брать на себя эту заботу, не сдѣлаю ни шагу навстрѣчу этого свѣта, а потомъ, относясь съ презрѣніемъ къ тѣмъ, которые бы взяли на себя такой трудъ, я безъ боязни и предразмышленія встрѣтилъ бы это великое событіе; безъ сопротивленія далъ бы вести себя на смерть, не будучи увѣренъ въ вѣчности своего будущаго состоянія».

Кто пожелалъ бы имѣть другомъ человѣка, говорящаго такимъ языкомъ? Кто выбралъ бы его изъ числа другихъ, чтобы ввѣрить ему свои дѣла? Кто прибѣгнулъ бы къ нему въ минуту своей скорби? И, наконецъ, какую пользу въ жизни могъ бы принести такой человѣкъ?

Дѣйствительно, для религіи достославно имѣть врагами такихъ неблагоразумныхъ людей; сопротивленіе ихъ такъ неопасно для нея, что, напротивъ, служитъ къ утвержденію ея главныхъ истинъ. Ибо христіанская вѣра, главнымъ образомъ, стремится установить два слѣдующія положенія: растлѣніе нашей природы и искупленіе. А если они и не доказываютъ истины Искупленія святостію своихъ нравовъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣчательнымъ образомъ подтверждаютъ растлѣніе природы такими неестественными чувствами.

Ничто такъ не важно для человѣка, какъ его положеніе; ничто такъ не страшно, какъ вѣчность. Поэтому въ людяхъ совершенно неестественно равнодушіе къ утратѣ своего бытія и къ опасности подвергнуться вѣчному бѣдствію. Совсѣмъ не такъ относятся они ко всѣмъ другимъ вещамъ: боятся всего до малѣйшей бездѣлицы, стараются все предусмотрѣть, всему сочувствуютъ; и тотъ самый человѣкъ, который проводитъ столько дней и ночей въ досадѣ и от-

чаяніи по поводу потери должности или какого-нибудь воображаемаго оскорбленія своей чести, — тотъ же самый человѣкъ знаетъ, что со смертію теряетъ все, и это не безпокоитъ и не волнуетъ его. Явленіе уродливое, что въ одномъ и томъ же сердцѣ въ одно и то же время обнаруживается такая чувствительность къ самымъ малѣйшимъ вещамъ и такое равнодушіе къ самымъ важнымъ.

Это необъяснимое увлеченіе съ одной стороны и неестественное усыпленіе съ другой — свидѣтельствуютъ о всемогущей силѣ, вызывающей эти явленія.

Только страннымъ извращеніемъ природы человѣка можно объяснить себѣ, почему многіе считаютъ славнымъ положеніе, которое, повидимому, невыносимо и для одного человѣка. Между тѣмъ, по опыту мнѣ извѣстно, что эта удивительная многочисленность подобныхъ людей только кажущаяся, ибо большинство ихъ притворяется индифферентными, будучи на самомъ дѣлѣ совершенно иного мнѣнія. Это люди, слышавшіе, что выдавать себя вѣрующимъ не принято въ изящномъ обществѣ. Они называютъ это сверженіемъ ига и подражаютъ вольнодумцамъ по модѣ. Но не трудно было бы доказать имъ, какъ сильно они обольщаютъ себя, думая снискать этимъ уваженіе. Оно пріобрѣтается не такимъ путемъ, даже между людьми свѣтскими, имѣющими здравое сужденіе о вещахъ и знающими, что достигнуть успѣховъ въ свѣтѣ можно только обнаруженіемъ въ себѣ честности, вѣрности, здравомыслія и способности приносить пользу своему другу; вѣдь люди естественно любятъ только то, что можетъ быть имъ полезно. А что за выгоду обѣщаетъ намъ человѣкъ, который, какъ выражается онъ, свергнулъ иго, не вѣритъ въ существованіе Бога, который бы слѣдилъ за его дѣйствіями, считаетъ себя единственнымъ господиномъ своего поведенія и только самому себѣ готовъ дать въ немъ отчетъ? Думаетъ ли онъ, что такимъ признаніемъ въ состояніи пріобрѣсти наше довѣріе, что мы можемъ ожидать отъ него утѣшенія, совѣтовъ или помощи въ минуту жизненной невзгоды? Не воображаютъ ли они, что доставили намъ удовольствіе, высказавшись о душѣ, какъ о легкомъ дуновеніи вѣтра или частицѣ пара и, притомъ, такимъ гордымъ и самодовольнымъ тономъ. А развѣ это такая вещь, чтобы говорить о ней шутя? Неумѣстнѣе ли было бы, напротивъ, высказывать такую мысль съ выраженіемъ печали, какъ о самой скорбной вещи въ мірѣ?

Если бы они серьезно думали о томъ, то увидали бы сами, что такое отношеніе къ дѣлу столь неумѣстно, такъ противно здравому смыслу, такъ несогласно съ порядочностью и во всѣхъ отношеніяхъ далеко отъ хорошаго тона, котораго они добиваются, что скорѣе въ состояніи вразумить, чѣмъ развратить тѣхъ, въ коихъ есть нѣкоторая наклонность имъ послѣдовать. И, въ самомъ дѣлѣ, заставьте ихъ дать отчетъ въ своихъ чувствахъ и причинахъ религіознаго сомнѣнія: они приведутъ вамъ столь слабые и ничтожные доводы, что убѣдятъ васъ въ противномъ. Это самое было однажды, весьма кстати, сказано имъ одною особою: если вы будете разговаривать подобнымъ образомъ, то, по чести, вы меня сдѣлаете вѣрующимъ. И онъ былъ правъ: кто не ужаснулся бы, увидавъ, что раздѣляетъ взглядъ людей, столь достойныхъ презрѣнія.

Поэтому невѣрующіе только по внѣшности должны чувствовать себя несчастными, насилуя свой здравый смыслъ ради того, чтобы сдѣлаться людьми самыми дерзкими и безразсудными. Если они въ глубинѣ души скорбятъ о томъ, что недостаточно просвѣщены въ этомъ отношеніи, то напрасно скрытничаютъ: такое признаніе нисколько не предосудительно. Стыдно только быть совершеннымъ невѣждой въ этомъ вопросѣ. Ничто такъ не обличаетъ крайней слабости ума, какъ непризнаніе всей силы несчастія безбожника. Ничто не доказываетъ такъ дурныхъ наклонностей сердца, какъ нежеланіе видѣть оправдавшимися вѣчные обѣты. Самый трусливый тотъ, кто выказываетъ себя храбрецомъ передъ Богомъ. Итакъ, пусть они предоставятъ это нечестіе тѣмъ, которые дѣйствительно способны къ нему вслѣдствіе своей испорченности; пусть, по крайней мѣрѣ, будутъ честными людьми, если не могутъ быть христіанами, и пусть, наконецъ, признаютъ, что есть только два разряда людей, дѣйствительно разсудительныхъ: это или тѣ, которые, уже зная Бога, служатъ Ему всѣмъ своимъ сердцемъ, или тѣ, которые всѣмъ сердцемъ ищутъ Его, потому что Его не знаютъ.

Но что касается живущихъ въ невѣдѣніи Бога и не старающихся обрѣсти Его, то они сами себя считаютъ такъ мало достойными собственныхъ заботъ, что становятся недостойными и попеченій со стороны другихъ. Необходимо все человѣколюбіе презираемой ими религіи, чтобы не презирать ихъ до предоставленія ихъ собственному безумію. Эта религія обязываетъ смотрѣть на нихъ, пока они живы, какъ на способныхъ къ воспринятію могущей просвѣтить ихъ благо-

дати, и вѣровать, что черезъ короткое время они могутъ исполниться вѣры въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы сами; мы же, напротивъ, можемъ впасть въ ослѣпленіе, подобное тому, въ которомъ находятся они. Слѣдовательно, мы должны дѣлать для нихъ то, что желали бы, чтобъ дѣлали для насъ, если бы мы были въ ихъ положеніи; должны убѣждать ихъ сжалиться надъ самими собою и сдѣлать хотя нѣсколько шаговъ ради попытки получить вразумленіе. Пусть они отдадутъ этому чтенію хотя небольшую часть того времени, которое такъ безполезно тратятъ на другія занятія. Несмотря на ихъ отвращеніе къ такому чтенію, они, можетъ-быть, найдутъ въ немъ кое-что, или, по крайней мѣрѣ, много и не потеряютъ. Что же касается приступающихъ къ чтенію съ совершенною искренностію и дѣйствительнымъ желаніемъ встрѣтить истину, то я надѣюсь, что они получатъ удовлетвореніе и собранными мною здѣсь доказательствами убѣдятся въ истинности столь божественной религіи.

СТАТЬЯ VIII.

Разумнѣе вѣрить, чѣмъ не вѣрить въ то, чему учитъ христіанская религія.

Наша душа поселена въ тѣлѣ, гдѣ она находитъ число, время, протяженіе. Она разсуждаетъ объ этомъ, называетъ это природой, необходимостью и иному вѣрить не можетъ.

Единица, прибавленная къ безконечному, ничѣмъ его не увеличиваетъ, какъ одинъ футъ ничего не прибавитъ къ безконечной мѣрѣ. Конечное уничтожается въ присутствіи безконечнаго и становится чистымъ ничтожествомъ. Такъ и нашъ умъ передъ Богомъ; такъ и наше правосудіе передъ правосудіемъ Божіимъ.

Мы знаемъ, что есть безконечное, а природы его не знаемъ, какъ зная, что можно было бы считать числа конечными, не сомнѣваемся поэтому, что въ числѣ есть безконечное, но мы не знаемъ, каково оно. Неправильно считать его четнымъ, равно неправильно и утверждать, что оно нечетно, такъ какъ съ прибавленіемъ къ нему единицы оно нисколько не измѣняется въ своей природѣ. Между

тѣмъ, это — число, а всякое число четно, или нечетно; таковъ, несомнѣнно, характеръ всѣхъ конечныхъ чиселъ.

Такимъ образомъ, можно хорошо знать, что Богъ есть, не зная, что Онъ такое.

Существованіе и природа конечнаго намъ извѣстны, потому что мы сами подобно ему конечны и имѣемъ протяженіе.

Мы знаемъ о существованіи безконечнаго, не зная его природы, потому что, имѣя подобно намъ протяженіе, оно не имѣетъ предѣловъ, какъ мы; но мы не знаемъ ни существованія, ни природы Бога, такъ какъ Онъ ни протяженія, ни границъ не имѣетъ.

Вѣрою, однако, мы познаемъ Его существованіе, а въ царствѣ *славы* откроется намъ и Его природа. А я уже доказалъ, что можно знать о существованіи чего-нибудь, не зная его природы.

Будемъ разсуждать теперь на основаніи природнаго разсудка [1]).

Если Богъ есть, то Онъ окончательно непостижимъ, такъ какъ, не имѣя ни частей, ни предѣловъ, Онъ не имѣетъ никакого соотношенія съ нами. Поэтому мы неспособны познать, ни что Онъ, ни есть ли Онъ. Разъ это такъ, кто осмѣлится взять на себя рѣшеніе этого вопроса? Только не мы, не имѣющіе съ Нимъ никакого соотношенія.

Какъ же послѣ этого порицать христіанъ, что они не могутъ дать отчета въ своемъ вѣрованіи, когда они сами признаютъ, что ихъ религія не такова, чтобы можно было давать въ ней отчетъ? Они заявляютъ, что въ мірскомъ смыслѣ это *безуміе* [2]). А вы жалуетесь, что они вамъ не доказываютъ ее! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно, это отсутствіе съ ихъ стороны доказательствъ и говоритъ въ пользу ихъ разумности.

«Да, но если это извиняетъ тѣхъ, кто говоритъ, что религія недоказываема, и снимаетъ съ нихъ упрекъ въ непредставленіи доказательствъ, то это самое не оправдываетъ принимающихъ ее».

Изслѣдуемъ этотъ пунктъ, и скажемъ: Богъ есть, или Бога нѣтъ. Но на которую сторону мы склонимся? Разумъ тутъ ничего рѣшить не можетъ. Насъ раздѣляетъ безконечный хаосъ. На краю этого безконечнаго разстоянія разыгрывается игра, исходъ которой

---

[1]) Т.-е. внѣ свѣта вѣры. *Перев.*

[2]) Ср. I Коринѳ. I, 19, а также II главу того же посланія. *Перев.*

не извѣстенъ. На что вы будете ставить? Разумъ здѣсь не при чемъ, онъ не можетъ указать вамъ выбора. Поэтому не говорите, что сдѣлавшіе выборъ заблуждаются, такъ какъ ничего объ этомъ не знаете.

«Нѣтъ; но я порицалъ бы ихъ не за то, что они сдѣлали тотъ или другой выборъ, а за то, что они вообще рѣшились на выборъ; такъ какъ одинаково заблуждаются и выбравшіе четъ, какъ и выбравшіе нечетъ. Самое вѣрное совсѣмъ не играть».

Да, но дѣлать ставку необходимо: не въ вашей волѣ играть или не играть. На чемъ же вы остановитесь? Такъ какъ выборъ сдѣлать необходимо, то посмотримъ, что представляетъ для васъ меньше интереса: вы можете проиграть двѣ вещи, истину и благо, и двѣ вещи вамъ приходится ставить на карту, ваши разумъ и волю, ваше познаніе и ваше блаженство; природа же ваша должна избѣгать двухъ вещей: ошибки и бѣдствія. Разъ выбирать необходимо, то вашъ разумъ не потерпитъ ущерба ни при томъ, ни при другомъ выборѣ. Это безспорно; ну, а ваше блаженство?

Взвѣсимъ выигрышъ и проигрышъ, ставя на то, что Богъ есть. Возьмемъ два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Онъ есть.

«Отлично, слѣдуетъ такъ поступить; но, можетъ-быть, я дѣлаю слишкомъ большую ставку?»

Посмотримъ. Такъ какъ случайности выигрыша и потери одинаковы, то если бы вамъ представлялась возможность выиграть только двѣ жизни за одну, то и тогда рискнуть этою одною не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни, рискъ былъ бы еще умѣстнѣе (такъ какъ вы въ необходимости играть), и вы поступили бы неблагоразумно, не рискнувъ своею жизнью ради выигрыша трехъ жизней въ такой игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы. Но есть вѣчная жизнь и вѣчное счастіе. Поэтому было бы глупостью не поставить на карту конечнаго ради безконечнаго, если бъ даже изъ безконечнаго числа случайностей одна только была на вашей сторонѣ, не говоря уже объ игрѣ при одинаковыхъ шансахъ за и противъ. Выигрышъ и рискъ здѣсь уравновѣшены. Вездѣ, гдѣ дано безконечное и нѣтъ безконечно великаго риска проигрыша противъ вѣроятности выигрыша, тамъ нечего взвѣшивать, а нужно отдавать все. Такимъ образомъ, будучи

...ся отъ невѣрія, просите лѣкарствъ. Спросите объ ... которые, подобно вамъ, были связаны, а теперь жер... своимъ достояніемъ. Эти люди знаютъ путь, которымъ ... идти, и вылѣчились отъ недуга, отъ котораго и вы ...ться. Начните такъ же, какъ и они начали; а они ... того, что дѣлали все такъ, какъ бы уже вѣровали: ... воду, заказывали обѣдни и т. д. Это именно и научитъ ... и смиритъ вашъ умъ [1]).

...-то я и боюсь».

...е? Что вы этимъ теряете?

... этого средства для нашей цѣли доказывается уже спо... смягчать страсти, служащія волѣ значительнымъ пре... и т. д.

...ество дурного можете вы опасаться отъ этого рѣшенія? Вы ... вѣрнымъ, честнымъ, скромнымъ, признательнымъ, благо... искреннимъ, истиннымъ другомъ. Дѣйствительно, вы ...сь отъ заразительныхъ удовольствій, славы, наслажденій; ... вамъ нечѣмъ будетъ замѣнить ихъ?

...говорю вамъ, что останетесь въ выигрышѣ въ этой жизни; ...дымъ вашимъ шагомъ по этому пути вамъ будетъ предста... выигрышъ столь несомнѣннымъ, а рискъ — такимъ ничтож... что вы, наконецъ, убѣдитесь, что держали пари на нѣчто ...ительно несомнѣнное, безконечное, за которое ничѣмъ не по...лись.

...О, я въ восторгѣ отъ этой бесѣды и т. д.».

...Если эта рѣчь вамъ нравится и кажется сильной, знайте, что ... написана человѣкомъ, который до и послѣ нея становился на ...ѣна и молился безконечному Существу, коему онъ предается все...ло, чтобы Онъ предалъ Себѣ и васъ ради вашего блага и Его ...авы. Знайте, что сила въ немощи совершается.

---

[1]) Монтэнь сказалъ раньше Паскаля: „Нужно сдѣлаться безумнымъ, чтобы ...мудриться“ (Опыты кн. VI, гл. XII). Апост. Павелъ говоритъ: „Если кто изъ ...асъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть ...мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ (Коринѳ. III, 19).

Прим. Фожера.

принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь, вмѣсто того чтобы рискнуть ею ради выигрыша безконечнаго — столь же возможнаго, какъ и проигрышъ ничтожества, — доказываемъ, что дѣйствуемъ вопреки разсудку.

Ни къ чему не послужило бы возраженіе, будто рискуешь вѣрнымъ ради гадательнаго выигрыша и что безконечное разстояніе, отдѣляющее *несомнѣнность* ставки отъ *сомнительности* выигрыша, равняется конечному благу, которое ставится несомнѣнно ради сомнительнаго безконечнаго. Это не такъ. Всякій игрокъ рискуетъ съ увѣренностью ради выигрыша, въ которомъ не увѣренъ, и тѣмъ не менѣе онъ несомнѣнно рискуетъ конечнымъ для сомнительнаго выигрыша конечнаго же, нисколько не погрѣшая этимъ противъ разсудка. Ложно думать, что между этою увѣренностью въ ставкѣ и неувѣренностью въ выигрышѣ разстояніе безконечно. Въ дѣйствительности же безконечность есть только между несомнѣнностью выигрыша и несомнѣнностью потери. Но сомнительность выигрыша пропорціональна несомнѣнности ставки, какъ это вытекаетъ изъ отношенія случайностей выигрыша и потери. Отсюда выходитъ, что если случайностей съ одной стороны столько же, сколько и съ другой, то идетъ партія равная противъ равной, и тогда увѣренность въ ставкѣ равняется неувѣренности въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, наше предложеніе безконечно сильно, когда рисковать приходится конечнымъ въ игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы, и выигрышемъ можетъ быть безконечное. Это доказывается само собою; и если люди способны понимать какія-нибудь истины, это одна изъ нихъ.

«Согласенъ и признаюсь въ этомъ. Но нѣтъ ли возможности узнать оборотную сторону этой игры?»

Какъ же, для этого есть Писаніе и пр.

«Такъ; но у меня руки связаны, и я лишенъ возможности говорить; меня заставляютъ играть, и я лишенъ свободы; меня не выпускаютъ, а я созданъ такъ, что не могу вѣрить. Что же мнѣ теперь дѣлать?»

Это вѣрно. Но поймите, по крайней мѣрѣ, что вы безсильны вѣрить, такъ какъ, несмотря на принужденіе со стороны разума, вы все-таки вѣрить не можете. Старайтесь же убѣдить себя не добываніемъ новыхъ доказательствъ бытія Божія, а уменьшеніемъ своихъ страстей. Вы хотите достигнуть вѣры, а пути къ ней не знаете;

желая излѣчиться отъ невѣрія, просите лѣкарствъ. Спросите объ этомъ у тѣхъ, которые, подобно вамъ, были связаны, а теперь жертвуютъ всѣмъ своимъ достояніемъ. Эти люди знаютъ путь, которымъ вы намѣрены идти, и вылѣчились отъ недуга, отъ котораго и вы хотите избавиться. Начните такъ же, какъ и они начали; а они начинали съ того, что дѣлали все такъ, какъ бы уже вѣровали: пили святую воду, заказывали обѣдни и т. д. Это именно и научитъ васъ вѣрить и смиритъ вашъ умъ [1]).

«Но этого-то я и боюсь».

Почему же? Что вы этимъ теряете?

Вѣрность этого средства для нашей цѣли доказывается уже способностью его смягчать страсти, служащія волѣ значительнымъ препятствіемъ и т. д.

Да и чего дурного можете вы опасаться отъ этого рѣшенія? Вы сдѣлаетесь вѣрнымъ, честнымъ, скромнымъ, признательнымъ, благодѣтельнымъ, искреннимъ, истиннымъ другомъ. Дѣйствительно, вы отшатнетесь отъ заразительныхъ удовольствій, славы, наслажденій; но развѣ вамъ нечѣмъ будетъ замѣнить ихъ?

Я говорю вамъ, что останетесь въ выигрышѣ въ этой жизни; съ каждымъ вашимъ шагомъ по этому пути вамъ будетъ представляться выигрышъ столь несомнѣннымъ, а рискъ — такимъ ничтожнымъ, что вы, наконецъ, убѣдитесь, что держали пари на нѣчто дѣйствительно несомнѣнное, безконечное, за которое ничѣмъ не поплатились.

«О, я въ восторгѣ отъ этой бесѣды и т. д.».

Если эта рѣчь вамъ нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человѣкомъ, который до и послѣ нея становился на колѣна и молился безконечному Существу, коему онъ предается всецѣло, чтобы Онъ предалъ Себѣ и васъ ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила въ немощи совершается.

---

[1]) Монтэнь сказалъ раньше Паскаля: „Нужно сдѣлаться безумнымъ, чтобы умудриться“ (Опыты кн. VI, гл. XII). Апост. Павелъ говоритъ: „Если кто изъ насъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ (Коринѳ. III, 19).

Прим. Фожера.

«Отовсюду мнѣ видны неизмѣримыя величины, заключающія меня въ себѣ, какъ атомъ, какъ мимолетную, минутную тѣнь.

«Все, что я знаю, это недалекая моя смерть, и самое недоступное моему познанію — та же неизбѣжная для меня смерть.

«Какъ неизвѣстно мнѣ мое прошлое, такъ невѣдомо и будущее; одно только знаю, что по выходѣ изъ этого міра я навсегда повергаюсь или въ ничтожество, или въ руки разгнѣваннаго Бога, не вѣдая, какое изъ этихъ двухъ положеній станетъ моимъ вѣчнымъ удѣломъ. Таково мое состояніе, полное бѣдствій, немощей, мрака. И изъ всего этого я заключаю, что долженъ проводить всѣ дни своей жизни, не помышляя проникнуть въ грядущую судьбу мою. Можетъ-быть, мнѣ и удалось бы нѣсколько разсѣять свои сомнѣнія; но я не хочу брать на себя эту заботу, не сдѣлаю ни шагу навстрѣчу этого свѣта, а потомъ, относясь съ презрѣніемъ къ тѣмъ, которые бы взяли на себя такой трудъ, я безъ боязни и предразмышленія встрѣтилъ бы это великое событіе; безъ сопротивленія далъ бы вести себя на смерть, не будучи увѣренъ въ вѣчности своего будущаго состоянія».

Кто пожелалъ бы имѣть другомъ человѣка, говорящаго такимъ языкомъ? Кто выбралъ бы его изъ числа другихъ, чтобы ввѣрить ему свои дѣла? Кто прибѣгнулъ бы къ нему въ минуту своей скорби? И, наконецъ, какую пользу въ жизни могъ бы принести такой человѣкъ?

Дѣйствительно, для религіи достославно имѣть врагами такихъ неблагоразумныхъ людей; сопротивленіе ихъ такъ неопасно для нея, что, напротивъ, служитъ къ утвержденію ея главныхъ истинъ. Ибо христіанская вѣра, главнымъ образомъ, стремится установить два слѣдующія положенія: растлѣніе нашей природы и искупленіе. А если они и не доказываютъ истины Искупленія святостію своихъ нравовъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣчательнымъ образомъ подтверждаютъ растлѣніе природы такими неестественными чувствами.

Ничто такъ не важно для человѣка, какъ его положеніе; ничто такъ не страшно, какъ вѣчность. Поэтому въ людяхъ совершенно неестественно равнодушіе къ утратѣ своего бытія и къ опасности подвергнуться вѣчному бѣдствію. Совсѣмъ не такъ относятся они ко всѣмъ другимъ вещамъ: боятся всего до малѣйшей бездѣлицы, стараются все предусмотрѣть, всему сочувствуютъ; и тотъ самый человѣкъ, который проводитъ столько дней и ночей въ досадѣ и от-

чаяніи по поводу потери должности или какого-нибудь воображаемаго оскорбленія своей чести, — тотъ же самый человѣкъ знаетъ, что со смертію теряетъ все, и это не безпокоитъ и не волнуетъ его. Явленіе уродливое, что въ одномъ и томъ же сердцѣ въ одно и то же время обнаруживается такая чувствительность къ самымъ малѣйшимъ вещамъ и такое равнодушіе къ самымъ важнымъ.

Это необъяснимое увлеченіе съ одной стороны и неестественное усыпленіе съ другой — свидѣтельствуютъ о всемогущей силѣ, вызывающей эти явленія.

Только страннымъ извращеніемъ природы человѣка можно объяснить себѣ, почему многіе считаютъ славнымъ положеніе, которое, повидимому, невыносимо и для одного человѣка. Между тѣмъ, по опыту мнѣ извѣстно, что эта удивительная многочисленность подобныхъ людей только кажущаяся, ибо большинство ихъ притворяется индифферентными, будучи на самомъ дѣлѣ совершенно иного мнѣнія. Это люди, слышавшіе, что выдавать себя вѣрующимъ не принято въ изящномъ обществѣ. Они называютъ это сверженіемъ ига и подражаютъ вольнодумцамъ по модѣ. Но не трудно было бы доказать имъ, какъ сильно они обольщаютъ себя, думая снискать этимъ уваженіе. Оно пріобрѣтается не такимъ путемъ, даже между людьми свѣтскими, имѣющими здравое сужденіе о вещахъ и знающими, что достигнуть успѣховъ въ свѣтѣ можно только обнаруженіемъ въ себѣ честности, вѣрности, здравомыслія и способности приносить пользу своему другу; вѣдь люди естественно любятъ только то, что можетъ быть имъ полезно. А что за выгоду обѣщаетъ намъ человѣкъ, который, какъ выражается онъ, свергнулъ иго, не вѣритъ въ существованія Бога, который бы слѣдилъ за его дѣйствіями, считаетъ себя единственнымъ господиномъ своего поведенія и только самому себѣ готовъ дать въ немъ отчетъ? Думаетъ ли онъ, что такимъ признаніемъ въ состояніи пріобрѣсти наше довѣріе, что мы можемъ ожидать отъ него утѣшенія, совѣтовъ или помощи въ минуту жизненной невзгоды? Не воображаютъ ли они, что доставили намъ удовольствіе, высказавшись о душѣ, какъ о легкомъ дуновеніи вѣтра или частицѣ пара и, притомъ, такимъ гордымъ и самодовольнымъ тономъ. А развѣ это такая вещь, чтобы говорить о ней шутя? Неумѣстнѣе ли было бы, напротивъ, высказывать такую мысль съ выраженіемъ печали, какъ о самой скорбной вещи въ мірѣ?

Если бы они серьезно думали о томъ, то увидали бы сами, что такое отношеніе къ дѣлу столь неумѣстно, такъ противно здравому смыслу, такъ несогласно съ порядочностью и во всѣхъ отношеніяхъ далеко отъ хорошаго тона, котораго они добиваются, что скорѣе въ состояніи вразумить, чѣмъ развратить тѣхъ, въ коихъ есть нѣкоторая наклонность имъ послѣдовать. И, въ самомъ дѣлѣ, заставьте ихъ дать отчетъ въ своихъ чувствахъ и причинахъ религіознаго сомнѣнія: они приведутъ вамъ столь слабые и ничтожные доводы, что убѣдятъ васъ въ противномъ. Это самое было однажды, весьма кстати, сказано имъ одною особою: если вы будете разговаривать подобнымъ образомъ, то, по чести, вы меня сдѣлаете вѣрующимъ. И онъ былъ правъ: кто не ужаснулся бы, увидавъ, что раздѣляетъ взглядъ людей, столь достойныхъ презрѣнія.

Поэтому невѣрующіе только по внѣшности должны чувствовать себя несчастными, насилуя свой здравый смыслъ ради того, чтобы сдѣлаться людьми самыми дерзкими и безразсудными. Если они въ глубинѣ души скорбятъ о томъ, что недостаточно просвѣщены въ этомъ отношеніи, то напрасно скрытничаютъ: такое признаніе нисколько не предосудительно. Стыдно только быть совершеннымъ невѣждой въ этомъ вопросѣ. Ничто такъ не обличаетъ крайней слабости ума, какъ непризнаніе всей силы несчастія безбожника. Ничто не доказываетъ такъ дурныхъ наклонностей сердца, какъ нежеланіе видѣть оправдавшимися вѣчные обѣты. Самый трусливый тотъ, кто выказываетъ себя храбрецомъ передъ Богомъ. Итакъ, пусть они предоставятъ это нечестіе тѣмъ, которые дѣйствительно способны къ нему вслѣдствіе своей испорченности; пусть, по крайней мѣрѣ, будутъ честными людьми, если не могутъ быть христіанами, и пусть, наконецъ, признаютъ, что есть только два разряда людей, дѣйствительно разсудительныхъ: это или тѣ, которые, уже зная Бога, служатъ Ему всѣмъ своимъ сердцемъ, или тѣ, которые всѣмъ сердцемъ ищутъ Его, потому что Его не знаютъ.

Но что касается живущихъ въ невѣдѣніи Бога и не старающихся обрѣсти Его, то они сами себя считаютъ такъ мало достойными собственныхъ заботъ, что становятся недостойными и попеченій со стороны другихъ. Необходимо все человѣколюбіе презираемой ими религіи, чтобы не презирать ихъ до предоставленія ихъ собственному безумію. Эта религія обязываетъ смотрѣть на нихъ, пока они живы, какъ на способныхъ къ воспринятію могущей просвѣтить ихъ благо-

дати, и вѣровать, что черезъ короткое время они могутъ исполниться вѣры въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы сами; мы же, напротивъ, можемъ впасть въ ослѣпленіе, подобное тому, въ которомъ находятся они. Слѣдовательно, мы должны дѣлать для нихъ то, что желали бы, чтобъ дѣлали для насъ, если бы мы были въ ихъ положеніи; должны убѣждать ихъ сжалиться надъ самими собою и сдѣлать хотя нѣсколько шаговъ ради попытки получить вразумленіе. Пусть они отдадутъ этому чтенію хотя небольшую часть того времени, которое такъ безполезно тратятъ на другія занятія. Несмотря на ихъ отвращеніе къ такому чтенію, они, можетъ-быть, найдутъ въ немъ кое-что, или, по крайней мѣрѣ, много и не потеряютъ. Что же касается приступающихъ къ чтенію съ совершенною искренностію и дѣйствительнымъ желаніемъ встрѣтить истину, то я надѣюсь, что они получатъ удовлетвореніе и собранными мною здѣсь доказательствами убѣдятся въ истинности столь божественной религіи.

СТАТЬЯ VIII.

Разумнѣе вѣрить, чѣмъ не вѣрить въ то, чему учитъ христіанская религія.

Наша душа поселена въ тѣлѣ, гдѣ она находитъ число, время, протяженіе. Она разсуждаетъ объ этомъ, называетъ это природой, необходимостью и иному вѣрить не можетъ.

Единица, прибавленная къ безконечному, ничѣмъ его не увеличиваетъ, какъ одинъ футъ ничего не прибавитъ къ безконечной мѣрѣ. Конечное уничтожается въ присутствіи безконечнаго и становится чистымъ ничтожествомъ. Такъ и нашъ умъ передъ Богомъ; такъ и наше правосудіе передъ правосудіемъ Божіимъ.

Мы знаемъ, что есть безконечное, а природы его не знаемъ, какъ зная, что можно было бы считать числа конечными, не сомнѣваемся поэтому, что въ числѣ есть безконечное, но мы не знаемъ, каково оно. Неправильно считать его четнымъ, равно неправильно и утверждать, что оно нечетно, такъ какъ съ прибавленіемъ къ нему единицы оно нисколько не измѣняется въ своей природѣ. Между

тѣмъ, это — число, а всякое число четно, или нечетно; таковъ, несомнѣнно, характеръ всѣхъ конечныхъ чиселъ.

Такимъ образомъ, можно хорошо знать, что Богъ есть, не зная, что Онъ такое.

Существованіе и природа конечнаго намъ извѣстны, потому что мы сами подобно ему конечны и имѣемъ протяженіе.

Мы знаемъ о существованіи безконечнаго, не зная его природы, потому что, имѣя подобно намъ протяженіе, оно не имѣетъ предѣловъ, какъ мы; но мы не знаемъ ни существованія, ни природы Бога, такъ какъ Онъ ни протяженія, ни границъ не имѣетъ.

Вѣрою, однако, мы познаемъ Его существованіе, а въ царствѣ *славы* откроется намъ и Его природа. А я уже доказалъ, что можно знать о существованіи чего-нибудь, не зная его природы.

Будемъ разсуждать теперь на основаніи природнаго разсудка [1]).

Если Богъ есть, то Онъ окончательно непостижимъ, такъ какъ, не имѣя ни частей, ни предѣловъ, Онъ не имѣетъ никакого соотношенія съ нами. Поэтому мы неспособны познать, ни что Онъ, ни есть ли Онъ. Разъ это такъ, кто осмѣлится взять на себя рѣшеніе этого вопроса? Только не мы, не имѣющіе съ Нимъ никакого соотношенія.

Какъ же послѣ этого порицать христіанъ, что они не могутъ дать отчета въ своемъ вѣрованіи, когда они сами признаютъ, что ихъ религія не такова, чтобы можно было давать въ ней отчетъ? Они заявляютъ, что въ мірскомъ смыслѣ это *безуміе* [2]). А вы жалуетесь, что они вамъ не доказываютъ ее! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно, это отсутствіе съ ихъ стороны доказательствъ и говоритъ въ пользу ихъ разумности.

«Да, но если это извиняетъ тѣхъ, кто говоритъ, что религія недоказываема, и снимаетъ съ нихъ упрекъ въ непредставленіи доказательствъ, то это самое не оправдываетъ принимающихъ ее».

Изслѣдуемъ этотъ пунктъ, и скажемъ: Богъ есть, или Бога нѣтъ. Но на которую сторону мы склонимся? Разумъ тутъ ничего рѣшить не можетъ. Насъ раздѣляетъ безконечный хаосъ. На краю этого безконечнаго разстоянія разыгрывается игра, исходъ которой

---

[1]) Т.-е. внѣ свѣта вѣры. *Перев.*

[2]) Ср. I Коринѳ. I, 19, а также II главу того же посланія. *Перев.*

не извѣстенъ. На что вы будете ставить? Разумъ здѣсь не при чемъ, онъ не можетъ указать вамъ выбора. Поэтому не говорите, что сдѣлавшіе выборъ заблуждаются, такъ какъ ничего объ этомъ не знаете.

«Нѣтъ; но я порицалъ бы ихъ не за то, что они сдѣлали тотъ или другой выборъ, а за то, что они вообще рѣшились на выборъ; такъ какъ одинаково заблуждаются и выбравшіе четъ, какъ и выбравшіе нечетъ. Самое вѣрное совсѣмъ не играть».

Да, но дѣлать ставку необходимо: не въ вашей волѣ играть или не играть. На чемъ же вы остановитесь? Такъ какъ выборъ сдѣлать необходимо, то посмотримъ, что представляетъ для васъ меньше интереса: вы можете проиграть двѣ вещи, истину и благо, и двѣ вещи вамъ приходится ставить на карту, ваши разумъ и волю, ваше познаніе и ваше блаженство; природа же ваша должна избѣгать двухъ вещей: ошибки и бѣдствія. Разъ выбирать необходимо, то вашъ разумъ не потерпитъ ущерба ни при томъ, ни при другомъ выборѣ. Это безспорно; ну, а ваше блаженство?

Взвѣсимъ выигрышъ и проигрышъ, ставя на то, что Богъ есть. Возьмемъ два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Онъ есть.

«Отлично, слѣдуетъ такъ поступить; но, можетъ-быть, я дѣлаю слишкомъ большую ставку?»

Посмотримъ. Такъ какъ случайности выигрыша и потери одинаковы, то если бы вамъ представлялась возможность выиграть только двѣ жизни за одну, то и тогда рискнуть этою одною не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни, рискъ былъ бы еще умѣстнѣе (такъ какъ вы въ необходимости играть), и вы поступили бы неблагоразумно, не рискнувъ своею жизнью ради выигрыша трехъ жизней въ такой игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы. Но есть вѣчная жизнь и вѣчное счастіе. Поэтому было бы глупостью не поставить на карту конечнаго ради безконечнаго, если бъ даже изъ безконечнаго числа случайностей одна только была на вашей сторонѣ, не говоря уже объ игрѣ при одинаковыхъ шансахъ за и противъ. Выигрышъ и рискъ здѣсь уравновѣшены. Вездѣ, гдѣ дано безконечное и нѣтъ безконечно великаго риска проигрыша противъ вѣроятности выигрыша, тамъ нечего взвѣшивать, а нужно отдавать все. Такимъ образомъ, будучи

принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь, вмѣсто того чтобы рискнуть ею ради выигрыша безконечнаго — столь же возможнаго, какъ и проигрышъ ничтожества, — доказываемъ, что дѣйствуемъ вопреки разсудку.

Ни къ чему не послужило бы возраженіе, будто рискуешь вѣрнымъ ради гадательнаго выигрыша и что безконечное разстояніе, отдѣляющее *несомнѣнность* ставки отъ *сомнительности* выигрыша, равняется конечному благу, которое ставится несомнѣнно ради сомнительнаго безконечнаго. Это не такъ. Всякій игрокъ рискуетъ съ увѣренностью ради выигрыша, въ которомъ не увѣренъ, и тѣмъ не менѣе онъ несомнѣнно рискуетъ конечнымъ для сомнительнаго выигрыша конечнаго же, нисколько не погрѣшая этимъ противъ разсудка. Ложно думать, что между этою увѣренностью въ ставкѣ и неувѣренностью въ выигрышѣ разстояніе безконечно. Въ дѣйствительности же безконечность есть только между несомнѣнностью выигрыша и несомнѣнностью потери. Но сомнительность выигрыша пропорціональна несомнѣнности ставки, какъ это вытекаетъ изъ отношенія случайностей выигрыша и потери. Отсюда выходитъ, что если случайностей съ одной стороны столько же, сколько и съ другой, то идетъ партія равная противъ равной, и тогда увѣренность въ ставкѣ равняется неувѣренности въ выигрышѣ. Такимъ образомъ, наше предложеніе безконечно сильно, когда рисковать приходится конечнымъ въ игрѣ, гдѣ случайности выигрыша и проигрыша одинаковы, и выигрышемъ можетъ быть безконечное. Это доказывается само собою; и если люди способны понимать какія-нибудь истины, это одна изъ нихъ.

«Согласенъ и признаюсь въ этомъ. Но нѣтъ ли возможности узнать оборотную сторону этой игры?»

Какъ же, для этого есть Писаніе и пр.

«Такъ; но у меня руки связаны, и я лишенъ возможности говорить; меня заставляютъ играть, и я лишенъ свободы; меня не выпускаютъ, а я созданъ такъ, что не могу вѣрить. Что же мнѣ теперь дѣлать?»

Это вѣрно. Но поймите, по крайней мѣрѣ, что вы безсильны вѣрить, такъ какъ, несмотря на принужденіе со стороны разума, вы все-таки вѣрить не можете. Старайтесь же убѣдить себя не добываніемъ новыхъ доказательствъ бытія Божія, а уменьшеніемъ своихъ страстей. Вы хотите достигнуть вѣры, а пути къ ней не знаете;

желая излѣчиться отъ невѣрія, просите лѣкарствъ. Спросите объ этомъ у тѣхъ, которые, подобно вамъ, были связаны, а теперь жертвуютъ всѣмъ своимъ достояніемъ. Эти люди знаютъ путь, которымъ вы намѣрены идти, и вылѣчились отъ недуга, отъ котораго и вы хотите избавиться. Начните такъ же, какъ и они начали; а они начинали съ того, что дѣлали все такъ, какъ бы уже вѣровали: пили святую воду, заказывали обѣдни и т. д. Это именно и научитъ васъ вѣрить и смиритъ вашъ умъ [1]).

«Но этого-то я и боюсь».

Почему же? Что вы этимъ теряете?

Вѣрность этого средства для нашей цѣли доказывается уже способностью его смягчать страсти, служащія волѣ значительнымъ препятствіемъ и т. д.

Да и чего дурного можете вы опасаться отъ этого рѣшенія? Вы сдѣлаетесь вѣрнымъ, честнымъ, скромнымъ, признательнымъ, благодѣтельнымъ, искреннимъ, истиннымъ другомъ. Дѣйствительно, вы отшатнетесь отъ заразительныхъ удовольствій, славы, наслажденій; но развѣ вамъ нечѣмъ будетъ замѣнить ихъ?

Я говорю вамъ, что останетесь въ выигрышѣ въ этой жизни; съ каждымъ вашимъ шагомъ по этому пути вамъ будетъ представляться выигрышъ столь несомнѣннымъ, а рискъ — такимъ ничтожнымъ, что вы, наконецъ, убѣдитесь, что держали пари на нѣчто дѣйствительно несомнѣнное, безконечное, за которое ничѣмъ не поплатились.

«О, я въ восторгѣ отъ этой бесѣды и т. д.».

Если эта рѣчь вамъ нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человѣкомъ, который до и послѣ нея становился на колѣна и молился безконечному Существу, коему онъ предается всецѣло, чтобы Онъ предалъ Себѣ и васъ ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила въ немощи совершается.

---

[1]) Монтэнь сказалъ раньше Паскаля: „Нужно сдѣлаться безумнымъ, чтобы умудриться“ (Опыты кн. VI, гл. XII). Апост. Павелъ говоритъ: „Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ (Коринѳ. III, 19).

Прим. Фожера.

СТАТЬЯ IX.

Признаки истинной религіи.

I.

Истинная религія должна обязывать любить своего Бога. И это весьма справедливо; между тѣмъ, только одна наша религія возлагаетъ эту обязанность. Она должна также признать грѣховность и немощность человѣка (самому достичь добродѣтели); наша религія это исполнила. Она должна дать къ тому средства, одно изъ коихъ есть молитва. Никакая (другая) религія (никогда) не просила у Бога помощи въ этой любви и послушаніи Его волѣ.

II.

Истинная природа человѣка, его истинное благо, истинная добродѣтель и истинная религія суть вещи, познаніе коихъ нераздѣлимо.

III.

Чтобы быть истинной, религіи нужно знать нашу природу, знать наше величіе и въ то же время наше ничтожество, а равно и причину того и другого. Какая другая религія, кромѣ христіанской, познала это?

IV.

Другія религіи, какъ напримѣръ, языческія, болѣе доступны для простого народа, ибо ограничиваются одной внѣшней стороной, но непригодны для людей мыслящихъ. Послѣднимъ болѣе соотвѣтствовала бы чисто умственная религія; зато она не годилась бы для народа. Одна христіанская религія отвѣчаетъ этимъ обоимъ требованіямъ: въ ней есть и внѣшняя, и внутренняя сторона. Она возвышаетъ народъ до пониманія ея внутренняго содержанія и принижаетъ горделивыхъ до внѣшней своей стороны; безъ этого она была бы несовершенна, ибо необходимо, чтобы народъ понималъ духъ буквы, а мыслящіе и разсуждающіе подчиняли свой умъ буквѣ. Внѣшность должна сопровождать внутреннее настроеніе, чтобы испросить чего-

либо отъ Бога, т. е. нужно становиться на колѣна, молиться устами и т. д., такъ чтобы гордый человѣкъ, не хотѣвшій подчиниться Богу, подпалъ бы теперь въ подчиненіе твари. Ждать помощи отъ этой внѣшности было бы суевѣріемъ, какъ нежеланіе присоединить ее къ внутреннему содержанію обличало бы гордость.

V.

Никакая другая религія не учила человѣка ненавидѣть себя. Потому никакая другая религія не можетъ нравиться тѣмъ, которые ненавидятъ себя, ища существа дѣйствительно достойнаго любви. Такіе люди, если бы никогда и не слыхали о религіи уничиженнаго Бога, приняли бы ее немедленно. Ни одна религія (кромѣ христіанской) не признала въ человѣкѣ самой совершенной и, въ то же время, самой жалкой твари. Одни, хорошо сознавая его совершенства, считали низостью и неблагодарностью тѣ невысокія понятія, которыя люди естественно имѣютъ о себѣ; другіе же, вполнѣ понимая всю справедливость невысокаго понятія о себѣ человѣка, встрѣчали презрительной насмѣшкой это одинаково свойственное ему сознаніе величія. Только наша религія научила, что человѣкъ родится во грѣхѣ; никакая философская секта этого не сказала; стало быть, и ни одна не сказала правды.

VI.

Если бы существовала только одна религія, то Богъ былъ бы очень явенъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы мученики были только въ нашей религіи.

VII.

Такъ какъ Богъ сокровенъ, то всякая религія, которая не говоритъ, что Богъ сокровенъ, и не объясняетъ этого, ложна и непоучительна. Наша вѣра, напротивъ, говоритъ: *Истинно Ты Богъ сокровенный* [1]).

Эта религія, заключающаяся въ вѣрованіи, что человѣкъ изъ состоянія славы и общенія съ Богомъ впалъ въ состояніе печали, раскаянія и удаленія отъ Бога, но что послѣ этой жизни мы будемъ

---

[1]) Исаіи, XLV, 15.

возстановлены (въ наше первобытное состояніе) имѣющимъ явиться Мессіей — существовала всегда на землѣ. Все миновало, не миновала только эта вѣра, ради которой все существуетъ. Люди, въ первые вѣка бытія, совратились во всякое беззаконіе, непорядокъ, но въ то же время между ними были святые, какъ Энохъ, Ламехъ и другіе, которые терпѣливо ждали Христа, обѣщаннаго отъ начала міра. Ной былъ свидѣтелемъ высочайшей степени человѣческой злобы и удостоился быть возстановителемъ человѣчества, нося въ себѣ надежду о Мессіи, коего онъ былъ прообразомъ. Авраамъ былъ окруженъ язычниками, когда Богъ сообщилъ ему тайну пришествія Мессіи, коего онъ привѣтствовалъ издали [1]). Во времена Исаака и Іакова идолопоклонство было распространено по всей землѣ, но эти святые пребывали въ вѣрѣ, и Іаковъ, умирая и благословляя своихъ дѣтей, охваченный священнымъ восторгомъ, который заставляетъ его прервать свою рѣчь, восклицаетъ: Спасенія твоего ожидаю, Господи! [2]).

Египтяне были заражены идолопоклонствомъ и магіей; даже самъ народъ Божій былъ увлеченъ ихъ примѣромъ. Однако, Моисей и другіе вѣровали въ Того, Кто былъ сокрытъ отъ глазъ ихъ, и поклонялись Ему ради вѣчныхъ благъ, Имъ для нихъ уготованныхъ.

Затѣмъ ложныя божества господствовали у грековъ и римлянъ; поэты ихъ сочинили сотню различныхъ теологій, философы раздѣлились на тысячи всевозможныхъ сектъ, а въ то же время въ сердцѣ Іудеи постоянно являлись избранные люди, носившіе въ себѣ и проповѣдывавшіе мысль о пришествіи только имъ извѣстнаго Мессіи.

Наконецъ, по совершеніи временъ, Онъ явился; и съ тѣхъ поръ родилось столько схизмъ и ересей, пало столько государствъ, произошло столько перемѣнъ во всемъ, а Церковь, покланяющаяся Тому, Кто не переставалъ быть предметомъ поклоненія, просуществовала безъ перемѣны. Замѣчательно, несравнимо и вполнѣ божественно то, что эта непрерывно пребывающая религія подвергалась постояннымъ нападкамъ. Тысячу разъ она была наканунѣ полнаго разрушенія, и

---

[1]) Іоанна, VIII, 56.

[2]) Бытія, XLIX, 18. Эти слова, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ никакого видимаго отношенія ни къ предшествующему, ни къ послѣдующему.

(*Замѣтка Гавэ*).

Намъ, напротивъ, они кажутся вполнѣ умѣстными, какъ подтверждающія и въ Іаковѣ пребываніе надежды на будущаго Искупителя.

Перев.

всякій разъ, когда находилась въ такомъ положеніи, Богъ воздвигалъ ее чрезвычайными средствами Своего могущества. Вотъ что изумительно, а также и то, что она пребыла не преклоняясь и не падая подъ властью тирановъ.

Государства не могли бы существовать, если бы часто не подчиняли своихъ законовъ силѣ необходимости. Но религія никогда не испытывала этого и не прибѣгала къ такому средству. Для государствъ необходимо это приноровленіе къ обстоятельствамъ, или нужно бываетъ чудо, чтобы спасти ихъ. Неудивительно сохранить себя чрезъ подчиненіе необходимости, и это еще не значитъ собственно соблюсти себя. Въ концѣ концовъ государства все-таки разрушаются. Религія же, пребывшая нерушимою и непреклонною при всѣхъ обстоятельствахъ, уже однимъ этимъ доказываетъ свою божественность.

VIII.

Слишкомъ неясна была бы истина, если бы не имѣла видимыхъ признаковъ. Изъ таковыхъ чудесенъ тотъ, что она всегда сохранялась въ Церкви и видимомъ обществѣ. Наоборотъ, истина была бы слишкомъ ярка, очевидна, если бы въ этой Церкви было только *одно* мнѣніе; но, чтобы узнать какое мнѣніе истинно, нужно только распознать то, которое было во всѣ времена, ибо несомнѣнно, что истинное мнѣніе всегда въ ней пребывало, ложное же всегда было непрочно и съ теченіемъ времени погибало. Такимъ образомъ, вѣра въ Мессію существовала всегда и непрерывно. Преданіе объ Адамѣ было еще живо въ Ноѣ и Моисеѣ. Затѣмъ Мессію предвозвѣщали пророки, предсказывая и многія другія событія, которыя, совершаясь отъ времени до времени въ глазахъ людей, свидѣтельствовали объ истинности служенія пророковъ, а, слѣдовательно, и о неложности ихъ обѣщаній касательно Мессіи.

Іисусъ Христосъ творилъ чудеса, равно и апостолы, которые обратили всѣхъ язычниковъ; и такимъ путемъ всѣ пророчества исполнились, доказавъ навсегда истинность Мессіи.

IX.

Я вижу нѣсколько противоположныхъ, а, слѣдовательно, и ложныхъ религій, за исключеніемъ одной. Каждая изъ нихъ хочетъ увѣрить въ себѣ своимъ собственнымъ авторитетомъ и угрожаетъ

невѣрнымъ. Я не даю имъ вѣры. Всякій можетъ говорить такъ, каждый можетъ выдавать себя за пророка. Но въ христіанской религіи я нахожу пророчества и ихъ исполненіе, чего нѣтъ ни въ какой другой религіи.

X.

Единственная религія, противная природѣ въ нынѣшнемъ ея состояніи, отвергающая всѣ наши удовольствія и кажущаяся на первый взглядъ несогласною съ здравымъ смысломъ, одна только и пребывала на землѣ постоянно.

XI.

Весь ходъ вещей долженъ имѣть предметомъ утвержденіе и величіе религіи; люди должны имѣть въ самихъ себѣ чувства, согласныя съ ея ученіемъ; наконецъ, она настолько должна быть предметомъ и средоточіемъ всѣхъ стремленій, чтобы познавшій ея ученіе могъ уяснить себѣ, какъ всю природу человѣка въ частности, такъ и всю внутреннюю исторію человѣчества вообще.

Нечестивцы хулятъ христіанскую вѣру, потому что плохо знаютъ ее. Они воображаютъ, что она состоитъ только въ поклоненіи Богу великому, могущественному и вѣчному. Въ этомъ собственно заключается деизмъ, почти столь же далекій отъ христіанской религіи, какъ и атеизмъ, вполнѣ противоположный первому. Отсюда они заключаютъ, что эта религія не истинная, не видя, какъ все клонится къ установленію того положенія, что Богъ не обнаруживаетъ себя людямъ въ той мѣрѣ, какъ бы Онъ могъ.

Но къ какимъ бы заключеніямъ они ни прибѣгали относительно деизма, они не будутъ въ состояніи ничего противоставить религіи христіанской, заключающейся, собственно, въ тайнѣ Искупителя, который, соединяя, въ Себѣ обѣ природы, божескую и человѣческую, освободилъ людей отъ поврежденія грѣха, чтобы примирить ихъ съ Богомъ въ Своей божественной личности.

Она указываетъ человѣку одновременно двѣ истины: что существуетъ Богъ, къ которому онъ можетъ приблизиться, и что, съ другой стороны, есть поврежденіе въ природѣ человѣка, дѣлающее его недостойнымъ Бога. Равно важно людямъ знать то и другое: одинаково опасно для человѣка знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не вѣдая могущаго исцѣлить его Искупителя. Одно

изъ этихъ познаній безъ другого производитъ или гордость философовъ, вѣдавшихъ Бога, но не сознававшихъ своего ничтожества, или безнадежность атеистовъ, сознающихъ свое ничтожество безъ надежды отъ него избавиться. Такимъ образомъ, какъ съ одной стороны человѣку равно необходимо знать объ эти истины, такъ равно необходимо было милосердію Божію привести насъ къ познанію ихъ, — что и дѣлаетъ христіанская религія, и въ этомъ она заключается. Пусть изслѣдуютъ порядокъ міра въ этомъ отношеніи и тогда увидятъ, что все клонится къ установленію этихъ двухъ основныхъ началъ христіанской вѣры [1]).

XII.

Только слѣпой не нашелъ бы насъ исполненными высокомѣрія, тщеславія, похотей, слабостей, ничтожества и неправды. Что можно сказать о человѣкѣ, который, сознавая все это, не хочетъ избавленія? Какъ можно не уважать религію, столь хорошо знающую наши недостатки? Какъ не желать оправданія ея истины, когда она обѣщаетъ намъ столь желанное исцѣленіе?

СТАТЬЯ X.

Истинная религія доказывается заключающимися въ человѣкѣ противоположностями и первороднымъ грѣхомъ.

I.

Великія и жалкія стороны настолько замѣтны въ человѣкѣ, что истинная религія необходимо должна объяснить какими-нибудь важными причинами это одновременное величіе и ничтожество.

Если все имѣетъ одну причину и все ведетъ къ одной цѣли, то дѣло истинной религіи научить насъ почитать и любить только одну эту цѣль. Но такъ какъ мы не въ состояніи почитать то, чего не

[1]) Т.-е. перворднаго грѣха и Искупленія.

знаемъ, а любить можемъ только самихъ себя, то необходимо, чтобы религія, указывая намъ эти обязанности, указала намъ также нашу несостоятельность и научила насъ, какъ помочь ей.

Чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, она должна показать ему, что есть Богъ, что мы обязаны любить Его, что наше истинное благо пребывать въ Немъ и наше единственное несчастіе быть въ разлученіи съ Нимъ; что мы полны мрака, мѣшающаго намъ познавать и любить Его, и что, такимъ образомъ, мы окончательно неправы, не исполняя своего долга любви къ Богу, а подчиняясь влеченіямъ плоти. Она должна объяснить намъ причину противленія нашего Богу и собственному благу; указать намъ средства отъ этихъ немощей и какимъ образомъ пріобрѣсти эти средства. Испытайте въ этомъ отношеніи всѣ религіи міра и вы не найдете ни одной, кромѣ христіанской, которая удовлетворяла бы этимъ требованіямъ.

Не укажутъ ли намъ на философовъ, которые говорятъ, что все благо заключается въ насъ самихъ? Истинное ли это благо? Нашли ли они средство противъ нашихъ золъ? Приравнять человѣка къ Богу, значитъ ли исцѣлить его самонадѣянность? Ставящіе насъ наравнѣ съ животными и магометане, полагающіе все благо человѣка въ удовлетвореніи его плотскихъ наклонностей даже и въ будущей вѣчной жизни, — развѣ они дали намъ средство противъ нашихъ плотскихъ вожделѣній? Поднимите ваши взоры къ Богу, говорятъ одни, посмотрите на Того, которому вы уподоблены и который создалъ васъ для поклоненія Ему; мудрость уравняетъ васъ съ Божествомъ, если вы будете ей слѣдовать. Другіе же говорятъ: опусти взоръ долу, ничтожный червь, и посмотри на животныхъ, твоихъ сородичей.

Что же будетъ съ человѣкомъ? Приравняется ли онъ Богу или животному? Какое страшное разстояніе! Что же станется съ нами? Одно можетъ быть заключеніе изъ всего этого, что человѣкъ заблудился, что онъ упалъ съ своего мѣста, ищетъ его съ безпокойствомъ и не можетъ найти. Кто укажетъ ему дорогу? Самые великіе люди не могли этого сдѣлать. Какая религія научитъ насъ исцѣлить гордость и привязанность къ нашей плоти? Какая религія, наконецъ, укажетъ намъ наше благо, наши обязанности, слабости, отвлекающія насъ отъ ихъ исполненія, причину этихъ слабостей, лѣкарства къ уврачеванію послѣднихъ и средство добыть таковыя. Всѣ другія религіи оказались безсильными въ этомъ отношеніи. Но вотъ что говоритъ намъ Премудрость Божія:

«Напрасно, о люди, ищите вы въ самихъ себѣ средствъ противъ вашихъ несчастій. Весь вашъ разумъ можетъ придти только къ сознанію, что въ самихъ себѣ вы не найдете ни истины, ни блага. Философы обѣщали вамъ это, но не могли исполнить своего обѣщанія [1]). Они не знаютъ ни вашего истиннаго блага, ни вашего истиннаго положенія. Какъ могли бы они дать средства противъ болѣзней, которыхъ сами не познали? Ваши главные недуги — гордость, отвлекающая васъ отъ Бога, и чувственность, привязывающая васъ къ землѣ; а они, если и старались излѣчить, то лишь отъ одного изъ этихъ недуговъ. Если они обращали ваше вниманіе на Бога, то только для того, чтобы дать пищу вашему высокомѣрію. Они заставили васъ думать, что вы подобны Ему по своей природѣ. Тѣ же, которые видѣли тщету этихъ притязаній, бросили васъ въ другую пропасть, убѣждая васъ, что ваша природа одинакова съ животными, и научили васъ искать блага въ удовлетвореніи однихъ плотскихъ стремленій, составляющихъ удѣлъ животныхъ. Не такими средствами могутъ быть исцѣлены ваши неправды, которыхъ эти судьи и не знали совсѣмъ. Не ждите, говоритъ Премудрость, ни истины, ни утѣшенія отъ людей. Я одна создала васъ и одна могу сказать вамъ, кто вы. Но вы уже не въ томъ состояніи, какъ Я создала васъ. Я сотворила человѣка святымъ, невинцымъ, совершеннымъ; Я наполнила его свѣтомъ и разумѣніемъ; Я сообщила ему Свою славу и Свои превосходства. Глазъ человѣка созерцалъ тогда величіе Божіе. Онъ не былъ тогда во мракѣ, который его теперь ослѣпляетъ, не былъ подверженъ удручающимъ его нынѣ смерти и печалямъ. Но онъ не смогъ вынести столько славы, не впавъ въ самомнѣніе. Онъ захотѣлъ сдѣлаться средоточіемъ самого себя и независимымъ отъ Моей помощи. Онъ вышелъ изъ Моего повиновенія, и, уподобляясь Мнѣ въ желаніи находить блаженство въ самомъ себѣ, былъ покинутъ Мною. Возбудивъ подчиненную ему тварь, Я сдѣлала изъ нея враговъ ему, такъ что нынѣ человѣкъ самъ сталъ подобенъ звѣрямъ и настолько удаленъ отъ Меня, что у него осталось лишь смутное понятіе о его Творцѣ, — такъ затемнены и изглажены его понятія! Чувства, независящія отъ разума и часто подчиняющія его себѣ, увлекли его къ исканію наслажденій. Всякая тварь или вредитъ ему, или его искушаетъ; господствуетъ надъ нимъ, подчиняя его себѣ

[1]) То-есть: не могли найти истину при свѣтѣ разума.

силою или обольщая своими прелестями, что еще ужаснѣе и непреоборимѣе».

«Вотъ въ какомъ состояніи находятся теперь люди. У нихъ остается нѣкоторое представленіе о счастіи ихъ первобытнаго состоянія, но они повергнуты въ бѣдствія своего ослѣпленія и плотскихъ побужденій, сдѣлавшихся ихъ второй природой.

«Изъ этого открытаго вамъ Мною начала вы можете узнать причину столькихъ противорѣчій въ вашей природѣ, составлявшихъ предметъ удивленія людей и приводившихъ ихъ къ столь различнымъ воззрѣніямъ. Обратите теперь вниманіе на всевозможныя побужденія къ величію и славѣ въ человѣкѣ, которыхъ не могло искоренить въ немъ все сознаніе испытываемыхъ имъ бѣдствій и ничтожества, и разсудите, не слѣдуетъ ли причину этого искать въ какой-либо иной природѣ».

II.

Удивительно, между тѣмъ, что самая непостижимая для нашего разумѣнія тайна — преемственность, или наслѣдственность, первороднаго грѣха, и есть именно то, безъ чего мы никоимъ образомъ не можемъ познать самихъ себя! И дѣйствительно, ничто не противорѣчитъ такъ нашему разуму, какъ отвѣтственность за грѣхъ перваго человѣка тѣхъ, которые, будучи столь удалены отъ первовиновника грѣха, никакъ, повидимому, не могутъ нести вины за него. Эта наслѣдственность вины кажется намъ не только невозможной, но и крайне несправедливой: съ нашимъ жалкимъ правосудіемъ никакъ не согласуется вѣчное осужденіе неправоспособнаго сына за грѣхъ, въ которомъ онъ принималъ, повидимому, такъ мало участія, — какъ въ событіи совершившемся за нѣсколько тысячъ лѣтъ ранѣе его появленія на свѣтъ. Конечно, такое ученіе поразительно для насъ; но безъ этой тайны, самой таинственной изъ тайнъ, мы не будемъ понятны самимъ себѣ. Вся наша жизнь, всѣ наши дѣйствія вращаются въ глубинѣ этой тайны; такъ что безъ нея человѣкъ еще непостижимѣе самой тайны.

Первородный грѣхъ есть безуміе въ глазахъ людей; но я этого не отрицаю. Вы не можете, стало быть, упрекнуть меня въ неразуміи за это ученіе, такъ какъ я выдаю его за безумное. Но это безуміе мудрѣе всей мудрости человѣческой, потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ (1 Кор. 1, 25). Ибо, безъ этого ученія, какъ

опредѣлить, что такое человѣкъ? Все состояніе его зависитъ отъ этой незамѣтной точки. И какъ бы онъ замѣтилъ ее своимъ разумомъ, когда эта вещь выше его разума и когда разумъ его, весьма далекій отъ возможности открыть ее доступными ему путями, отдаляется отъ нея тотчасъ же, какъ ее укажутъ ему?

III.

Такъ какъ оба эти состоянія (невинности и растлѣнія) налицо, то вамъ нельзя не признать ихъ. Слѣдите за собою, и вы найдете несомнѣнные признаки этихъ двухъ природъ. Могло ли бы столько противорѣчій заключаться въ существѣ простомъ?

Эта двойственность въ человѣкѣ такъ замѣтна, что были люди, полагавшіе въ немъ двѣ души; простое существо казалось имъ неспособнымъ проявлять такое разнообразіе — безмѣрную гордость и страшное униженіе.

Эти-то противоположности, наиболѣе удалявшія меня, повидимому, отъ пониманія религіи, и привели меня всего скорѣе къ признанію ея истинности.

Признаюсь, коль скоро христіанская религія открываетъ ту истину, что природа человѣческая повреждена и отпала отъ Бога, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ доступнымъ моему взору повсюду обнаруживающіеся признаки этой истины; ибо природа, какъ въ человѣкѣ, такъ и внѣ человѣка, повсюду свидѣтельствуетъ объ утраченномъ Богѣ.

Безъ этихъ Божественныхъ указаній что могли сдѣлать люди? Они или возносились чрезмѣрно подъ вліяніемъ оставшагося въ нихъ внутренняго ощущенія о быломъ величіи, или пресмыкались въ виду своей настоящей немощи. Не видя всей истины, они не могли достигнуть совершенной добродѣтели. Въ силу признанія своей природы неповрежденною одними и — неисправимою другими, они впали или въ гордость, или въ лѣность, порождающія всѣ остальные пороки, будучи не въ состояніи или не предаться имъ по малодушію, или избавиться отъ нихъ по гордости. Зная превосходство человѣка, люди не знали его поврежденности; а это заставляло ихъ избѣгать лѣности, но зато вводило въ самомнѣніе. Если же они сознавали испорченность своей природы, то не разумѣли ея достоинствъ и, избѣгая такимъ образомъ, тщеславія, повергались въ отчаяніе.

Такимъ путемъ возникли секты стоиковъ и эпикурейцевъ, догматиковъ и академиковъ и т. д. Одна христіанская религія могла исцѣлить оба эти порока — и не мудростію земною, а простотою Евангелія. Справедливымъ и правымъ она повѣдала, что можетъ возвысить до общенія съ самимъ Божествомъ, хотя и въ этомъ состояніи они еще носятъ въ себѣ источникъ растлѣнія, который въ теченіе всей жизни подвергаетъ ихъ заблужденію, бѣдствіямъ, смерти, грѣху; нечестивымъ же она обѣщаетъ возможность спастись милосердіемъ ихъ Искупителя. Такимъ образомъ, заставляя трепетать оправдываемыхъ и утѣшая осуждаемыхъ ею, она такъ справедливо умѣряетъ страхъ надеждою, указывая на общую всѣмъ способность грѣшить и возможность помилованія, что, не толкая человѣка въ отчаяніе, она смиряетъ его безконечно сильнѣе, чѣмъ бы это могъ сдѣлать одинъ человѣческій умъ. Съ другой стороны, она безконечно больше естественной гордости возвышаетъ человѣка, не допуская его до кичливости. Такими средствами она доказываетъ, что ей одной, свободной отъ грѣха заблужденія, приличествуетъ служить наставницей и исправительницей человѣковъ.

Кто же можетъ не увѣровать и не поклониться этому небесному свѣту? Не яснѣе ли дня, что мы чувствуемъ въ себѣ неизгладимый признакъ величія и неодинаково ли вѣрно, что мы ежечастно испытываемъ послѣдствія нашего жалкаго состоянія? Развѣ въ этомъ хаосѣ и въ этомъ чудовищномъ смятеніи не слышится намъ незаглушимый голосъ истины объ раздвоенности природы нашей?

IV.

Мы не понимаемъ ни славнаго состоянія Адама, ни (сущности) его грѣха, ни происшедшей въ насъ отъ того перемѣны. Свершились эти событія при условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ нашихъ, и которыхъ постичь мы не въ силахъ. Да это намъ и не нужно знать, чтобы выдти изъ нашего жалкаго положенія; для насъ важно убѣдиться, что мы дѣйствительно жалки, повреждены, разлучены съ Богомъ, но искуплены Іисусомъ Христомъ; а на это есть на землѣ замѣчательныя доказательства.

V.

Христіанство странно: оно повелѣваетъ человѣку признать себя ничтожнымъ, даже презрѣннымъ и въ то же время повелѣваетъ ему

уподобляться Богу. Безъ такого противовѣса это возвышеніе сдѣлало бы его безмѣрно тщеславнымъ, а приниженіе — отвратительнымъ до послѣдней степени.

VI.

Униженіе доводитъ до отчаянія, величіе внушаетъ высокомѣріе.

О степени поврежденности нашей можно судить уже по тому, что для возстановленія человѣка потребовалось столь великое средство, какъ воплощеніе Сына Божія.

VII.

Въ христіанской религіи нѣтъ униженія, которое дѣлало бы насъ неспособными къ добру, какъ нѣтъ святости, свободной отъ зла.

Нѣтъ иного болѣе соотвѣтствующаго человѣку ученія, какъ ученіе христіанское, которое указываетъ ему его двойную способность получать и терять благодать, въ силу двойной угрожающей ему постоянно опасности — отчаянія или гордости.

VIII.

Философы не возбуждали чувствъ, соотвѣтственныхъ этимъ двумъ состояніямъ вмѣстѣ; они, вопреки дѣйствительному состоянію, внушали побужденія или одного величія, или одного униженія. Требуется же самоуниженіе не по природѣ, а какъ покаяніе; не для того чтобы пребывать въ немъ, но чтобы восходить къ величію. Равно желательны побужденія величія, не по заслугѣ, а по благодати и чрезъ униженіе.

IX.

Ни одинъ человѣкъ такъ не счастливъ, такъ не разуменъ, такъ не добродѣтеленъ и достоинъ любви, какъ истинный христіанинъ. Какъ мало гордится онъ вѣрою въ возможность своего единенія съ Богомъ! Какъ мало возмущается, сравнивая себя съ червемъ земнымъ!

X. «Невѣроятно, чтобы Богъ соединялся съ нами».

Говорить такъ можно только въ виду нашего ничтожества. Но если такое воззрѣніе ваше искренно, то идите дальше въ этомъ же

смыслѣ и признайте вмѣстѣ со мною, что мы, дѣйствительно, такъ низки, ничтожны, что сами никакъ не въ состояніи судить, можетъ или не можетъ Его милосердіе сдѣлать васъ способными къ общенію съ Нимъ. Мнѣ весьма хотѣлось бы знать, откуда тварь, признающая себя столь слабою, получила право измѣрять милосердіе Божіе и ставить ему предѣлы по своему усмотрѣнію. Такъ же мало зная Бога, какъ и самого себя и столь смущаясь видомъ собственнаго своего состоянія, человѣкъ дерзаетъ говорить, будто Богъ не можетъ дать ему возможности общенія съ Нимъ! Еще я спросилъ бы, требуетъ ли Богъ отъ познавшаго Его чего-либо, кромѣ любви къ Себѣ, и почему онъ думаетъ, что Богъ не можетъ сдѣлать Себя доступнымъ познанію и любви. Если онъ что-либо видитъ въ окружающемъ его мракѣ и находитъ какой-нибудь предметъ для своей любви изъ числа земныхъ вещей, почему, если Богъ нѣсколько освѣтитъ ему Свое существо, не будетъ онъ въ состояніи познавать и любить Его такъ, что Богу благоугодно будетъ допустить его къ общенію съ Собою? Въ подобнаго рода разсужденіяхъ несомнѣнно высказывается невыносимое высокомѣріе, хотя, повидимому, они основываются на кажущейся скромности; будь смиреніе это искренне и правдиво, оно призналось бы, что, не зная сами нашего существа, мы можемъ получить это знаніе только отъ Бога.

СТАТЬЯ XI.

Подчиненіе и власть разума.

I.

Послѣднимъ выводомъ разума должно быть признаніе, что существуетъ безчисленное множество вещей, его превосходящихъ. Слабъ тотъ разумъ, который не доходитъ до этого сознанія. Нужно, гдѣ слѣдуетъ сомнѣваться, гдѣ слѣдуетъ утверждать и гдѣ слѣдуетъ подчиняться. Кто не поступаетъ такъ, тотъ не знаетъ силы разума. Есть люди, грѣшащіе противъ этихъ трехъ правилъ: они или считаютъ все нетребующимъ доказательствъ, потому что не умѣютъ

доказывать, или во всемъ сомнѣваются, въ чемъ бы слѣдовало подчиняться, или, наконецъ, подчиняются во всемъ, не зная, гдѣ слѣдуетъ обратиться къ разсудку.

II.

Если все подчинимъ разсудку, то наша религія не будетъ имѣть ничего таинственнаго и сверхъестественнаго. Если же пренебречь началами разума, то она покажется нелѣпою и смѣшною.

Разумъ, говоритъ блаженный Августинъ, никогда бы не подчинился, если бы не признавалъ, что есть случаи, гдѣ онъ долженъ подчиняться. Стало быть, онъ справедливъ, подчиняясь тамъ, гдѣ находитъ это нужнымъ.

III.

Благочестіе отличается отъ суевѣрія. Доводить благочестіе до суевѣрія, значитъ разрушать его. Еретики упрекаютъ насъ въ этомъ суевѣрномъ подчиненіи. Справедливъ былъ бы упрекъ, если бы мы требовали этого подчиненія въ такихъ вещахъ, гдѣ оно неумѣстно.

Ничто такъ не согласно съ разсудкомъ, какъ отреченіе отъ разсудка въ предметахъ вѣры, и ничто такъ не противорѣчитъ разуму, какъ отреченіе отъ него въ вещахъ, не составляющихъ предметовъ вѣры. Исключать разумъ вполнѣ или признавать только одинъ разумъ — двѣ крайности, одинаково опасныя.

IV.

Вѣра, конечно, открываетъ намъ нѣчто, чего чрезъ чувства мы познать не можемъ, но никогда имъ не противорѣчитъ. Она выше ихъ, а не противъ нихъ.

V.

Нѣкоторые говорятъ: «Если бы я увидалъ чудо, я бы увѣровалъ». Какъ могутъ эти люди увѣрять, что сдѣлаютъ то, чего не знаютъ? Они воображаютъ, что вѣра заключается въ поклоненіи Богу, который какъ будто дѣлаетъ изъ этого предметъ торговли и какъ будто вѣровать и поклоняться Богу слѣдуетъ такъ, какъ они воображаютъ. Увѣровать въ Бога значитъ признавать себя ничтожествомъ передъ этимъ вѣчнымъ Существомъ, котораго гнѣвъ мы столько разъ на

себя навлекали и которое, по всей справедливости, можетъ каждую минуту насъ уничтожить; необходимо сознаться, что безъ Него мы безсильны, что, кромѣ немилости Его, мы ничего отъ Него не заслужили. Вѣра состоитъ въ признаніи, что между нами и Богомъ существуетъ непреодолимое препятствіе, которое безъ посредника устранено быть не можетъ.

VI.

Не удивляйтесь простымъ людямъ, вѣрящимъ безъ разсужденій. Богъ внушаетъ имъ любовь къ Нему и презрѣніе къ самимъ себѣ. Онъ склоняетъ къ вѣрѣ сердца ихъ. Вѣрою и упованіемъ не наполнится сердце безъ помощи Божіей. Давидъ несомнѣнно зналъ это, если такъ обращался къ Богу: *Приклони сердце мое къ откровеніямъ Твоимъ* (Пс. CXVIII, 36).

VII.

Тѣ, которые вѣруютъ, не читавъ ни Ветхаго, ни Новаго Завѣта, имѣютъ къ тому внутреннее, вполнѣ святое расположеніе, и то, что они слышатъ о нашей религіи, вполнѣ съ этимъ чувствомъ согласуется. Они чувствуютъ, что ихъ создалъ Богъ; они хотятъ любить только одного Бога, а презирать только самихъ себя. Они чувствуютъ, что это расположеніе ихъ не отъ нихъ самихъ, что они неспособны приближаться къ Богу, и если Богъ самъ не приблизится къ нимъ, они не могутъ имѣть никакого общенія съ Нимъ. Въ ученіи нашей религіи они также слышатъ, что слѣдуетъ любить только Бога, а презирать только себя; но такъ какъ мы повреждены грѣхомъ и неспособны принять Бога, то Богъ самъ сдѣлался человѣкомъ, чтобы соединиться съ нами. Этого достаточно для убѣжденія тѣхъ, которые имѣютъ такое расположеніе въ сердцѣ и сознаютъ свой долгъ и свою немощь.

VIII.

Христіане, незнающіе пророчествъ и доказательствъ, могутъ также хорошо судить о нихъ, какъ и знающіе. Они разсуждаютъ сердцемъ, какъ другіе умомъ. Самъ Богъ внушаетъ имъ вѣру, и оттого вѣра ихъ весьма дѣйствительна.

Согласенъ, что, можетъ-быть, тотъ или другой изъ христіанъ, вѣрующихъ безъ доказательствъ, не найдется чѣмъ убѣдить невѣрую-

щаго, который уже самъ кое-что знаетъ. Но человѣкъ, знакомый съ доказательствами религіи, безъ труда докажетъ, что этотъ вѣрующій дѣйствительно вдохновленъ Богомъ, хотя самъ и не можетъ доказать этого.

СТАТЬЯ XII.

Изображеніе человѣка, который, испытавъ тщетность усилій обрѣсти Бога однимъ разумомъ, началъ читать Писаніе.

I.

Видя ослѣпленіе и жалкое состояніе человѣка (а равно обнаруживающіяся въ его природѣ удивительныя противорѣчія), видя, что вселенная безмолвна, а человѣкъ лишенъ свѣта, предоставленъ самому себѣ, какъ бы заблудился въ этомъ уголкѣ міра, не зная, кто и для чего его привелъ сюда и что съ нимъ будетъ по смерти; — видя все это, я прихожу въ ужасъ подобно человѣку, котораго соннаго перенесли на пустынный, дикій островъ и который, проснувшись, не можетъ понять, гдѣ онъ находится и какъ ему уйти съ этого острова. Удивительно, какъ люди не приходятъ въ отчаяніе отъ такого ужаснаго положенія! Я вижу другихъ въ состояніи, подобному моему, обращаюсь къ нимъ съ вопросомъ, больше ли меня они свѣдущи; они отвѣчаютъ, что нѣтъ; а затѣмъ, эти несчастные заблудившіеся, осмотрѣвшись и замѣтивъ нѣсколько привлекательныхъ предметовъ, не замедлили имъ отдаться и привязались къ нимъ. Что меня касается, я не могъ удовольствоваться этимъ и, сообразивъ, что, по всей вѣроятности, есть многое помимо видимаго мною, началъ искать, не оставилъ ли Богъ, о которомъ говоритъ весь міръ, какихъ-либо слѣдовъ своего существованія.

Я вижу множество религій въ разныхъ частяхъ міра и во всѣ времена исторіи. Но онѣ не содержатъ ни нравственныхъ ученій, которыя бы могли привлечь меня, ни свидѣтельствъ истины, достойныхъ вниманія: такъ что я одинаково отказался бы отъ религіи Магомета, какъ и отъ религіи Китая, древнихъ римлянъ или египтянъ, по той

единственной причинѣ, что, такъ какъ ни одна изъ нихъ не имѣетъ признаковъ истинности болѣе другой, то и разумъ мой не можетъ дать предпочтенія ни одной изъ нихъ.

Но, разсматривая такимъ образомъ это измѣнчивое и странное разнообразіе нравственныхъ понятій и вѣрованій въ различныя эпохи, я нахожу въ одномъ уголкѣ свѣта народъ, отдѣленный отъ всѣхъ другихъ народовъ земли и самый древній изъ нихъ, съ исторіей, на нѣсколько столѣтій предшествующей самымъ древнимъ изъ извѣстныхъ намъ исторій. Я нахожу, что этотъ народъ великъ и многочисленъ, произошелъ отъ одного человѣка, поклоняется единому Богу и руководится закономъ, который считаетъ полученнымъ отъ Него Самого. Этотъ народъ утверждаетъ, что ему одному изъ всѣхъ народовъ земныхъ Богъ открылъ Свои тайны, что все человѣчество повреждено и находится подъ гнѣвомъ Божіимъ; что оно предоставлено своимъ чувствамъ и своему собственному разуму, отчего въ немъ и происходятъ тѣ странныя заблужденія и постоянныя перемѣны въ религіяхъ и обычаяхъ, тогда какъ этотъ народъ остается неизмѣннымъ въ своемъ поведеніи. Онъ увѣряетъ, что Богъ не навсегда оставитъ другіе народы въ этомъ мракѣ, а пошлетъ Избавителя для всѣхъ, что этотъ народъ самъ существуетъ на свѣтѣ, чтобы возвѣщать о Немъ, созданъ съ прямою цѣлью быть глашатаемъ этого великаго событія и призвать другіе народы соединиться съ нимъ въ ожиданіи этого Искупителя.

Народъ съ такою странною и необыкновенною исторіей невольно останавливаетъ на себѣ мое вниманіе.

Сначала я вижу, что онъ весь состоитъ изъ братьевъ и, тогда какъ всѣ другіе народы образуются соединеніемъ множества семействъ, онъ, несмотря на свою удивительную многочисленность, произошелъ отъ одного человѣка. Составляя такимъ образомъ какъ бы одну общую плоть и члены другъ друга, они изъ одной семьи создаютъ могущественное царство. Такое явленіе нельзя не назвать единственнымъ въ своемъ родѣ.

Насколько доступно человѣческому знанію, это семейство, или этотъ народъ самый древній на свѣтѣ. Этимъ-то онъ, на мой взглядъ, и заслуживаетъ особаго уваженія, главнымъ образомъ, въ смыслѣ нашего настоящаго изслѣдованія, ибо, если когда-либо Богъ входилъ въ общеніе съ людьми, то, очевидно, именно къ этому народу слѣдуетъ обратиться за свѣдѣніями о такомъ событіи.

Этотъ народъ весьма замѣчателенъ не только по своей древности, но и по продолжительности своего существованія — отъ времени своего происхожденія и до нашихъ дней, потому что, когда народы Греціи и Италіи, Лакедемона, Аѳинъ, Рима и другіе, появившіеся гораздо позже, уже давно изчезли, этотъ народъ все еще существуетъ. Несмотря на неоднократныя стремленія могущественнѣйшихъ государей стереть его съ лица земли, какъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописцы и какъ легко предположить по обыкновенному порядку вещей, онъ сохранился втеченіе столь многихъ столѣтій. Простираясь отъ самыхъ первыхъ до самыхъ послѣднихъ временъ, исторія его въ своемъ теченіи обнимаетъ продолжительность всѣхъ извѣстныхъ намъ исторій.

Разсматриваю законъ, который выдается этимъ народомъ за полученный имъ отъ Бога, и нахожу его удивительнымъ; это первый изъ всѣхъ законовъ, и настолько прочный, что когда самаго слова *законъ* еще не существовало у грековъ, евреи уже около тысячи лѣтъ имѣли его и хранили безъ перерыва. Мнѣ также кажется удивительнымъ, что первый существовавшій въ мірѣ законъ былъ настолько совершенъ, что самые великіе законодатели брали его за образецъ; отсюда вышелъ законъ двѣнадцати таблицъ въ Аѳинахъ, заимствованный впослѣдствіи Римомъ. Доказать это было бы не трудно, но Іосифъ (Флавій) и другіе достаточно написали объ этомъ предметѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, этотъ законъ самый строгій и суровый изо всѣхъ законовъ; подъ страхомъ смерти онъ возлагаетъ на человѣка множество своеобразныхъ и тягостныхъ обязанностей. Страннымъ кажется, что такой законъ въ теченіе столькихъ вѣковъ соблюдался такимъ мятежнымъ и непотерпѣливымъ народомъ, тогда какъ всѣ другія государства отъ времени до времени измѣняли свои законы, хотя и несравненно легче исполнимые.

II.

(Этотъ народъ замѣчателенъ еще своею искренностью). Съ любовью и вѣрностью онъ хранитъ книгу, въ которой Моисей объявляетъ, что евреи были всегда неблагодарны къ Богу и, какъ ему извѣстно, станутъ еще болѣе неблагодарны послѣ его смерти, но онъ призываетъ небо и землю свидѣтелями противъ нихъ и уже довольно сказалъ

имъ; — наконецъ, Богъ, разгнѣвавшись на нихъ, разсѣетъ ихъ между всѣми народами земли; такъ какъ они прогнѣвали Его поклоненіемъ богамъ чуждымъ, то Онъ мздовоздастъ имъ, призвавъ народъ совершенно Ему чуждый. Тѣмъ не менѣе книгу, которая такъ безчеститъ ихъ, они хранятъ до готовности положить за нее свою жизнь. Такая искренность безпримѣрна въ мірѣ и не въ порядкѣ вещей.

Существуетъ большая разница между книгою, написанною частнымъ лицомъ, которую оно предлагаетъ народу, и книгою, составленною самимъ народомъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта книга не уступаетъ народу въ древности.

(Она написана современнымъ авторомъ). Всякая несовременная исторія сомнительна, каковы, напримѣръ, Сивиллины и Трисмегистовы и многія другія книги, оказавшіяся ложными впослѣдствіи. Нельзя сказать того же объ авторахъ, описывающихъ современное имъ.

III.

Между книгами можетъ быть большая разница. Я не удивляюсь, что греки составили Иліаду, а египтяне и китайцы свои лѣтописи: нужно только знать, какимъ образомъ онѣ появились.

Эти повѣствователи сказочныхъ событій не были современниками описываемаго ими. Гомеръ сочиняетъ романъ и за таковой выдаетъ его, такъ какъ никто не сомнѣвался, что ни Трои, ни Агамемнона никогда не существовало, какъ не существовало и золотого яблока. Онъ и не думалъ выдавать этого за исторію, а просто хотѣлъ развлечь слушателей. Книга его была единственною въ его время; красота формы увѣковѣчила ея содержаніе; всякій заучиваетъ ее и говоритъ о ней; знаніе ея обязательно, а потому каждый знаетъ ее наизусть. Прошло четыреста лѣтъ, свидѣтелей описываемыхъ событій давно нѣтъ въ живыхъ, никто уже не можетъ знать достовѣрны они или сказочны; но, разъ повѣствованіе перешло отъ предковъ, можно и повѣрить ему.

СТАТЬЯ XIII.

Объ евреяхъ [1]).

I.

Когда, по сотвореніи міра, по ниспосланіи всемірнаго потопа, Богу не предстояло болѣе ни разрушать міра, ни возстановлять его, ниже проявлять Себя подобными великими знаменіями, Онъ началъ созидать на землѣ народъ съ нарочною цѣлью продлить его существованіе до той поры, когда Мессія создастъ Духомъ Своимъ новый народъ.

II.

Желая показать, что Онъ можетъ создать народъ, святой невидимой святостью, и исполнить его вѣчной славы, Богъ создалъ вещи видимыя; явивъ Свое милосердіе въ благахъ видимой природы, Онъ хотѣлъ показать, что можетъ дать и блага въ невидимомъ. Такъ Онъ спасъ этотъ народъ отъ потопа, возродилъ его отъ Авраама, освободилъ изъ рукъ враговъ и далъ ему покой. Конечно, все это совершено Богомъ не для того только, чтобы ввести Свой народъ въ землю обѣтованную.

III.

Кромѣ того, въ созданіи еврейскаго народа и въ столькихъ явленныхъ ему чудесахъ Богъ хотѣлъ показать, что, желая лишить его благъ плотскихъ и преходящихъ, Онъ лишаетъ ихъ таковыхъ не вслѣдствіе Своей немощи.

Въ евреяхъ укоренилась мысль, что Богъ любитъ ихъ отца, Авраама, его плоть и происходящихъ отъ этой плоти; ради этого Онъ размножилъ ихъ и отличилъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, не позволяя имъ смѣшиваться съ послѣдними; когда они стали бѣдствовать въ Египтѣ, Онъ вывелъ ихъ оттуда, обнаруживъ при этомъ великія знаменія Своего къ нимъ благоволенія: питалъ ихъ манною

---

1) Въ изданіи Боссю 1779 г. статья озаглавлена: *Евреи съ точки зрѣнія нашей религіи.* Въ изданіи Фожера: *О еврейскомъ народѣ.*

въ пустынѣ, привелъ въ землю обильную, далъ имъ царей и великолѣпно построенный храмъ, гдѣ они, принося въ жертву животныхъ, могли бы получать очищеніе пролитіемъ ихъ крови; наконецъ, имѣлъ послать имъ Мессію, чтобы сдѣлать ихъ властителями всего міра, и предсказалъ время Его пришествія.

Евреи привыкли къ великимъ и поразительнымъ событіямъ, такъ что чудесный переходъ ихъ черезъ Чермное море и введеніе ихъ въ Ханаанскую землю считались ими какъ бы образцами будущихъ дѣйствій ихъ Мессіи, которыя будутъ еще поразительнѣе и совершеннѣе затмятъ собою чудеса Моисея.

Когда они уже состарѣлись въ этихъ плотскихъ заблужденіяхъ, явился въ предсказанное время Іисусъ Христосъ, но не въ ожидавшейся ими славѣ, такъ что они и не подумали, что это дѣйствительно Онъ. Послѣ его смерти, святой Павелъ сталъ проповѣдывать людямъ, что все предсказанное исполнилось символически; что царство Божіе явилось не въ плоти, а въ духѣ; что враги людей не вавилоняне, а ихъ собственныя страсти; что Богъ благоволилъ не къ храмамъ, воздвигнутымъ рукою человѣка, а къ его чистому и смиренному сердцу; что обрѣзаніе тѣла безполезно, а важно обрѣзаніе сердца; что Моисей не далъ имъ хлѣба небеснаго и т. д. [1]).

Но не желая открывать этихъ тайнъ народу, ихъ недостойному, и желая въ то же время предсказать имъ, чтобы дать возможность вѣрить имъ, Богъ время совершенія ихъ предрекъ ясно и нѣсколько разъ ясно выражалъ и самыя тайны, но большею частію прообразами, съ тою цѣлью, чтобы любившіе самые прообразы остались при таковыхъ, а любившіе прообразуемое увидѣли его (Отъ этого произошло то, что при появленіи Мессіи народы раздѣлились: объяснявшіе пророчества духовно приняли Его, а понимавшіе ихъ буквально отвергли Его, чтобы послужить Ему же свидѣтелями).

IV.

Плотскіе іудеи не понимали ни величія, ни уничиженія предсказаннаго въ ихъ пророчествахъ Мессіи. Они не узнали Его въ Его величіи, о которомъ написано: Мессія будетъ Господомъ Давида, хотя

---

[1]) См. Іоан. VI, 32; Гал. IV, 24; I Кор. III, 16; X, 2—6, 11; II Кор. III, 6; Римл. II, 28, 29; Евр. IX, 24.

и сынъ его. Онъ былъ раньше Авраама и тотъ видѣлъ Его [1]). Они не повѣрили ни Его славѣ, ни Его вѣчности. Одинаково не признали Его ни въ униженіи, ни въ смерти. Мессія, сказали они, останется вѣчно, а этотъ говоритъ, что умретъ. Такъ они не признали Его ни вѣчнымъ, ни смертнымъ; но искали въ Немъ только земного величія.

Евреи такъ любили прообразы и такъ увѣренно ожидали ихъ, что, когда въ предсказанное время и обѣщаннымъ путемъ дѣйствительность явилась, они не признали ея.

V.

Тѣ, кому вѣра дается трудно, стараются оправдаться невѣріемъ іудеевъ. Если это былъ такъ ясно, почему же они не увѣровали? говорятъ такіе люди, внутренно желая, чтобы тѣ повѣрили и не подали бы примѣра къ ихъ собственному невѣрію. Но этотъ самый отказъ іудеевъ увѣровать служитъ основаніемъ нашей вѣры. Мы были бы менѣе склонны къ ней, будь евреи одного съ нами мнѣнія: тогда у насъ былъ бы лишній предлогъ не вѣрить. Достойно удивленія, что іудеи созданы большими любителями предреченныхъ событій и такими противниками ихъ осуществленія (и что притомъ самое противленіе это было предсказано).

VI.

Чтобы дать людямъ средство увѣровать въ Мессію, необходимо было предпослать Ему пророчества, которыя возвѣщались бы людьми, свободными отъ всякаго подозрѣнія, извѣстными во всей странѣ за самыхъ вѣрныхъ, прилежныхъ и ревностныхъ.

Съ такою цѣлью Богъ избралъ этотъ чувственный народъ, которому и ввѣрилъ храненіе пророчествъ, изображавшихъ Мессію освободителемъ и раздаятелемъ земныхъ благъ, любимыхъ этимъ народомъ. Вслѣдствіе этого евреи горячо возлюбили свои пророчества, обѣщавшія имъ Мессію, увѣряя всѣ народы, что Онъ дѣйствительно явится и именно въ томъ видѣ, какъ это сказано въ ихъ книгахъ, которыя они готовы были открыть для всякаго. Однако, когда Мессія

[1]) Авторъ имѣлъ при этомъ ввиду слѣдующіе тексты Евангелія: *Авраамъ, отецъ вашъ, радъ былъ увидѣть день Мой: и увидѣлъ и возрадовался... Прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь* (Іоанна VIII, 56, 58).

дѣйствительно явился, но въ униженіи и бѣдности, они, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, сдѣлались Его злѣйшими врагами. Такимъ образомъ, народъ, который меньше всего на свѣтѣ можно заподозрить въ расположеніи къ намъ (христіанамъ), — благодаря несравненной ревности и приверженности къ своему закону и пророчествамъ, сослужилъ намъ добрую службу, сохранивъ ихъ неприкосновенными.

VII.

Отвергли и распяли Іисуса Христа, послужившаго имъ соблазномъ, тѣ самые люди, которые были и остаются хранителями книгъ, свидѣтельсвовавшихъ о Немъ, предсказывавшихъ, что Онъ будетъ отвергнутъ и сдѣлается камнемъ преткновенія. Самымъ отреченіемъ своимъ отъ Него они доказали Его истинность. Эта послѣдняя одинаковымъ образомъ подтверждается какъ принявшими Его правыми іудеями, такъ и неправыми, отрекшимися отъ Него, ибо то и другое было предсказано.

Потому-то духовный смыслъ пророчествъ, противный этому народу, былъ скрытъ подъ любезнымъ ему смысломъ плотскимъ. Будь явенъ духовный смыслъ пророчествъ, евреи неспособны были бы любить ихъ; а вслѣдствіе этого у нихъ не достало бы усердія сохранить свои книги и свои обряды. Но еслибъ они дорожили этими духовными обѣтованіями и сохранили ихъ неповрежденными до пришествія Мессіи, то свидѣтельство ихъ не имѣло бы силы, такъ какъ они сами были бы Его сторонниками. Этимъ и объясняется прикровенность внутренняго смысла. Съ другой стороны, будь этотъ смыслъ скрытъ до совершенной невозможности его обнаружить, онъ не могъ бы служить доказательствомъ въ пользу Мессіи. Что же было сдѣлано? Внутренній смыслъ былъ прикрытъ внѣшнимъ во многихъ мѣстахъ пророческихъ писаній, а ясно открытъ лишь въ нѣкоторыхъ. При этомъ, однако, предсказанія, относительно времени и состоянія міра, были ясны какъ солнце. Духовный смыслъ такъ очевиденъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что не видѣть его можно было только при томъ ослѣпленіи, которое является слѣдствіемъ полнаго порабощенія духа тѣлу.

Таково было промышленіе Божіе. Духовный смыслъ прикрытъ другимъ во многихъ мѣстахъ писаній и раскрытъ въ нѣсколькихъ, но такъ, по крайней мѣрѣ, что мѣста, гдѣ онъ скрытъ, могутъ быть

объяснены двояко, т.-е. изъ нихъ можетъ быть извлеченъ и матеріальный, и духовный смыслъ: тогда какъ, гдѣ онъ раскрытъ, двоякаго объясненія быть не можетъ — тамъ смыслъ только духовный.

Такимъ образомъ ввести въ заблужденіе это не могло, будь іудеи народомъ, менѣе преданнымъ земному.

Ибо, если блага обѣщаны были въ изобиліи, что мѣшало имъ различать между ними блага истинныя, какъ не ихъ любовь къ плоти, заставившая ихъ видѣть земное на мѣстѣ духовнаго? Полагавшіе же свое благо только въ Богѣ исключительно къ Богу и относили его. Воля человѣческая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ двухъ побужденій: корыстолюбія и любви. Это не значитъ, что корысть не совмѣстима съ вѣрою въ Бога и любовь къ ближнему исключаетъ привязанность къ благамъ земнымъ; но корысть, пользуясь дарами отъ Бога, служитъ міру; а любовь, напротивъ (пользуется міромъ и угождаетъ Богу).

Наше отношеніе къ вещамъ опредѣляется конечною цѣлью. Все, что мѣшаетъ намъ достигнуть ея, мы называемъ *враждебнымъ*. Отсюда твари, хотя и добрыя, — враги праведныхъ, коль скоро отвращаютъ ихъ отъ Бога, и Богъ самъ является такимъ образомъ врагомъ тѣхъ, коихъ алчнымъ стремленіямъ Онъ препятствуетъ.

Поэтому, если слово *врагъ* зависитъ отъ конечной цѣли, то праведные понимали подъ этимъ словомъ свои страсти, а суетные подразумѣвали подъ ними вавилонянъ; оттого-то выраженіе *враги* и было неясно только суетнымъ. Исаія говоритъ по этому поводу: *Завяжи свидѣтельство, и запечатай откровеніе при ученикахъ Моихъ* (Ис. VIII, 16), и что Іисусъ Христосъ *будетъ камнемъ преткновенія* (ib. VIII, 14). *Но блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ* (Мѳ. XI, 6). Также ясно говоритъ объ этомъ и Осія: *Кто мудръ, чтобы разумѣть это? Кто разуменъ, чтобы познать это, ибо правы пути Господни, и праведники ходятъ по нимъ, а беззаконныя падутъ на нихъ* (Осія XIV, 10).

Хотя этотъ Завѣтъ имѣлъ свойство, просвѣщая однихъ, ослѣплять другихъ, но самыми ослѣпляемыми онъ удостовѣрилъ истину, которую должны были уразумѣть другіе; потому что получаемыя отъ Бога видимыя блага были такъ велики и такъ божественны, что могли служить несомнѣннымъ указаніемъ, что Онъ въ состояніи дать имъ невидимыя блага и Мессію.

VIII.

Время перваго явленія Мессіи было предвозвѣщено, о времени же второго никакихъ указаній не имѣется [1]), потому что первое должно было совершиться въ тишинѣ; второе же въ славѣ и при такой обстановкѣ, что даже враги Мессіи не могутъ не узнать Его. Но такъ какъ первое явленіе Его должно было быть лишь мало замѣтнымъ и узнано только испытавшими Писаніе, то что могли сдѣлать іудеи, Его враги? Принять Его, значило бы доказать Его истинность, ибо это было бы естественнымъ поступкомъ со стороны хранителей обѣтованія о Мессіи; отреченіе было бы такимъ же сильнымъ свидѣтельствомъ о Немъ.

IX.

Іудеи видѣли чудеса и исполненіе пророчествъ; ученіе же закона ихъ было любить и поклоняться лишь единому Богу, и это ученіе было постоянно, такъ что имѣло всѣ признаки истинной религіи, какою на самомъ дѣлѣ и было оно. Но необходимо отличать ученіе іудеевъ отъ ученія ихъ закона. Ученіе іудеевъ, хотя и опиралось на чудеса, пророчества и непрерывность существованія, не было однако истиннымъ, ибо чуждалось другой основы — поклоняться и любить только Бога.

Итакъ іудейскую религію, какъ она передана въ священныхъ книгахъ, слѣдуетъ отличать отъ таковой въ передачѣ народа. Ея ученіе о нравственности и блаженствѣ смѣшно въ передачѣ народа, но несравненно въ писанномъ законѣ. Основаніе религіи положено достойнымъ удивленія образомъ: это самая древняя и самая достовѣрная книга въ мірѣ; въ то время, когда Магометъ, чтобы сохранить свою

---

1) Вмѣсто полнаго отрицанія авторъ могъ бы сказать: не предсказано съ одинаковою ясностью; потому что *время, времена и полувремя*, упоминаемыя у пророка Даніила (Дан. VII, 25, и XII, 7) и *сорокъ два мѣсяца* у св. Іоанна (Апок., XI, 2 и XIII, 5), повидимому, относятся сюда, по ученію богослововъ. Но что значатъ эти времена и эти мѣсяцы? Объ этомъ въ Писаніи ничего не сказано. Іисусъ Христосъ, открывая также *признаки*, предшествующіе концу міра, прибавляетъ: *Когда вы все это увидите, знайте, что царствіе Божіе близко* (Матѳ. XXIV, 33; Мар. XIII, 29; Луки, XXI, 31).

(Прим. въ изданіи 1787 г.).

книгу, запрещаетъ читать ее, Моисей съ тою же цѣлью повелѣваетъ всѣмъ читать свою [1]).

X.

Обрядовая сторона іудейской религіи была основана на уподобленіи истинѣ о Мессіи, и эта послѣдняя была признана іудейской религіей, служившей ей прообразомъ.

Въ евреяхъ истина была лишь прообразована; въ небесахъ же она раскрыта. Въ Церкви она находится въ прикровенномъ состояніи и познается чрезъ отношеніе къ прообразуемому. Прообразъ соотвѣтствуетъ истинѣ, а истина познается по прообразу.

XI.

Кто будетъ судить о еврейской религіи по ея грубымъ представителямъ, тотъ плохо узнаетъ ее. Она ясно изображена въ священныхъ книгахъ и въ передачѣ пророковъ, которые достаточно показали, что понимали законъ не буквально. Такъ и наша религія, божественная въ Евангеліи, апостолахъ и преданіи, смѣшна въ устахъ ея дурныхъ истолкователей [2]).

XII.

(Іудеи были двухъ разрядовъ: одни имѣвшія лишь языческія наклонности, другіе — наклонности только христіанскія). По понятіямъ первыхъ, Мессія долженъ быть великимъ земнымъ царемъ. Въ глазахъ чувственныхъ христіанъ Іисусъ Христосъ пришелъ для того, чтобы снять съ насъ обязанность любить Бога и дать намъ таинства, которыя все дѣлаютъ помимо насъ. Ни то, ни другое понятіе не согласно ни съ христіанской, ни съ еврейской религіей. Истинные іудеи, какъ и истинные христіане, приняли Мессію, какъ научающаго ихъ любить Бога и посредствомъ этой любви побѣждать своихъ враговъ [3]).

---

[1]) Второз. XXXI, 11.

[2]) Здѣсь, какъ и въ слѣдующемъ §, авторъ подразумѣваетъ іезуитовъ, допускавшихъ, что для примиренія съ Богомъ достаточно одного внѣшняго покаянія безъ дѣйствительнаго и искренняго желанія человѣка очистить себя исповѣданіемъ грѣховъ. *Перевод.*

[3]) *Своихъ враговъ*, т.-е. свои страсти.

XIII.

Завѣса, закрывающая книги Писанія для іудеевъ, закрываетъ ихъ и для плохихъ христіанъ, а равно для всѣхъ, недостаточно презирающихъ самихъ себя. Но какъ легко становится понимать св. книги и познать Іисуса Христа, когда дѣйствительно презираешь себя!

XIV.

Чувственные іудеи занимаютъ средину между христіанами и язычниками. Язычники совсѣмъ не знаютъ Бога и любятъ только землю. Евреи знаютъ истиннаго Бога и любятъ только землю. Христіане знаютъ истиннаго Бога и совсѣмъ не любятъ землю. Евреи и язычники любятъ одни и тѣ же блага. Евреи и христіане вѣдаютъ одного и того же Бога.

XV.

Это, очевидно, народъ созданный нарочно быть свидѣтелемъ Мессіи [1]). Онъ хранитъ книги, любитъ ихъ, но совершенно ихъ не понимаетъ. Заранѣе предсказано, что судьбы Божіи ввѣрены имъ, но въ книгѣ запечатанной [2]).

Пока для поддержанія закона являлись пророки, народъ оказывалъ къ нему пренебреженіе. Когда же пророковъ не стало, ихъ замѣнила ревность народа.

XVI.

Такъ какъ время сотворенія міра все болѣе и болѣе отдалялось, Богъ далъ міру современнаго бытописателя и стражемъ писанія поставилъ цѣлый народъ, для того чтобы это повѣствованіе было самымъ достовѣрнымъ во всемъ мірѣ и чтобы всѣ люди могли получить столь необходимое свѣдѣніе, котораго помимо этого источника получить нельзя.

XVII.

Моисей былъ несомнѣнно человѣкъ и способный, и умный; поэтому, если бы въ своемъ бытописаніи онъ руководствовался соб-

[1]) Ср. Исх. XLIII, 10; XLIV, 8. *Переводъ.*
[2]) Ис. XXIX, 11.

ственнымъ умомъ, то ясно не высказалъ бы ничего такого, что противорѣчило бы разсудку.

Такъ, самыя, повидимому, слабыя стороны дѣлаются сильными. Напримѣръ, объ родословныя — евангелистовъ Матѳея и Луки — не ясно ли свидѣтельствуютъ, что между двумя авторами никакого предварительнаго соглашенія не было?

Почему, напримѣръ, Моисей изображаетъ жизнь первыхъ человѣковъ продолжительной и выводитъ такъ мало поколѣній? Потому что событія затемняются не отъ продолжительной жизни людей, а отъ множества смѣнившихся поколѣній.

Истина измѣняется только по мѣрѣ смѣны людей. Между тѣмъ два самыя достопамятныя событія, сотвореніе міра и потопъ, онъ ставитъ такъ близко одно къ другому, что современники того и другого почти соприкасаются (по малому числу отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга поколѣній. Такъ что въ то же время, когда онъ описывалъ ихъ, воспоминаніе о нихъ должно было быть еще вполнѣ живо въ умѣ всѣхъ евреевъ).

Симъ, знавшій Ламеха, современника Адама, по крайней мѣрѣ, видѣлъ Авраама; Авраамъ видѣлъ Іакова, видѣвшаго въ свою очередь тѣхъ, которые видѣли Моисея. Стало быть, сотвореніе міра и потопъ — событія истинныя. Такъ заключаютъ люди свѣдущіе.

Продолжительность жизни патріарховъ не только не вредила сохраненію въ памяти минувшихъ событій, а, напротивъ, способствовала этому. Если нерѣдко человѣкъ бываетъ плохо посвященъ въ исторію своихъ предковъ, то это происходитъ оттого, что онъ совсѣмъ не жилъ съ ними, а когда достигъ разумнаго возраста, тѣхъ уже не было въ живыхъ. Когда люди вообще жили подолгу, и дѣти долгое время видѣли своихъ отцовъ, послѣдніе, въ теченіе продолжительнаго времени, могли сообщать дѣтямъ о прошломъ. А объ чемъ же было родителямъ бесѣдовать съ своими дѣтьми, какъ не объ исторіи своихъ предковъ — въ то время, когда вся исторія только въ томъ и заключалась, когда не существовало ни наукъ, ни искусствъ, составляющихъ теперь въ значительной мѣрѣ предметъ обыкновенныхъ житейскихъ разговоровъ. Да и вообще замѣтна въ древнихъ народахъ особая забота о сохраненіи своихъ родословныхъ.

XVIII.

Чѣмъ болѣе я изслѣдую исторію еврейскаго народа, тѣмъ болѣе истинъ я открываю въ ней. Передо мною ихъ прошедшая и послѣдующая жизнь. Вотъ у нихъ нѣтъ болѣе ни идоловъ, ни царей; явилась, какъ и было предсказано, синагога и ея жалкіе приверженцы—наши враги и въ тоже время замѣчательные свидѣтели истины пророчествъ, гдѣ предсказаны ихъ жизнь и самое ослѣпленіе. Такая связь предшествующаго съ послѣдовавшимъ мнѣ кажется изумительной; я не могу не признать этой религіи за вполнѣ божественную по ея значенію, продолжительности исторіи; по нравственнымъ сторонамъ, по ея дѣйствіямъ, наконецъ, — по страшному ослѣпленію іудеевъ, какъ предречено: *И будеши осязаяй въ полудни*[1]). *Дадутъ книгу человѣку, вѣдущему писаніе, и речетъ: не могу прочести*[2]). Я поднимаю руки къ моему Искупителю, который, согласно повторявшимся въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ пророчествамъ, пришелъ пострадать и умереть за меня на землѣ именно въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ было предсказано: по Его милосердію я мирно жду смерти въ надеждѣ навѣки соединиться съ Нимъ; и живу пока съ радостью, пользуясь ли благами, которыя Ему благоугодно ниспослать мнѣ, перенося ли скорби и болѣзни, посылаемыя Имъ для моего же счастія и переносить которыя Онъ научилъ меня Своимъ примѣромъ.

Поэтому я отвергаю всѣ другія религіи, а въ этой религіи нахожу отвѣтъ на всѣ возраженія. Вѣрно, что столь чистый Богъ можетъ открывать Себя только чистому сердцу.

Я нахожу на самомъ дѣлѣ, что какъ только человѣчество помнитъ себя, ему постоянно объявлялось объ его всеобщей испорченности и объ имѣющемъ явиться Искупителѣ; свидѣтель же этой истины не одинъ человѣкъ, но цѣлый народъ, нарочно для того созданный и провозвѣщавшій ее въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ.

---

[1]) Второзак., XXVIII, 29.
[2]) Ис. XXIX, 11, 12. *Перев.*

СТАТЬЯ XIV.

О прообразахъ; прообразный характеръ древняго закона.

I.

Существуютъ прообразы ясные и доказательные, и есть менѣе натуральные, имѣющіе значеніе только въ глазахъ уже и безъ того убѣжденныхъ людей, какъ напр., символы апокалипсическіе.

Но между тѣми и другими та разница, что апокалипсическіе лишены всякой несомнѣнности. Поэтому весьма несправедливо утверждать, что объясненіе ихъ такъ же основательно, какъ и символовъ явныхъ, такъ какъ въ апокалипсисѣ нѣтъ символовъ, столь доказательныхъ, какъ нѣкоторые изъ первыхъ. Стало быть, партіи неравны; и смѣшивать тѣ и другіе не слѣдуетъ, ибо, имѣя сходство съ одной стороны, они вполнѣ различны съ другой.

II.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему пророки облекали обѣщаемыя ими духовныя блага въ символы благъ земныхъ, была та, что они имѣли дѣло съ народомъ чувственнымъ, котораго нужно было сдѣлать носителемъ завѣта духовнаго.

Іисусу Христу служилъ прообразомъ Іосифъ: любимецъ своего отца, посланный имъ навѣстить своихъ братьевъ и т. д.; невинный, онъ былъ проданъ братьями за двадцать динаріевъ и чрезъ то сдѣлался ихъ господиномъ, спасителемъ ихъ, спасителемъ чужихъ и спасителемъ всего міра; этого бы не случилось, когда бы у братьевъ не было намѣренія погубить его, и не будь онъ проданъ и осужденъ ими.

Въ темницѣ невинный Іосифъ между двумя преступниками: Іисусъ Христосъ на крестѣ между двумя разбойниками. Іосифъ предсказываетъ избавленіе одному и смерть другому на основаніи однихъ и тѣхъ же признаковъ. Іисусъ Христосъ спасаетъ избранныхъ и осуждаетъ отверженныхъ, виновныхъ въ однихъ и тѣхъ же

преступленіяхъ [1]). Іосифъ только предсказываетъ, Іисусъ Христосъ совершаетъ. Іосифъ проситъ того, который будетъ спасенъ, вспомнить о немъ, когда достигнетъ славы; спасаемый Іисусомъ Христомъ проситъ Его помянуть его, когда Онъ будетъ въ царствіи Своемъ.

III.

Благодать есть лишь преображеніе славы, ибо не составляетъ конечной цѣли. Законъ былъ прообразомъ благодати, а благодать служитъ прообразомъ славы, но въ то же время представляетъ собою и средство къ ея достиженію.

IV.

Синагога не погибала совсѣмъ, потому что предображала собою (Церковь); но, будучи только прообразомъ, она подверглась порабощенію. Прообразъ существовалъ до момента осуществленія прообразуемаго съ тою цѣлью, чтобы Церковь всегда пребывала видимою то какъ прообразъ, то какъ дѣйствительность.

V.

Чтобы сразу доказать истинность обоихъ Завѣтовъ, нужно лишь убѣдиться сбылись ли въ Новомъ Завѣтѣ пророчества Завѣта Ветхаго. Чтобы изслѣдовать пророчества, нужно понимать ихъ, потому что, если видѣть въ нихъ одинъ лишь (буквальный) смыслъ, то никакого предсказанія о Мессіи мы не найдемъ въ нихъ; напротивъ, если въ нихъ заключается два смысла (буквальный и внутренній) то пришествіе Его въ лицѣ Іисуса Христа несомнѣнно.

Значитъ весь вопросъ въ томъ, имѣютъ ли пророчества этотъ двоякій смыслъ, или нѣтъ (представляютъ ли они прообразы или

---

[1]) „Іисусъ Христосъ спасаетъ избранныхъ и осуждаетъ отверженныхъ, виновныхъ въ однихъ и тѣхъ же преступленіяхъ". Такъ перевели мы слѣдующій подлинный текстъ автора: Jèsus-Christ sauve les èlus, et damne les rèprouvès sur les mèmes crimes. Э. Гавэ въ своемъ комментаріи (Парижъ. 2 изд. 1866 г. т. II, стр. 2) объясняетъ это равенство избранныхъ и отверженныхъ одинаковымъ для всѣхъ наслѣдіемъ первороднаго грѣха. По тексту же изданія Боссю 1779, то же мѣсто *Мыслей* излагается такъ: „I. X. спасаетъ одного и осуждаетъ другого, несмотря на одинаковость преступленій".

Перев.

реальность, т.-е., слѣдуетъ ли искать въ нихъ чего-либо помимо того, что представляется на первый взглядъ, или ограничиться прямымъ смысломъ).

Если законъ и жертвоприношенія суть истины (сами по себѣ), то они должны быть пріятны Богу, а не наоборотъ. Если же это не болѣе какъ предображеніе, то они должны быть въ одно и то же время и угодны, и неугодны [1]). А такъ какъ во всемъ Писаніи они вызываютъ такія двоякія отношенія къ себѣ (то остается признать къ нихъ прообразы).

VI.

Доказательствомъ исключительно прообразовательнаго значенія Ветхаго Завѣта и что подъ временными благами пророки подразумѣвали блага иныя — служитъ, во-первыхъ, то соображеніе, что было бы недостойно Бога призывать людей къ наслажденію лишь одними земными благами. Во-вторыхъ, если пророки и говорятъ весьма ясно о ниспосланіи современемъ благъ земныхъ, однако возвѣщаютъ въ то же время, что ихъ рѣчь темна, что смыслъ ея совсѣмъ не будетъ понятенъ; изъ этого можно заключить, что этотъ смыслъ не тотъ, который она непосредственно собою представляетъ, и что, слѣдовательно, они предсказываютъ иныя жертвы, иного Искупителя и т. д.; они говорятъ, что ихъ поймутъ только въ концѣ временъ (Іерем., XXIII, 20; XXX, 24).

Въ-третьихъ, слова пророковъ будутъ противорѣчить и опровергать другъ друга, если признать, что они подъ словами *законъ* и *жертва* разумѣютъ только законъ и жертву въ Моисеевомъ смыслѣ; тогда противорѣчіе ихъ было бы очевидно и рѣзко. Но стало быть, они разумѣли иное, если противорѣчили сами себѣ въ одной и той же главѣ.

VII.

Сказано, что законъ будетъ измѣненъ, что будетъ измѣнена жертва, что у нихъ (іудеевъ) не будетъ ни царя, ни князя, ни жертвоприношеній; что будетъ заключенъ новый союзъ; что законъ будетъ обновленъ; правила, которыя имъ даны были, не будутъ болѣе годны;

---

[1]) Т.-е. не нравиться сами по себѣ и нравиться въ качествѣ прообразовъ. (Замѣтка Э. Гавэ).

что жертвы ихъ будутъ противны Богу, который совсѣмъ не требовалъ ихъ.

Вопреки этому сказано (въ другомъ мѣстѣ), что законъ и союзъ этотъ пребудутъ вѣчно, какъ и жертвы; что въ Іудеѣ не искоренится царствующій родъ, пока не пріидетъ Царь Вѣчный. Выражается ли во всѣхъ этихъ изреченіяхъ дѣйствительность? — Нѣтъ. Или въ нихъ выражены только прообразы? тоже нѣтъ. Но то или другое они выражаютъ. Однако, первыя, исключая реальность, этимъ самымъ указываютъ на свой прообразный характеръ.

Всѣми этими мѣстами изъ пророчествъ не могло говориться о дѣйствительности: всѣми могло говориться о прообразѣ. Стало быть, ими высказана не дѣйствительность, а прообразъ.

VIII.

Чтобы знать, имѣютъ ли законъ и жертвоприношеніе значеніе дѣйствительности или прообраза, нужно посмотрѣть, видѣли ли и разумѣли ли пророки, говоря объ этихъ предметахъ, только этотъ древній союзъ, или они видѣли въ немъ нѣчто иное, ими предобразуемое, такъ какъ чрезъ изображеніе познается изображаемое. Для того нужно лишь изслѣдовать то, что они говорятъ.

Возвѣщая, что союзъ будетъ вѣчнымъ, разумѣютъ ли они тотъ самый союзъ, о которомъ они говорятъ, что онъ будетъ измѣненъ? Такъ и по отношенію къ жертвамъ и т. п.

IX.

Пророки ясно говорятъ, что Израиль всегда будетъ любимъ Богомъ, и законъ Его будетъ вѣчно; въ то же время они сказали, что смыслъ ихъ словъ скрытый и понятъ не будетъ.

Тайное письмо имѣетъ два смысла. Когда перехватываютъ важное письмо, въ которомъ находятъ ясный смыслъ, и въ то же время въ письмѣ сказано, что смыслъ его скрытый, или затемненный на столько, что будутъ видѣть его, не видя, и понимать, не понимая, тогда, несомнѣнно, остается предположить, что это шифръ съ двоякимъ смысломъ, тѣмъ болѣе что въ его буквальномъ смыслѣ встрѣчаются рѣзкія противорѣчія. Какого же уваженія отъ насъ заслуживаютъ открывающіе намъ этотъ шифръ и объясняющіе скрытый смыслъ его, когда при этомъ извлеченныя такимъ путемъ начала оказываются

столь естественными и ясными? Сдѣлано это Іисусомъ Христомъ и апостолами. Они научили насъ, что враги наши суть наши страсти; что Искупитель духовенъ и царство Его будетъ духовное; что въ пришествіи Его будутъ двѣ стороны: одна — униженія, чтобы смирить человѣка надменнаго, другая — славы, чтобы возвысить человѣка смиреннаго; что Іисусъ Христосъ будетъ Богомъ и человѣкомъ.

X.

Іисусъ Христосъ постоянно указывалъ людямъ, что они любятъ самихъ себя, что они рабы, слѣпы, страждущи, несчастны и грѣшники; что Ему надлежитъ избавить, просвѣтить, исцѣлить ихъ и сдѣлать блаженными; что этого можно достигнуть, когда люди будутъ презирать самихъ себя и послѣдуютъ испытанному Имъ униженію и крестной смерти.

Вотъ что говоритъ намъ св. Павелъ: буква мертвитъ; все совершалось прообразами; надлежало Христу пострадать: Богу испытать униженіе. Обрѣзаніе сердца, истинный постъ, истинная жертва, истинный храмъ. Пророки указали, что все это должно быть духовно.

Итакъ онъ, наконецъ, разъяснилъ намъ, что всѣ эти вещи только предображенія, и что такое *истинно свободный, истинный израильтянинъ, истинное обрѣзаніе, истинный хлѣбъ небесный* и т. д.

XI.

Въ этихъ обѣщаніяхъ всякій находитъ то, что таится въ глубинѣ его сердца: блага земныя или блага духовныя; Бога или тварь; но съ тою, однако, разницею, что ищущіе въ нихъ тварь находятъ ее, но съ нѣкоторыми противорѣчіями, съ запрещеніемъ любить ее, съ повелѣніемъ поклоняться только Богу и, что одно и тоже, только Его любить; и, наконецъ, находятъ, что для нихъ Мессія не приходилъ. Тогда какъ ищущіе Бога обрѣтутъ Его, но безъ всякаго противорѣчія, лишь съ завѣтомъ любить Его одного.

XII.

Источники противорѣчій въ Писаніи таковы: Богъ, униженный даже до смерти на крестѣ, Мессія торжествующій надъ смертью

чрезъ Свою смерть, два естества въ Іисусѣ Христѣ, двукратное пришествіе, два состоянія въ природѣ человѣка.

Чтобы хорошо обрисовать человѣка, нужно лишь согласить всѣ заключающіяся въ немъ противоположныя черты, и недостаточно выставить рядъ качествъ, согласныхъ между собою, не сообразивъ ихъ съ качествами противоположными; чтобы понять смыслъ автора, необходимо согласить всѣ мѣста, которыя противорѣчатъ другъ другу.

Такимъ образомъ, чтобы понять Библію, нужно открыть въ ней такой смыслъ, въ которомъ бы согласовались всѣ взаимно противорѣчащія мѣста. Недостаточно подыскать смыслъ, подходящій къ нѣсколькимъ согласнымъ между собою мѣстамъ; нужно найти такой, который бы примирилъ мѣста, даже противорѣчащія.

Каждый авторъ имѣетъ смыслъ, къ которому подходятъ всѣ противорѣчащія мѣста, иначе въ немъ нѣтъ никакого смысла, чего нельзя сказать о священномъ Писаніи и пророкахъ. Несомнѣнно, однако, что они имѣли слишкомъ много здраваго смысла. Поэтому приходится отыскать въ нихъ такой смыслъ, который согласовалъ бы всѣ противорѣчія.

Истинный смыслъ не тотъ, который извлекали изъ своихъ книгъ іудеи; но въ Іисусѣ Христѣ всѣ противорѣчія сгладились.

Іудеи не сумѣли согласовать прекращеніе царства и княжества, возвѣщенное Осіей, съ пророчествомъ Іакова.

Если принимать законъ, жертвоприношенія и царство за реальности, то всѣхъ мѣстъ въ Писаніи согласовать нельзя. Необходимо, стало быть, признать, что разумѣются эти вещи не какъ дѣйсвительность, а только какъ прообразы. Иначе нельзя было бы согласовать мѣстъ одного и того же автора, одной и той же книги, иногда даже, одной и той же главы. Это достаточно указываетъ, каковъ былъ смыслъ автора.

XIII.

Не было разрѣшено приносить жертвы внѣ Іерусалима, бывшаго мѣстомъ, избраннымъ Богомъ, не дозволено даже ѣсть десятину въ другомъ мѣстѣ (Второзак. XII, 5 и сл.; XIV, 23 и сл.; XV, 20; XVI, 2, 7, 11, 15).

Осія предсказалъ, что у нихъ не будетъ ни царей, ни князей, ни жертвъ, ни кумировъ, что и исполнилось теперь, такъ какъ іудеи не могутъ приносить законной жертвы внѣ Іерусалима.

XIV.

Когда слово Бога, Бога истиннаго, представляется невѣрнымъ буквально, то оно вѣрно въ смыслѣ духовномъ. *Сиди одесную Мене.* Буквально — это невѣрно, но вѣрно по духу. Въ этихъ выраженіяхъ говорится о Богѣ примѣнительно къ понятіямъ человѣческимъ; это имѣетъ лишь тотъ смыслъ, въ какомъ люди приглашаютъ занять мѣсто по правую свою руку, — въ этомъ смыслѣ говоритъ и Богъ. Такъ что этимъ объясняется только намѣреніе Божіе, а не способъ, какимъ Онъ его исполнитъ.

Такъ когда сказано: Богъ принялъ благоуханіе ѳиміамовъ вашихъ и въ награду даетъ вамъ землю обильную, то этимъ словамъ можно уподобить такое положеніе въ нашихъ земныхъ отношеніяхъ, когда человѣкъ, угожденный вашими воскуреніями, захотѣлъ бы дать вамъ въ награду хорошую, тучную землю; такое же намѣреніе Богъ имѣетъ по отношенію къ вамъ.

XV.

Единственная конечная цѣль книгъ Ветхаго Завѣта есть любовь къ Богу. Все, что въ нихъ не клонится къ этой единственной задачѣ, есть ея проображеніе, ибо, въ виду единственности цѣли, все, что не выражаетъ ея непосредственно, есть прообразъ [1]).

Богъ такимъ путемъ разнообразитъ эту единственную заповѣдь любви, чтобы удовлетворить наше ищущее разнообразія любопытство, и этимъ разнообразіемъ ведетъ насъ всегда къ тому, что̀ намъ единственно нужно. Ибо потребно только одно [2]), а мы любимъ разнообразіе, и Богъ удовлетворяетъ обѣ эти наши потребности путемъ разнообразій, ведущихъ къ единственной нашей *потребѣ*.

XVI.

Раввины объясняютъ сосцы жены символически, какъ и все, что не выражаетъ ихъ единственной цѣли, т.-е. земныхъ благъ.

---

[1]) Любовь къ Богу (la charité) принята здѣсь и въ другихъ мѣстахъ въ самомъ высокомъ богословскомъ смыслѣ; это третья добродѣтель: любовь къ Богу, совлеченная всякихъ земныхъ помысловъ. (Прим. Гавэ).

[2]) *Едино же есть на потребу* (Лук. X, 42).

XVII.

Нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ сознаютъ, что у человѣка нѣтъ другихъ враговъ, кромѣ его чувственности, которая и отвлекаетъ его отъ Бога, но не Самъ Богъ; что не тучная земля, а одинъ Богъ есть дѣйствительное благо. Полагающіе благо человѣка во плоти, а зло въ томъ, что ихъ отвлекаетъ отъ чувственныхъ удовольствій, пусть ихъ пресыщаются ими и въ нихъ умрутъ. Но кто ищетъ Бога всѣмъ своимъ сердцемъ, у кого нѣтъ иного горя, кромѣ невозможности созерцать Его, у которыхъ одно желаніе — имѣть Его, и одни враги — препятствія къ этому; которые скорбятъ, видя себя окруженными и обуреваемыми такими врагами, — пусть они утѣшатся, я возвѣщу имъ счастливое событіе: у нихъ есть Избавитель, и я имъ покажу Его; я имъ покажу, что для нихъ есть Богъ; другимъ я Его не открою. Я укажу имъ, что обѣщанъ Мессія, который избавитъ ихъ отъ враговъ, и что Онъ, дѣйствительно, пришелъ избавить отъ неправды, но не отъ враговъ.

XVIII.

Когда Давидъ предсказываетъ, что Мессія избавитъ Свой народъ отъ враговъ его, то этому предсказанію можно придать чувственный смыслъ, т.-е. что Онъ избавитъ отъ египтянъ. Въ такомъ случаѣ я бы не сумѣлъ доказать, что пророчество это сбылось. Но можно также подумать, что избавленіе будетъ отъ беззаконій, ибо, дѣйствительно, враги не египтяне, а беззаконія. Стало быть, слово *враги* имѣетъ здѣсь двоякій смыслъ.

Но если въ другомъ мѣстѣ Давидъ [1]), вмѣстѣ съ Исаіей и др. пророками [2]), говоритъ, что Мессія избавитъ Свой народъ отъ беззаконій, то двусмысленность устраняется и слово *враги* означаетъ просто *неправды*, потому что если бы онъ разумѣлъ этимъ словомъ грѣхи, то свободно могъ бы назвать ихъ врагами; если же онъ думалъ о врагахъ, то не могъ означить ихъ словомъ *неправды*.

А Моисей, Давидъ и Исаія употребляли одни и тѣ же выраженія. Кто же скажетъ, что они разумѣли не одно и то же, и что смыслъ

---

[1]) Псал. CXXIX.

[2]) Ис. XLIII, 25 и сл.

Давида, который, очевидно, разумѣлъ неправды, говоря о врагахъ, не былъ и смысломъ Моисея, когда этотъ послѣдній говоритъ о врагахъ.

Даніилъ, въ IX главѣ, молится объ избавленіи народа изъ вражескаго плѣна; но онъ разумѣетъ плѣнъ грѣха и, въ доказательство этого, говоритъ, что Гавріилъ пришелъ сказать ему, что молитва его услышана и остается ждать еще только семьдесятъ седьминъ; тогда народъ будетъ избавленъ отъ неправды, грѣху придетъ конецъ, и Освободитель, Святой изъ святыхъ, принесетъ правду *вѣчную* — не законную, а вѣчную.

Коль скоро эта тайна открыта, невозможно не видѣть ея. Пускай прочтутъ Ветхій Завѣтъ при этомъ свѣтѣ, и увидятъ, были ли завѣщаны жертвоприношенія въ прямомъ смыслѣ, былъ ли радъ Авраамъ конечнымъ предметамъ попеченія Божія о немъ, и была ли обѣтованная земля дѣйствительнымъ мѣстомъ упокоенія? — Нѣтъ. Стало быть, это были прообразы. Пусть изслѣдуютъ также всѣ предписанныя церемоніи и всѣ завѣты, не клонящіеся непосредственно къ обнаруженію заповѣди любви — и окажется, что все это прообразы [1]).

СТАТЬЯ XV.

Объ Іисусѣ Христѣ.

I.

Безконечное разстояніе между тѣломъ и умомъ даетъ понятіе о еще неизмѣримо-безконечнѣйшемъ разстояніи между умомъ и любовью [2]), ибо она сверхъестественна.

Весь блескъ почестей и величія не имѣетъ цѣны въ глазахъ людей, посвятившихъ себя изслѣдованіямъ въ умственной области. Величіе людей ума недостижимо взору богатыхъ, царей, полководцевъ и другихъ міра сего. Величіе Мудрости, которая можетъ быть только

1) У пр. Осіи „Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговѣдѣнія болѣе, нежели всесожженій“ (VI, 6). *Перев.*

2) См. примѣч. къ § 15 предыдущей статьи. *Перев.*

въ Богѣ, невидимо ни людямъ плоти, ни людямъ ума. Это три порядка, вполнѣ отличные другъ отъ друга.

Великіе геніи имѣютъ свою сферу власти, свой блескъ, свое величіе, свои побѣды и не нуждаются въ величіи матеріальномъ, не имѣющемъ никакого значенія для ихъ духовной цѣли. Они видимы не тѣлесными, а умственными очами — этого достаточно. Святые также имѣютъ свою власть, свой блескъ, свои побѣды и совсѣмъ не нуждаются въ величіи матеріальномъ или умственномъ; оно не имѣетъ никакого къ нимъ отношенія, ничего имъ не прибавляетъ и ничего не убавляетъ. Они видимы Богомъ и ангелами, а не тѣлами и душами любопытныхъ; они довольствуются Богомъ.

Архимедъ, и не будучи знатнаго происхожденія, пользовался бы такимъ же высокимъ уваженіемъ. Онъ не давалъ битвъ, но оставилъ міру свои открытія. О, какъ онъ великъ и блестящъ въ глазахъ ума! Іисусъ Христосъ, безъ богатствъ и безъ обнаруженія какой-либо учености, имѣетъ Свое значеніе — святости. Онъ не далъ намъ никакихъ изобрѣтеній, Онъ не царствовалъ, но былъ кротокъ, терпѣливъ, святъ предъ Богомъ, страшенъ демонамъ, чистъ отъ всякаго грѣха. О, какъ славно, какъ чудно-величественно было Его пришествіе предъ очами сердца, способными разумѣть Премудрость.

Архимеду не было цѣли выставлять въ своихъ сочиненіяхъ о геометріи свое княжеское достоинство, хотя онъ имѣлъ его. Для Господа нашего Іисуса Христа, чтобы блистать въ Своемъ царствѣ святости, было безполезно являться въ царскомъ величіи; зато Онъ пришелъ во всемъ блескѣ *святости* Своего достоинства.

Смѣшно смущаться уничиженнымъ положеніемъ Іисуса Христа; какъ будто это уничиженіе имѣло что-нибудь общее съ тѣмъ величіемъ, которое Онъ имѣлъ обнаружить. Пусть этого величія ищутъ въ Его жизни, въ Его страданіяхъ, скромномъ происхожденіи, смерти, въ выборѣ учениковъ, въ Его отношеніи къ нимъ, когда тѣ Его покинули, въ Его таинственномъ воскресеніи и въ остальномъ; тогда оно представится имъ столь великимъ, что не будетъ повода смущаться этимъ лишь кажущимся уничиженіемъ. Но есть люди, могущіе восхищаться только чувственнымъ величіемъ, какъ будто духовнаго не существуетъ; другіе же доступны впечатлѣнію только умственнаго величія, какъ будто въ Премудрости не заключается величія еще безконечно высочайшаго.

Всѣ тѣла, небо, звѣзды, земля и ея царства ничто въ сравненіи съ самымъ обыкновеннымъ умомъ, потому что онъ постигаетъ, какъ всѣ эти предметы, такъ и себя; тѣло же ничего сознавать не въ состояніи. Всѣ тѣла, всѣ умы, взятые вмѣстѣ, и всѣ ихъ произведенія — ничтожество предъ малѣйшимъ движеніемъ любви, какъ принадлежащей къ безконечно высшему порядку.

Всѣ тѣла вмѣстѣ не могли бы произвести ни малѣйшей мысли, такъ какъ мысль относится къ высшему порядку. Изъ всѣхъ тѣлъ и умовъ нельзя было бы извлечь движенія истинной любви, потому что высшая любовь принадлежитъ совсѣмъ къ иному порядку — сверхъ естественному.

II.

Іисусъ Христосъ жилъ въ такой неизвѣстности (въ мірскомъ смыслѣ), что историки, описывавшіе только важныя государственныя событія, едва Его замѣтили. Что ни Іосифъ Флавій, ни Тацитъ, ни другіе лѣтописцы совсѣмъ не упоминаютъ объ Іисусѣ Христѣ, то это обстоятельство скорѣе говоритъ за, нежели противъ Него; ибо несомнѣнно, что Іисусъ Христосъ былъ, и Его религія произвела большой шумъ, и что эти люди имѣли о томъ свѣдѣнія. Они, очевидно, скрыли это событіе съ намѣреніемъ, а если и говорили о немъ, то другіе уничтожили или измѣнили написанное.

III.

Какой человѣкъ имѣлъ когда-либо больше блеска? Весь еврейскій народъ задолго предсказываетъ Его пришествіе. Язычники поклоняются Ему, когда это пришествіе совершилось. Тѣ и другіе считаютъ Его своимъ средоточіемъ. Но кто изъ людей въ то же время такъ мало пользовался всѣмъ этимъ блескомъ? Изъ тридцати трехъ лѣтъ жизни Онъ тридцать провелъ въ неизвѣстности. Въ теченіе трехъ остальныхъ Онъ слываетъ за обманщика; священники и старѣйшины Его отвергаютъ; друзья и близкіе презираютъ Его. Наконецъ, Онъ умираетъ, преданный однимъ изъ Своихъ учениковъ, непризнанный другимъ и покинутый всѣми. Какую долю имѣетъ Онъ въ этомъ блескѣ? Никогда человѣкъ не имѣлъ такого величія; никогда человѣкъ не былъ болѣе униженъ. Весь этотъ блескъ послужилъ только намъ, чтобы мы могли вразумиться имъ; Ему же Самому въ немъ доли не было.

IV.

Іисусъ Христосъ высказываетъ величайшія истины такъ просто, что кажется, какъ будто Онъ предварительно не размышлялъ о нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ ихъ настолько ясно, что не остается сомнѣнія относительно того, что Онъ о нихъ думаетъ. Эта ясность въ соединеніи съ такой простотой — изумительна.

Кто указалъ евангелистамъ качества, отличающія вполнѣ героическую душу, что они съ такимъ совершенствомъ изобразили ее въ Іисусѣ Христѣ? Зачѣмъ они представляютъ Его слабымъ въ предсмертныя минуты? Развѣ они не могли изобразить Его болѣе стойкимъ въ смерти? Конечно, могли, ибо тотъ же св. Лука, описывая смерть св. Стефана, изображаетъ его болѣе крѣпкимъ въ эти минуты, чѣмъ былъ Іисусъ Христосъ. Они представляютъ его подверженнымъ страху смерти до наступленія необходимости умереть, а затѣмъ изображаютъ Его вполнѣ стойкимъ. Но если они описываютъ Его смущеннымъ, то лишь пока Онъ Самъ смущаетъ Себя; когда же Его смущаютъ люди, Онъ становится совершенно твердымъ.

Церкви стоило такого же труда доказать, что Іисусъ Христосъ былъ человѣкомъ, въ опроверженіе отрицавшихъ это, какъ и доказать, что Онъ былъ Богомъ; видимыя же данныя противорѣчили одинаково сильно тому и другому.

V.

Обращеніе язычниковъ было предоставлено только благодати Мессіи. Іудеямъ долго пришлось бороться съ ними, но безъ успѣха: все, что говорили Соломонъ и пророки, оказалось напраснымъ. Мудрецы, какъ Платонъ и Сократъ, не могли убѣдить (язычниковъ признать единаго Бога).

Оба Завѣта взираютъ на Іисуса Христа: Ветхій — какъ на свою надежду, Новый — какъ на свой образецъ, оба — какъ на свое средоточіе.

Пророки предсказывали, но сами не были предсказаны. Затѣмъ, святые были предсказаны, но сами не пророчествовали. Іисусъ Христосъ возвѣщенъ пророками и пророчествуетъ Самъ.

Іисусъ Христосъ для всѣхъ, Моисей для одного народа.

Іудеи были благословлены въ лицѣ Авраама: *Благословлю благословляющихъ тя* (Бытія XII, 3). Но *вси народы благословятся о сѣмени его* (Бытія XVIII, 18).

Свѣтъ во откровеніе языкамъ (Лук. II, 32).

Не сдѣлалъ Онъ тою никакому народу (Пс. CXLVII, 9), сказалъ Давидъ, говоря о законѣ; говоря же о Іисусѣ Христѣ, должно сказать: *То сдѣлалъ Онъ для всѣхъ народовъ.*

Итакъ, Іисусъ Христосъ для всего міра. Сама Церковь приноситъ жертву только за вѣрныхъ; Іисусъ Христосъ принесъ крестную жертву за всѣхъ.

СТАТЬЯ XVI.

Свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ пророковъ.

I.

Самымъ сильнымъ свидѣтельствомъ объ Іисусѣ Христѣ служатъ пророчества. Поэтому они составляли предметъ особаго попеченія Божія, ибо предрекаемое ими событіе есть чудо, существующее отъ рожденія Церкви до конца ея. Для того Богъ воздвигалъ пророковъ въ теченіе тысячи шестисотъ лѣтъ; въ теченіе слѣдующихъ четырехъ сотъ лѣтъ Онъ разсѣялъ всѣ эти пророчества вмѣстѣ со всѣми хранившими ихъ іудеями по всѣмъ странамъ міра. Таково было приготовленіе къ рожденію Іисуса Христа, ибо, прежде чѣмъ весь міръ увѣровалъ въ Его Евангеліе, требовалось не только существованіе пророчествъ, чтобы вызвать эту вѣру въ него, но чтобы пророчества эти были распространены въ мірѣ, дабы весь міръ могъ принять Его.

Если бы одинъ человѣкъ написалъ книгу пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ, предсказалъ бы время и обстоятельства Его пришествія, и если бы Іисусъ Христосъ явился согласно этимъ предсказаніямъ — была бы и въ этомъ уже сила невѣроятная. Но произошло болѣе того. Цѣлый рядъ людей, въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ, постоянно и безъ измѣненій являлся одинъ вслѣдъ другого предсказывать это самое событіе. Цѣлый народъ возвѣщаетъ его въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ, чтобы общимъ голосомъ подтвердить

хранимые имъ о томъ завѣты и, вопреки всѣмъ угрозамъ и преслѣдованіямъ, даетъ, наконецъ, свое свидѣтельство. Это достойно уже совсѣмъ иного вниманія.

II.

Время пришествія Мессіи было предсказано по отношенію къ положенію еврейскаго народа, къ положенію народовъ языческихъ, состоянію храма и къ числу лѣтъ: нужна большая смѣлость, чтобы такъ подробно описать обстановку предрекаемаго событія.

Необходимо было, чтобы существованіе четырехъ языческихъ монархій [1]) совпало съ окончаніемъ царства Іуды и совершеніемъ семидесяти седминъ, но все это должно было предшествовать разрушенію храма.

Было предсказано, что при четвертой монархіи, до разрушенія второго храма, раньше чѣмъ іудеи были лишены самостоятельности, въ семидесятую седмину Даніила, пока еще цѣлъ былъ второй храмъ, язычники будутъ просвѣщены и приведены къ познанію Бога іудеевъ; что любящіе Его будутъ избавлены отъ своихъ враговъ и исполнятся страха и любви къ Богу.

Такъ и случилось: въ четвертую монархію, до разрушенія второго храма и т. д., язычники во множествѣ поклоняются Богу и ведутъ ангелоподобную жизнь, дѣвицы посвящаютъ Богу свою дѣвственность и свою жизнь; мужчины отказываются отъ всѣхъ удовольствій. Въ чемъ Платонъ не могъ увѣрить небольшое число избранныхъ и свѣдущихъ людей, въ томъ тайная сила немногими словами убѣждаетъ сотни тысячъ простыхъ, необразованныхъ людей.

Что означаетъ все это? — То, что еще задолго было предсказано: *„Излію отъ духа Моего на всякую плоть“* (Іоиля II, 28). Всѣ народы пребывали въ невѣріи и служеніи плоти, и что же стало?! Вся земля возгорѣлась горячею любовью къ ближнему; великіе міра бросаютъ свои почести, богатые оставляютъ свои богатства; дѣвицы терпятъ мученичество; дѣти покидаютъ уютный родительскій кровъ, чтобы жить среди лишеній въ пустынѣ. Откуда происходитъ такая сила? Это значитъ, что явился Мессія, и вотъ послѣдствія и признаки Его пришествія.

---

[1]) По другимъ изданіямъ *четвертой* языческой монархіи.

Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ ни одинъ язычникъ не зналъ Бога евреевъ [1]); но въ предопредѣленное время множество язычниковъ поклоняется этому единому Богу; капища разрушены, сами цари подчиняются кресту. Что все это значитъ? — Что Духъ Божій излитъ на землю.

Предречено, что, когда придетъ время Мессіи, Онъ установитъ новый союзъ, который заставитъ позабыть исходъ изъ Египта (Іерем. XXXI, 31, 32); что Онъ вложитъ законъ во внутренность и напишетъ его въ сердцахъ (Іерем. XXXI, 33); что Іисусъ Христосъ вложитъ страхъ въ глубину сердца (Іерем. XXXI, 33 и XXXII, 40), дабы страхъ этотъ не былъ только внѣшнимъ, какъ до сего было.

Далѣе сказано, что іудеи отвергнутъ Іисуса Христа и сами будутъ отвергнуты Богомъ, потому что избранный виноградникъ далъ только дикія ягоды (Ис. V, 2, 3, 4 и слѣд.), что избранный народъ окажется невѣрнымъ, неблагодарнымъ: *Всякій день простиралъ Я руки Мои къ народу непокорному, ходившему путемъ недобрымъ, по своимъ помышленіямъ* (Ис. LXV, 2); что Богъ поразитъ ихъ слѣпотою, и они будутъ и днемъ ходить ощупью подобно слѣпымъ (Второз. XXVIII, 28, 29).

Что Церковь вначалѣ будетъ малою, а потомъ разрастется (Іезек. XVII).

Тогда идолопоклонство будетъ разрушено; Мессія низвергнетъ идоловъ и приведетъ народы къ почитанію истиннаго Бога (Іезек. XXX, 13).

Храмы идоловъ будутъ разрушены, и у всѣхъ народовъ по всей землѣ будутъ приносить Ему жертву чистую, а не животныхъ (Мал. I, 11).

Онъ будетъ царемъ іудеевъ и язычниковъ (Пс., II, 6 и 8; LXXI, 8 и 11 и сл.). И вотъ этотъ царь іудеевъ и язычниковъ преслѣдуется тѣми и другими, сговорившимися убить Его — Властителя тѣхъ и другихъ, разрушившаго и культъ Моисея въ Іерусалимѣ, который былъ его центромъ, а впослѣдствіи — мѣстопребываніемъ первой Церкви христіанской, и культъ языческій въ Римѣ, бывшемъ средоточіи язычества, а потомъ Его главной Церкви.

Онъ укажетъ людямъ путь совершенный (Ис. II, 3; Мих. IV, 2 и сл.).

---

[1]) Т.-е. со времени Авраама.

И ни раньше, ни послѣ не являлось ни одного человѣка, котораго ученіе, хотя приблизительно, уподоблялось бы божественности этого ученія.

Вотъ приходитъ Іисусъ Христосъ и говоритъ людямъ, что сами они единственные враги себѣ; что разлучаютъ ихъ съ Богомъ страсти ихъ; что Онъ пришелъ разрушить эти страсти и даровать имъ Свою благодать, дабы создать изъ нихъ всѣхъ единую святую Церковь, въ которую Онъ введетъ язычниковъ и іудеевъ; что Онъ пришелъ низвергнуть идоловъ однихъ и суевѣріе другихъ.

Этому противятся всѣ люди, не только въ силу естественнаго сопротивленія чувственности, но, сверхъ всего, противъ этой нарождающейся религіи возстаютъ всѣ цари земные, какъ и было предсказано [1]). Всѣ сильные міра сего сплотились между собою для этой цѣли; ученые, мудрецы, цари. Одни пишутъ, другіе осуждаютъ, третьи убиваютъ. И, несмотря на такія препятствія, простые, немощные люди отражаютъ всѣ эти силы и даже подчиняютъ себѣ этихъ царей, этихъ ученыхъ, этихъ мудрецовъ и изгоняютъ идолопоклонство со всей земли. И все это совершается силою, возвѣстившею о томъ устами пророковъ.

Іудеи, убивая Іисуса Христа, чтобы не принять Его за Мессію, тѣмъ самымъ сообщили Ему послѣдній признакъ Мессіи; продолжая не признавать Его, они становятся безупречными Его свидѣтелями; убивая Его и продолжая отъ Него отрекаться, они выполнили пророчества.

(Кто не узналъ бы Іисуса Христа по столькимъ особымъ признакамъ, какіе были предсказаны? Ибо написано):

У него будетъ предтеча (Мал. III, 1);

Онъ родится младенцемъ (Исх. IX, 6);

Онъ родится въ городѣ Виѳлеемѣ (Мих. V, 2);

Произойдетъ изъ колѣна Іуды (Быт. XLIX, 8 и сл.) и племени Давида (II Царствъ, VII, 12 и сл.; Ис. VII, 13 и сл.); будетъ являться главнымъ образомъ въ Іерусалимѣ (Мих. IV, 1; Аггея, II, 7, 9);

Онъ долженъ ослѣпить мудрецовъ и ученыхъ (Ис. VI, 10), благовѣствовать бѣднымъ и малымъ (Ис. LXI, 1); открыть глаза слѣпцамъ и исцѣлять недужныхъ (Ис. XXXV, 5 и 6) и привести къ свѣту томящихся во мракѣ (Ис. XLII, 16);

---

1) Пс. II, 1, 2.

Онъ укажетъ путь совершенный (Ис. XXX, 21) и будетъ наставникомъ язычниковъ (Ис. LV, 4; XLII, 1—7);

Онъ будетъ жертвою за грѣхи міра (Ис. LIII, 5);

Онъ станетъ краеугольнымъ и драгоцѣннымъ камнемъ (Ис. XXVIII, 16);

Онъ сдѣлается камнемъ преткновенія и скалою соблазна (Ис. VIII, 14);

Іерусалимъ долженъ споткнуться объ этотъ камень (Ис. VIII, 15);

Строители [1]) имѣютъ отринуть этотъ камень (Пс. CXVII, 22);

Богъ положитъ этотъ камень въ основу угла [2]) (Ibid);

И этотъ камень выростетъ въ гору необъятную и наполнитъ всю землю (Дан. II, 35);

Сказано также, что Онъ будетъ отвергнутъ (Пс. CXVII, 22), не признанъ (Ис. LIII, 2 и 3), преданъ (Пс. XL, 10), проданъ (Зах. XI, 12), оплеванъ и заушенъ (Ис. L, 6), осмѣянъ (Ис. XXXIV, 16), оскорбляемъ всевозможными способами (Пс. LXVIII, 27), напоенъ желчью (Ibid. 22); что будутъ пронжены ноги и руки Его (Пс. XXI, 17); что Онъ будетъ преданъ смерти (Дан. IX, 26) и объ одеждѣ Его будутъ бросать жребій (Пс. XXI, 19);

Что въ третій день Онъ воскреснетъ (Пс. XV, 10; Осіи VI, 3);

Что Онъ взойдетъ на небо (Пс. XLVI, 6, и LXVII, 19), чтобы возсѣсть одесную Бога (Пс. CIX, 1);

Что цари вооружатся противъ Него (Пс. II, 2);

Что, сидя одесную Отца, Онъ поразитъ враговъ Своихъ (Пс. CIX, 5);

Что цари земли и всѣ народы поклонятся Ему (Пс. LXXI, 11);

Что іудеи останутся народомъ (Іерем. XXXI, 36);

Что они будутъ скитаться (Амоса IX, 9) безъ царей, безъ жертвоприношеній, безъ алтарей и т. д. (Осія III, 4), безъ пророковъ (Пс. LXXIII, 9), ожидая избавленія и не находя его (Ис. LIX, 9; Іерем. VIII, 15).

---

[1]) Строители, работающіе надъ созиданіемъ духовнаго храма, въ которомъ желаетъ обитать Богъ.

[2]) Т.-е. угла, имѣющаго соединить оба народа, іудеевъ и язычниковъ, въ поклоненіи одному и тому же Богу.

III.

Мессія одинъ долженъ былъ произвести великій народъ святыхъ и избранныхъ, руководить имъ, питать его, ввести его въ мѣсто упокоенія и святости, освятить его передъ Богомъ, сдѣлать изъ него храмъ Божій, примирить съ Богомъ, спасти отъ гнѣва Божія, избавить отъ рабства грѣху, явно господствующему въ человѣкѣ, дать законы этому народу, начертать эти законы въ его сердцѣ, предать Себя за него въ жертву Богу, сдѣлаться агнцемъ непорочнымъ и Самому стать закалателемъ жертвы, — предложить свою плоть и кровь и въ то же время принести въ жертву Богу хлѣбъ и вино.

(Предсказано), что имѣлъ придти Освободитель, который сотретъ главу змія, избавитъ Свой народъ отъ грѣховъ, *отъ всѣхъ беззаконій его* (Пс. CXXIX, 8); что учредится Новый Завѣтъ и пребудетъ вѣчно; что будетъ новое и вѣчное священство по чину Мелхиседекову; что Христосъ будетъ славенъ, могущественъ, крѣпокъ и, тѣмъ не менѣе, явится въ такомъ уничиженіи, что не будетъ узнанъ; что Его не примутъ за Того, кто Онъ есть; что Его отринутъ, предадутъ смерти; народъ Его, который отъ Него отречется, не будетъ больше Его народомъ; что язычники примутъ Его и найдутъ въ Немъ прибѣжище; что Онъ покинетъ Сіонъ для царства въ средоточіи языческаго міра; что, несмотря на то, евреи будутъ существовать всегда; что Онъ долженъ произойти отъ Іуды и въ то время, когда прекратятся цари отъ рода его.

IV.

Пусть обратятъ вниманіе на слѣдующее. Отъ начала міра ожиданіе или поклоненіе Мессіи существуетъ безъ перерыва (Онъ былъ обѣщанъ первому человѣку непосредственно послѣ его паденія). Затѣмъ являлись люди, говорившіе, что Богъ открылъ имъ, что имѣетъ родиться Искупитель, который спасетъ народъ Свой. Позднѣе Авраамъ возвѣщаетъ о бывшемъ ему откровеніи, что Мессія произойдетъ отъ него чрезъ имѣющаго родиться у него сына. Іаковъ объявляетъ, что изъ двѣнадцати сыновей его родоначальникомъ Мессіи будетъ Іуда. Впослѣдствіи Моисей и пророки предсказали, когда и какъ Онъ явится; они сказали, что данный имъ законъ имѣетъ значеніе только въ ожиданіи закона Мессіи, что до тѣхъ поръ онъ будетъ существо-

вать непрерывно, но что новый законъ будетъ пребывать вѣчно, и такимъ образомъ ихъ законъ, или законъ Мессіи, коего Онъ былъ обѣщаніемъ, будетъ на землѣ всегда. Такъ и было на самомъ дѣлѣ; и, наконецъ, явился Іисусъ Христосъ при всѣхъ предсказанныхъ обстоятельствахъ. Это достойно удивленія.

Если (скажутъ) это такъ ясно было предсказано іудеямъ, какъ же они не повѣрили? или почему же они не были истреблены за то, что воспротивились такому ясному дѣлу? Я отвѣчаю: было предсказано какъ то, что они не повѣрятъ такой ясной вещи, такъ и то, что они не будутъ истреблены окончательно. И ничто не можетъ торжественнѣе засвидѣтельствовать въ пользу Мессіи, ибо недостаточно было одного существованія пророковъ: необходимо было, чтобы пророчества ихъ были сохранены внѣ сомнѣнія. А такъ какъ, и т. д.

V.

Пророки перемѣшали пророчества о другихъ событіяхъ съ пророчествами о Мессіи для того, чтобы предсказанія касательно Мессіи не остались безъ доказательства, а таковыя по отношенію къ прочимъ событіямъ не остались безъ плода.

Не имѣемъ царя, кромѣ Кесаря, говорили іудеи (Іи. XIX, 15). Слѣдовательно, Іисусъ Христосъ былъ Мессія, такъ какъ у нихъ не было царя, кромѣ того чужеземца, а другого они не хотѣли.

Семьдесятъ седминъ Даніила могутъ объясняться двояко: въ отношеніи начала ихъ счисленія, по причинѣ неопредѣленности выраженія самого пророчества, и въ отношеніи конца счисленія, по причинѣ разногласія хронологовъ. Но эта разница не можетъ превышать двухсотъ лѣтъ [1]).

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка: замѣчательно, что изъ всѣхъ предшествовавшихъ мнѣ издателей, только издатель 1787 года одинъ замѣтилъ ее; Паскаль, какъ сказано, писалъ свои мысли наскоро, безъ послѣдовательности, въ видѣ простыхъ замѣтокъ. Вполнѣ умѣстно предположить, что, желая поставить *двадцать лѣтъ*, онъ, по оплошности, прибавилъ нуль, и вышло двѣсти. Въ оправданіе этого предположенія всего лучше сослаться на примѣчаніе къ изданію 1787 г.:

„*До* Іисуса Христа разница, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не могла превышать *приблизительно восьмидесяти* лѣтъ отъ перваго распоряженія Кира о возвращеніи іудеевъ въ Іерусалимъ, около 536 года нашего обычнаго лѣтосчисленія, до послѣдняго указа, даннаго Артаксерксомъ Длиннорукимъ о возстановленіи стѣнъ Іерусалима, около 454 года. *Со времени* Іисуса Христа, разница не больше, какъ около

(Пророчества, изображающія Іисуса Христа бѣднымъ, представляютъ Его такъ же властителемъ народовъ (Ис. LIII, 2 и сл.; Зах. IX, 9 и 10).

(Пророчества, указывающія время, изображаютъ Іисуса Христа лишь Господомъ язычниковъ и страждущихъ, а не возсѣдающимъ на облакахъ, въ качествѣ Судіи; тѣ же пророчества, которыя изображаютъ Его судящимъ народы и славнымъ, совсѣмъ не отмѣчаютъ времени).

(Когда говорится о Мессіи, какъ о великомъ и славномъ, то это очевидно, относится къ Нему, какъ къ Судіи, а не какъ Искупителю міра [Ис. LXVI, 15, 16]).

СТАТЬЯ XVII.

Различныя свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ.

I.

Не вѣрить апостоламъ значитъ предполагать, что они или были обмануты сами, или обманывали другихъ; но то и другое одинаково

двадцати лѣтъ; потому что лѣтописцы довольно согласны въ томъ, что семьдесятъ седминъ могутъ начинаться лишь со времени царствованія Артаксеркса Длиннорукаго; но одни считаютъ ихъ отъ позволенія, даннаго Ездрѣ этимъ государемъ въ седьмой годъ его царствованія, а другіе считаютъ ихъ отъ разрѣшенія, даннаго Неемію этимъ же государемъ въ двадцатый годъ царствованія; одни считаютъ эти годы отъ принятія его отцемъ своимъ, Киромъ, въ соправители царства, около 474 г. до нашей эры, такъ что *седьмой годъ* совпалъ бы съ 467 годомъ смерти Ксеркса; другіе опять считаютъ ихъ отъ смерти Ксеркса, такъ что *двадцатый* пришелся бы въ 447 году, что и составляетъ промежутокъ ровно въ *двадцать лѣтъ*. Нѣкоторые полагаютъ, что годы, о которыхъ говоритъ Даніилъ, лунные годы; другіе принимаютъ ихъ за годы солнечные*).

---

*) По мнѣнію Э. Гавэ, нѣтъ повода считать ошибкой со стороны Паскаля, что вмѣсто 20 онъ поставилъ будто бы 200 лѣтъ, потому что Паскаль обращается здѣсь къ іудеямъ, утверждающимъ, что пришествія Мессіи не было. А для этой цѣли разница и въ 200 лѣтъ не играетъ особой роли. Онъ какъ бы допускаетъ, что если въ опредѣленіи эпохи, съ которой слѣдуетъ начинать счисленіе седминъ, расходится даже на 200 лѣтъ, то и тогда у іудеевъ не будетъ почвы для ихъ отрицанія Мессіи, такъ какъ раньше или позже, въ теченіе этого двухсолѣтняго періода, Мессія долженъ былъ явиться и дѣйствительно явился.

Перев.

трудно. Ибо, въ первомъ случаѣ, невозможно обмануться настолько, чтобы считать человѣка воскресшимъ изъ мертвыхъ; второе же предположеніе нелѣпо. Чтобы быть послѣдовательнымъ, пусть представятъ себѣ этихъ двѣнадцать человѣкъ, собравшимися послѣ смерти Іисуса Христа вмѣстѣ, для того чтобы сговориться увѣрять всѣхъ въ Его воскресеніи. Но отсюда должна начаться для нихъ борьба со всевозможными приманками, на которыя такъ падко человѣческое сердце — любовь къ перемѣнамъ, обѣщанія наградъ и пр. Если бы хотя одинъ изъ нихъ, увлеченный подобными соблазнами, или, еще скорѣе, устрашенный темницею, пытками, смертью, отказался отъ своихъ словъ, то погибель была бы для всѣхъ несомнѣнна. Пусть же сообразятъ это.

Пока Іисусъ Христосъ былъ съ ними, Онъ могъ ихъ поддерживать. Но потомъ, если Онъ не явился имъ, кто заставилъ ихъ дѣйствовать?

II.

Текстъ Евангелія замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ томъ, что не содержитъ никакихъ выраженій вражды къ мучителямъ и врагамъ Іисуса Христа. Въ отличіе отъ столь свойственной историкамъ наклонности поносить все враждебное, въ Евангеліи нѣтъ никакихъ упрековъ ни Іудѣ, ни Пилату, ни одному изъ іудеевъ.

Если это смиреніе евангелистовъ было притворное, какъ и другія прекрасныя черты ихъ писаній, и притворялись они только для того, чтобы выставить эти достоинства, то, не смѣя сами обратить на нихъ вниманіе другихъ, они не приминули бы пріобрѣсти друзей, которые бы взяли на себя указать эти черты въ ихъ пользу. Но, дѣйствуя вполнѣ искренно, безъ всякаго разсчета, они не обратили ничьего вниманія на это. И, полагаю, многое тому подобное до сихъ поръ осталось незамѣченнымъ въ ихъ писаніяхъ, а это доказываетъ въ апостолахъ отсутствіе всякаго умысла.

III.

Сначала Іисусъ Христосъ, затѣмъ апостолы и, наконецъ, первые святые творили много чудесъ, потому что, за несовершеніемъ еще всего предсказаннаго пророчествами и такъ какъ они сами были

окончательнымъ ихъ исполненіемъ, свидѣтельствовать могли только чудеса. Было предсказано, что Мессія обратитъ народы. Какимъ образомъ, сбылось бы это пророчество безъ обращенія народовъ? И какъ обратились бы народы къ Мессіи, если бы не видѣли этихъ послѣднихъ осуществленій свидѣтельствующихъ о Немъ пророчествъ. Стало быть, до Его смерти, воскресенія и до обращенія Имъ народовъ, еще не все было совершено, а потому во все это время нужны были чудеса. Теперь же чудеса не нужны противъ іудеевъ, такъ какъ исполнившіяся пророчества — постоянное чудо.

IV.

Замѣчательно и достойно особаго вниманія, что еврейскій народъ, при всемъ своемъ несчастномъ положеніи, существуетъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Чтобы быть свидѣтелями Іисуса Христа, евреи должны существовать и, въ то же время, бѣдствовать за то, что Его распяли. Хотя постоянное бѣдствіе исключаетъ возможность продолжительной жизни, тѣмъ не менѣе они, хотя и бѣдствуютъ, но существуютъ.

(Но не были ли они почти въ такомъ же положеніи во время плѣна? Нѣтъ. Плѣномъ скипетръ не былъ отнятъ отъ Іуды окончательно, потому что возвращеніе ихъ было обѣщано и предсказано). Когда Навуходоносоръ увелъ народъ, то, чтобы они не подумали, что скипетръ будетъ взятъ отъ Іуды, имъ заранѣе было предсказано, что плѣненіе будетъ непродолжительное, и самостоятельность будетъ возвращена имъ. Они постоянно получали утѣшенія отъ пророковъ и цари ихъ продолжались. Но при вторичномъ разрушеніи храма обѣщанія возстановить его не было, какъ не было ни пророковъ, ни царей, ни утѣшенія, ни надежды, ибо скипетръ навсегда былъ отнятъ у нихъ.

Не значило быть въ плѣну, когда существовала увѣренность черезъ семьдесятъ лѣтъ получить избавленіе. Но теперь у нихъ нѣтъ никакой надежды.

Богъ обѣщалъ имъ, что, хотя Онъ разсѣетъ ихъ по краямъ свѣта, однако, если они будутъ вѣрны закону, Онъ соберетъ ихъ опять. Они очень вѣрны ему, но остаются въ угнетеніи (Стало быть, Мессія явился, а законъ, содержавшій эти обѣщанія, пересталъ существовать вслѣдствіе установленія закона новаго).

V.

Если бы іудеи были обращены Іисусомъ Христомъ, то у насъ были бы только сомнительные свидѣтели, будь же они истреблены окончательно, мы совсѣмъ не имѣли бы свидѣтелей.

Іудеи отвергаютъ Его, но не всѣ. Святые Его принимаютъ, чувственные — нѣтъ. И это не только не умаляетъ Его славы, но, напротивъ, довершаетъ ее. Причина ихъ невѣрія, и притомъ единственная, высказанная въ ихъ писаніяхъ, въ Талмудѣ и у раввиновъ, та, что Іисусъ Христосъ не покорилъ народы вооруженною рукою: *Препояши мечъ твой по бедрѣ твоей, Сильне* [1]), только и могутъ сказать они. Іисусъ Христосъ былъ убитъ, говорятъ они, изнемогъ, не покорилъ язычниковъ Своею силою, Онъ не далъ намъ добычи съ нихъ, Онъ совсѣмъ не даетъ богатствъ. — Только-то? Этимъ именно Онъ и дорогъ мнѣ. Я бы совсѣмъ не хотѣлъ того, котораго они себѣ представляютъ.

VI.

Какъ сладко очами вѣры видѣть, какъ Дарій и Киръ, Александръ, римляне, Помпей и Иродъ, сами того не сознавая, дѣйствуютъ во славу Евангелія.

VII.

Религія язычниковъ никакого основанія не имѣетъ. Мусульманская вѣра основывается на коранѣ и Магометѣ. Но этотъ пророкъ, долженствовавшій быть послѣднею надеждою міра — былъ ли онъ предсказанъ? И какіе особые признаки имѣетъ онъ, которые бы отличали его отъ всякаго человѣка, пожелавшаго выдавать себя за пророка? Какія чудеса, по его словамъ, совершилъ онъ самъ? Какую открылъ онъ тайну, какой научилъ нравственности, какое указалъ блаженство?

Магометъ не имѣетъ свидѣтельствъ о себѣ. Зато должны быть очень сильны его умственные доводы, разъ они основаны только на своемъ собственномъ авторитетѣ. Что же говоритъ онъ? — Что ему нужно вѣрить.

---

[1]) Пс. XLIV, 4.

VIII.

Два человѣка разсказываютъ другъ другу нелѣпыя исторіи, но въ словахъ одного заключается двоякій смыслъ, а рѣчь другого имѣетъ лишь прямой смыслъ; человѣкъ, посторонній, не посвященный въ тайну, слышитъ разговоръ и составляетъ о словахъ обоихъ одинаковое понятіе. Но если, затѣмъ, въ концѣ бесѣды одинъ начинаетъ высказывать божественныя истины, другой же продолжаетъ говорить пошлости, то слушающій будетъ такого мнѣнія, что въ словахъ одного заключается таинственный и глубокій смыслъ, въ словахъ же другого этого смысла нѣтъ, такъ какъ первый достаточно показалъ, что онъ, будучи способенъ говорить безсмыслицу, можетъ быть и таинственнымъ, а другой обнаружилъ свою неспособность къ глубокомыслію и умѣнье говорить только пошлыя вещи.

IX.

О Магометѣ нужно судить не по тому, что есть въ немъ темнаго и можетъ считаться имѣющимъ таинственный смыслъ, но по тому, что въ немъ есть яснаго, по его раю и прочему. Въ этомъ, именно, его смѣшная сторона и потому-то несправедливо принимать темное въ немъ за тайны, разъ явное его смѣшно. Иное — относительно Библіи. Пусть въ ней есть темныя мѣста, какъ и у Магомета, но зато въ ней есть и мѣста замѣчательно ясныя, есть опредѣленныя и сбывшіяся пророчества. Поэтому здѣсь не можетъ быть сравненія. Не слѣдуетъ смѣшивать и сравнивать вещи, имѣющія сходство только въ темныхъ частяхъ своихъ, но совершенно различныя въ частяхъ освѣщенныхъ; ибо по явному можно судить и о тайномъ.

Коранъ называетъ св. Матѳея добродѣтельнымъ человѣкомъ. Слѣдовательно, Магометъ былъ ложный пророкъ, такъ какъ или называетъ хорошихъ людей злыми, или не вѣритъ имъ въ томъ, что они сказали о Іисусѣ Христѣ.

X.

Всякій человѣкъ можетъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Магометъ, потому что онъ совсѣмъ не творилъ чудесъ и не былъ предсказанъ. Но никто не можетъ сдѣлать того, что совершилъ Іисусъ Христосъ.

Магометъ утвердилъ свою религію на избіеніи другихъ, Іисусъ Христосъ, отдавъ на избіеніе Своихъ; Магометъ запрещалъ читать; апостолы, напротивъ, читать приказывали. Наконецъ, самое рѣзкое различіе: Магометъ искалъ успѣховъ человѣческихъ, тогда какъ Іисусъ старался страдать и умереть по-человѣчески. Вмѣсто того, чтобы заключить, что если имѣлъ успѣхъ Магометъ, то Іисусъ Христосъ могъ имѣть его и подавно — слѣдуетъ сказать: такъ какъ Магометъ имѣлъ успѣхъ, то Іисусъ Христосъ долженъ былъ погибнуть.

СТАТЬЯ XVIII.

Для чего Богъ, скрываясь отъ однихъ, обнаруживаетъ Себя другимъ.

I.

Богъ хотѣлъ искупить людей и дать возможность спасенія ищущимъ Его. Но люди оказываются столь недостойными, что Богъ, по справедливости, отказываетъ нѣкоторымъ, вслѣдствіе ихъ загрубѣлости, въ томъ, что даруетъ, по незаслуженному ими милосердію, другимъ. Если бы Онъ пожелалъ побороть упорство самыхъ загрубѣлыхъ, Онъ могъ бы сдѣлать это, обнаруживъ Себя имъ такъ торжественно, что они не могли бы усомниться въ истинности Его существа, — какъ явится Онъ въ послѣдній день при такомъ громѣ, молніи и разрушеніи природы, что мертвые воскреснутъ и самые слѣпые увидятъ Его.

Но не въ такомъ видѣ пожелалъ Онъ совершить свое кроткое пришествіе; такъ какъ множество людей оказались недостойными Его милосердія, то Онъ не хотѣлъ даровать имъ того блага, отъ котораго они сами отказываются. Поэтому весьма справедливо, что Онъ явился не въ полнотѣ Своего божественнаго величія, что, несомнѣнно, заставило бы увѣровать въ Него всѣхъ людей, однако, и не настолько таинственно, чтобы Его не могли узнать искренно Его ищущіе. Онъ хотѣлъ дать такимъ людямъ полную возможность узнать Его и потому, желая быть явнымъ для ищущихъ Его всѣмъ сердцемъ и

скрытымъ отъ тѣхъ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ бѣгутъ Его, Онъ умѣряетъ возможность Его познанія: ясно открывая Себя стремящимся къ Нему и скрываясь отъ людей равнодушныхъ.

II.

Достаточно имѣется свѣта для желающихъ только видѣть и достаточно мрака для людей, коихъ желанія направлены въ другую сторону. Достаточно ясности для просвѣщенія избранныхъ и довольно темноты, чтобы смирять ихъ. Достаточно темноты для ослѣпленія осуждаемыхъ и довольно свѣта, чтобы осудить ихъ и сдѣлать незаслуживающими прощенія.

Если бы міръ существовалъ съ цѣлью поучать человѣка бытію Бога, то оно проявлялось бы всюду неопровержимымъ способомъ; но такъ какъ міръ существуетъ только чрезъ Іисуса Христа и для Него, а также для того, чтобы указывать людямъ на ихъ испорченность и необходимость искупленія, то все въ мірѣ и носитъ доказательство этихъ двухъ истинъ. Все, что проявляется въ немъ не означаетъ ни полнаго отсутствія, ни явнаго присутствія Божества, но присутствіе сокровеннаго Бога: все носитъ на себѣ такой признакъ.

Если бы никогда не было никакихъ обнаруженій Бога, то это постоянное лишеніе было бы двусмысленно и одинаково могло относиться къ небытію вообще Бога или къ недостоинству людей познавать Его. Но то обстоятельство, что Онъ открывалъ Себя по временамъ, хотя и не всегда, устраняетъ эту двусмысленность. Если же являлся хотя одинъ разъ, значитъ Онъ всегда существуетъ. Отсюда можно вывести только то заключеніе, что есть Богъ, но люди Его не достойны.

III.

(Цѣль Бога скорѣе совершенствовать волю, чѣмъ умъ. Но полная ясность послужила бы въ пользу только уму и повредила бы волѣ). Если бы не существовало никакой тайны, человѣкъ не чувствовалъ бы своей испорченности. Если бы совсѣмъ не было свѣта — человѣкъ не надѣялся бы на уврачеваніе. Потому, не только справедливо, но и полезно для насъ, что Богъ отчасти сокрытъ отъ насъ и отчасти только сокрытъ намъ, ибо одинаково опасно для человѣка знать Бога, не зная своего бѣдственнаго состоянія, ни знать свою безпомощность, не вѣдая Бога.

IV.

Стало быть, вѣрно, что все указываетъ человѣку на его положеніе; но нужно хорошо понимать это, ибо не вѣрно думать, что все обнаруживаетъ Бога, и не вѣрно, что Онъ сокрытъ повсюду. Вѣрно же взятое все вмѣстѣ, т.-е. что Онъ скрывается отъ испытующихъ Его и открывается ищущимъ Его; люди, всѣ вмѣстѣ, недостойны Бога, но могутъ Его удостоиться; недостойны вслѣдствіе своего поврежденія и достойны по своей первоначальной природѣ.

V.

На землѣ нѣтъ ничего, что не свидѣтельствовало бы или о жалкомъ положеніи человѣка, или о милосердіи Бога; — или безпомощности человѣка безъ Бога, или о могуществѣ человѣка съ Богомъ. Вся вселенная возвѣщаетъ человѣку или о его поврежденности, или объ его искупленіи. Все возвѣщаетъ ему его величіе или ничтожество. Каковъ человѣкъ, предоставленный Богомъ самому себѣ, видно на язычникахъ; покровительство Божіе обнаруживается въ іудеяхъ.

VI.

Избраннымъ все служитъ къ добру, даже самыя неясности Писанія; ибо они чтутъ ихъ за его ясныя стороны; наоборотъ, у другихъ все обращается во зло, даже самыя очевидности, такъ какъ они проклинаютъ ихъ за неясности, коихъ не понимаютъ.

VII.

Если бы Іисусъ Христосъ пришелъ только во освященіе людей, то все Писаніе и всѣ событія клонились бы къ этому, и легко было бы обратить невѣрныхъ. Если бы Іисусъ Христосъ явился только для того чтобы ослѣпить, то всѣ Его дѣйствія были бы неясны, и мы не имѣли бы никакого средства убѣдить невѣрующихъ. Но такъ какъ Онъ пришелъ *какъ освященіе* и *камень преткновенія и соблазна*, по словамъ пр. Исаіи (VIII, 14), то увѣрить невѣрующихъ мы не можемъ, и они не могутъ убѣдить насъ; однако, тѣмъ самымъ мы

ихъ убѣждаемъ, утверждая, что изъ всѣхъ Его дѣйствій нельзя вывести рѣшенія, исключительнаго въ пользу той или другой стороны.

Іисусъ Христосъ пришелъ ослѣпить зрящихъ и дать зрѣніе слѣпымъ; исцѣлить больныхъ и послать смерть здоровымъ; призвать къ покаянію и оправдать грѣшниковъ, и праведныхъ оставить въ грѣхахъ ихъ; обогатить неимущихъ и оставить ни съ чѣмъ богатыхъ.

Что говорятъ о Іисусѣ Христѣ пророки? Что Онъ явно будетъ Богомъ? Нѣтъ. Но они говорятъ, что Онъ въ дѣйствительности Богъ сокровенный; что Его не узнаютъ, будутъ думать, что это совсѣмъ не Онъ, что Онъ будетъ камнемъ преткновенія, о который споткнутся многіе и т. д.

Богъ, чтобы сдѣлать Мессію узнаваемымъ для добрыхъ и неузнаваемымъ для злыхъ, такъ и предсказалъ о Немъ устами пророковъ. Если бы образъ явленія Мессіи былъ предсказанъ ясно, то въ немъ не было бы ничего непонятнаго даже для злыхъ. Если бы время было предсказано туманно, то была бы неясность даже для добрыхъ; ибо доброта сердца ихъ не подсказала бы имъ, напримѣръ, что Δ означаетъ шестьсотъ лѣтъ [1]). Но время явленія было предсказано ясно, способъ же — только символически, иносказательно.

Вслѣдствіе этого, злые, принимая обѣщанныя блага за матеріальныя, заблуждаются, несмотря на то, что время предсказано ясно; добрые же не заблуждаются, ибо пониманіе обѣщанныхъ благъ зависитъ отъ наклонностей сердца, которое называетъ благомъ то, что любитъ; такимъ образомъ предсказаніе, ясное въ отношеніи времени и темное въ отношеніи благъ, обманываетъ только злыхъ.

VIII.

Какимъ долженъ былъ быть Мессія, когда ради Его скипетръ непрерывно имѣлъ оставаться у Іуды, а по Его пришествіи имѣлъ отойти отъ Іуды?

Чтобы заставить ихъ видѣть не видя и понимать не разумѣя, это было лучшее средство.

---

[1]) Авторъ намекаетъ здѣсь на то, что у евреевъ, какъ и у грековъ, всѣ буквы алфавита имѣютъ значеніе чиселъ, а потому и употребляются вмѣсто цыфръ.

Вмѣсто того, чтобы жаловаться на сокровенность Бога, вы должны благодарить Его, что Онъ такъ явно обнаружилъ Себя, и еще должны быть благодарны Ему, что Онъ не открылъ Себя ни мудрецамъ, ни высокомѣрнымъ, недостойнымъ знать столь святого Бога.

IX.

Родословная Іисуса Христа перемѣшана въ Ветхомъ Завѣтѣ со столькими другими, не идущими къ дѣлу, что выдѣлить ее невозможно. Иное дѣло, если бы Моисей исчислялъ только предковъ Іисуса Христа. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, родословную Іисуса Христа не трудно отличить отъ другихъ, съ ней смѣшанныхъ, благодаря жизнеописаніямъ Ѳамари, Руѳи и пр.

Всѣ кажущіяся слабыми стороны пріобрѣтаютъ положительную силу въ глазахъ посвященнаго и вѣрующаго. Такъ, напримѣръ, обѣ родословныя, у евангелистовъ Матѳея и Луки; — что можетъ быть очевиднѣе, что онѣ написаны безъ всякаго предварительнаго уговора.

X.

Пусть же не упрекаютъ насъ въ недостаткѣ ясности, ибо мы сами признаемъ, что эта неясность существуетъ. Но пусть признаютъ истинность нашей религіи въ самой неясности ея, въ силу недостаточнаго нашего знакомства съ нею и нашего равнодушія къ ея изученію.

Если бы существовала только одна религія, то Богъ былъ бы слишкомъ явенъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы мученики были среди послѣдователей только нашей религіи.

Чтобы оставить злыхъ при ихъ заблужденіи, Іисусъ Христосъ не говорилъ ни что Онъ не происходитъ изъ Назарета, ни что Онъ не сынъ Іосифа.

XI.

Какъ Іисусъ Христосъ жилъ неузнаннымъ среди людей, такъ и правда Его пребываетъ безъ внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ среди обыденныхъ истинъ, такъ и евхаристія среди обыкновенныхъ хлѣбовъ.

Если милосердіе Божіе, будучи даже прикровеннымъ, наставляетъ насъ на путь спасенія, то какого же свѣта должны мы ждать отъ Него, когда Онъ вполнѣ обнаружится?

Ничего мы не поймемъ въ дѣлахъ Божіихъ, если не поставимъ себѣ за правило, что Онъ желалъ ослѣпить однихъ и просвѣтить другихъ.

СТАТЬЯ XIX.

Ветхій и Новый завѣты въ существѣ одна религія.

Повидимому, существенными составными частями вѣроисповѣданія іудеевъ были: происхожденіе ихъ отъ Авраама, обрѣзаніе, жертвоприношенія, церемоніи, кивотъ завѣта, іерусалимскій храмъ и, наконецъ, законъ и заключенный чрезъ Моисея союзъ съ Богомъ.

Я утверждаю, что религія іудеевъ заключалась совсѣмъ не въ этомъ: единственнымъ выраженіемъ ея должна была быть любовь къ Богу, и Богъ осуждалъ все остальное.

Богъ совсѣмъ не признавалъ правъ происхожденія отъ Авраама.

Іудеи, какъ и другіе народы, подвергаются наказанію отъ Бога, если не послушаютъ Его: *если же ты забудешь Господа Бога твоего, и пойдешь въ слѣдъ боговъ другихъ, и будешь служить имъ, и покланяться имъ, то свидѣтельствуюсь вамъ сегодня, что вы погибнете какъ народы, которые Господь истребляетъ отъ лица вашего* (Второзак. VIII, 19, 20).

Иноплеменники наравнѣ съ іудеями могутъ быть приняты Богомъ, если возлюбятъ Его: *да не говоритъ сынъ иноплеменника,* присоединившійся ко Господу: *«Господь совсѣмъ отдѣлилъ меня отъ Своего народа...» Присоединившихся къ Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его . . . . . Я приведу на святую гору Мою и обрадую ихъ въ Моемъ домѣ молитвы; всесожженія ихъ и жертвы ихъ* (будутъ) *благопріятны на жертвенникѣ Моемъ: ибо домъ Мой назовется домомъ молитвы для всѣхъ народовъ* (Ис. LXI, 3, 6, 7).

Истинные Іудеи считали свою заслугу по силѣ вѣрности Богу и Его заповѣдямъ, а не по происхожденію отъ Авраама: *только Ты*

Отецъ нашъ; ибо Авраамъ не узнаетъ насъ, и Израиль не признаетъ насъ своими; Ты, Господи, Отецъ нашъ, отъ вѣка имя Твое: «Искупитель нашъ» (Ис. LXIII, 16).

Самъ Моисей сказалъ имъ, что Богъ не смотритъ на лица: *Богъ*, говоритъ онъ, *не смотритъ на лица и не беретъ даровъ* (Второзаконіе X, 17).

Заповѣдано обрѣзаніе сердца. *Итакъ обрѣжьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковыйны. Ибо Господь, Богъ вашъ, есть Богъ боговъ и Владыко владыкъ, Богъ великій и страшный, Который не смотритъ на лица* (Второзак. X, 16, 17; Іерем. IV, 4).

Богъ совершитъ это современемъ: *и обрѣжетъ Господь, Богъ твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любилъ Господа Бога твоего, отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей* (Второзак. XXX, 6).

Необрѣзавшіе сердца своего будутъ осуждены. Богъ осудитъ народы необрѣзанные, а также и весь народъ Израиля, потому что *сердце его не обрѣзано* (Іер. IX, 25—26).

Вѣра внѣшняя и обрядность, безъ участія сердца, ни къ чему не служатъ: *раздирайте сердца ваши, а не одежды*, говоритъ пророкъ (Іоиля II, 13. См. также LXIII гл. пр. Исаіи).

Я утверждаю, что обрѣзаніе было символомъ, установленнымъ для отличія іудеевъ отъ другихъ народовъ (Быт. XVII, 11).

Оттого во время нахожденія ихъ въ пустынѣ они не обрѣзывались, ибо не было возможности смѣшаться имъ съ другими народами; оттого же обрѣзаніе стало ненужнымъ со времени пришествія Іисуса Христа.

Любовь къ Богу внушается во всемъ Второзаконіи: *во свидѣтели предъ вами призываю небо и землю: жизнь и смерть предложилъ Я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое, любилъ Господа, Бога твоего, слушалъ гласъ Его и прильпялся къ Нему; ибо въ этомъ жизнь твоя* (Второзак. XXX, 19, 20).

Іудеи, за недостаткомъ этой любви, будутъ осуждены за свои пороки, и язычники займутъ мѣсто ихъ. *Сокрою лицо Мое отъ нихъ, и увижу какой будетъ конецъ ихъ; ибо они родъ развращенный, дѣти, въ которыхъ нѣтъ вѣрности* (Второзак. XXXII, 20, 21). *Они возбудили ревность Мой, служа инымъ богамъ; и Я, въ возмездіе имъ,*

возбужду въ нихъ ревность, призвавъ къ Себѣ народы, не вопрошавшіе о Мнѣ и не искавшіе Меня (Ис. LXV) [1].

Временныя блага суть блага ложныя, истинное же благо есть единеніе съ Богомъ (Пс. LXXII).

Праздники ихъ не благоугодны Богу (Амоса V, 21).

Какъ не угодны ему и жертвоприношенія ихъ (Ис. XLVI, 1—3; Іер. VI, 20; Пс. XLIX, 18), даже со стороны добрыхъ (Пс. XLIX, 8—14). Установлены же жертвы только въ виду загрубѣлости іудеевъ. Замѣчательны слова пр. Михея (VI, 6—8; см. также I кн. царствъ XV, 22 и Осіи VI, 6).

Приношенія язычниковъ будутъ приняты Богомъ, и неблагопріятны будутъ жертвы іудеевъ (Мал. I, 10, 11).

Богъ заключитъ новый завѣтъ чрезъ Мессію, старый же будетъ отвергнутъ (Іерем. XXX, 31, 32).

Прежнее все забудется (Ис. XLIII, 18, 19).

Не вспомнятъ болѣе о ковчегѣ завѣта (Іерем. III, 16).

Храмъ будетъ отвергнутъ (Іерем. VII, 12, 13, 14).

Отвергнуты будутъ жертвоприношенія, и установлены чистыя жертвы (Мал. I, 10, 11).

Чинъ жертвенныхъ службъ Аарона будетъ осужденъ, и введено Мессіею служеніе по чину Мельхиседекову (Пс. CIX).

Это священство будетъ вѣчное (ibid).

Іерусалимъ будетъ осужденъ, а Римъ принятъ [2]). Имя іудеевъ будетъ оставлено для проклятія и замѣнено другимъ (Ис. LXV, 15).

Это послѣднее имя будетъ лучше, чѣмъ у іудеевъ, и будетъ вѣчнымъ (Ис. LXI, 5).

Іудеи останутся безъ пророковъ, безъ царя и безъ князя, безъ жертвы и безъ жертвенника (Осіи III, 4).

Іудеи тѣмъ не менѣе не перестанутъ быть народомъ (Іерем. XXXI, 36).

---

[1]) Этими словами выражено здѣсь только извлеченіе изъ всей 65 главы книги пр. Исаіи, примѣнительно къ подлиннику, почему и допущенъ курсивъ, какъ у автора.

Перев.

[2]) Авторъ разумѣетъ подъ именемъ Рима язычниковъ, охотнѣе и многочисленнѣе вступившихъ въ Церковь Христову, чѣмъ іудеи.

СТАТЬЯ XX.

Истинное, благотворное познаніе Бога достижимо только чрезъ Іисуса Христа [1]).

I.

Удивляюсь смѣлости, съ которой эти лица [2]) берутся говорить о Богѣ съ нечестивыми. Первымъ дѣломъ они стараются доказать Божество дѣлами природы.

Я не удивлялся бы такому пріему, если бы они говорили къ вѣрующимъ, ибо имѣющіе живую сердечную вѣру, конечно, ни на минуту не сомнѣваются, что все существующее есть дѣло Бога, которому они поклоняются. Иное дѣло, когда приходится оживить этотъ свѣтъ въ людяхъ, отрѣшенныхъ отъ вѣры и благодати и, несмотря на всѣ усилія своего ума, вмѣсто свѣта, находящихъ только мракъ и пустоту. Говорить такимъ людямъ, будто стоитъ только разсмотрѣть малѣйшую изъ окружающихъ ихъ вещей, чтобы ясно обнаружить въ ней присутствіе Бога, и, въ доказательство этого великаго и важнаго предмета, описывать имъ пути лупы и планетъ и тѣмъ считать дѣло убѣжденія сдѣланнымъ,— значитъ давать имъ поводъ думать, что доказательства нашей религіи весьма слабы. По убѣжденію и по опыту, я нахожу, что это, напротивъ, вѣрнѣйшее средство породить въ нихъ презрѣніе къ религіи.

Не такъ говоритъ объ этомъ Писаніе, которому лучше извѣстны дѣла Божіи. Оно, напротивъ, утверждаетъ, что Богъ сокрытъ и съ тѣхъ поръ, какъ природа повреждена, Онъ оставилъ людей въ ослѣпленіи, отъ котораго исцѣлиться они могутъ только чрезъ Іисуса Христа, и безъ Него невозможно никакое общеніе съ Богомъ: *Никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ, и Ему же аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27).

Вотъ что ставитъ намъ на видъ Писаніе, многократно повторяющее, что ищущіе Бога найдутъ Его, — но совсѣмъ не при помощи

---

1) Часть этой статьи въ изданіи Фожера носитъ заглавіе: *Предисловіе ко второй части.*

2) Варіантъ. Большинство берущихъ на себя задачу доказывать Божество нечестивымъ обыкновенно начинаютъ съ дѣлъ природы, и т. д. (Изданіе 1670 г.).

дневного свѣта, такъ какъ ищущіе свѣта среди бѣлаго дня, или — воды въ морѣ, найдутъ то и другое; нѣтъ, очевидность присутствія Божія въ природѣ не такова. Писаніе говоритъ намъ въ другомъ мѣстѣ: *истинно Ты Богъ сокровенный* (Ис. XLV, 15).

II.

Іисусъ Христосъ есть средоточіе всего. Кто знаетъ Его, тому ясны причины и значеніе всѣхъ вещей.

Заблуждающіеся заблуждаются только вслѣдствіе того, что не видятъ одной изъ этихъ истинъ. Конечно, можно знать Бога, не сознавая своей немощи, и сознавать свою немощь безъ Бога, но нельзя познать Іисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и своей немощи.

Вотъ почему я не намѣренъ доказывать здѣсь доводами естественнаго разума ни существованія Бога, ни св. Троицы, ни безсмертія души, и ничего подобнаго. Я дѣлаю это не только потому, что чувствовалъ бы себя недостаточно сильнымъ находить въ природѣ доказательства для убѣжденія загрубѣлыхъ безбожниковъ, но потому еще, что безъ Іисуса Христа это познаніе безполезно и безплодно. Если бы кто-нибудь пришелъ къ убѣжденію, что отношенія чиселъ суть истины нематеріальныя, вѣчныя и зависятъ отъ первоначальной истины, въ которой они существуютъ и которую называютъ *Богъ*, я не счелъ бы этого человѣка значительно подвинувшимся на пути къ своему спасенію.

III.

Замѣчательная вещь, что ни одинъ изъ каноническихъ авторовъ не пользовался природой для доказательства Бога: Давидъ, Соломонъ и т. д. — всѣ стремятся возбудить вѣру въ Бога, но никогда вы не встрѣтите у нихъ подобнаго выраженія: пустоты не существуетъ, значитъ есть Богъ. А эти люди были помудрѣе тѣхъ, которые теперь обязательно прибѣгаютъ къ подобной аргументаціи.

IV.

Если вы соглашаетесь, что доказывать существованіе Бога разсмотрѣніемъ природы значитъ обнаружить слабость аргумента, то не

презирайте Писанія; если же, напротивъ, считаете признакомъ силы, что оно познало противорѣчія въ природѣ человѣка, то за это вы должны уважать Писаніе.

V.

Ничего нельзя познать изъ дѣлъ Божіихъ, если не принять за правило, что Богъ хотѣлъ ослѣпить однихъ и просвѣтить другихъ.

VI.

Метафизическія доказательства Бога такъ запутаны и такъ далеки отъ человѣческихъ мыслей, что производятъ впечатлѣніе очень слабое: а если бы и принесли пользу нѣкоторымъ, то развѣ только въ ту минуту, когда эти доказательства у нихъ передъ глазами; но часъ спустя, они уже начинаютъ бояться — не обманулись ли. *Quod curiositate cognoverint superbia amiserunt* [1]).

(Впрочемъ такого рода доказательства могутъ привести насъ только къ спекулятивному понятію о Богѣ, а понимать Его только такимъ образомъ не значитъ понимать Его).

VII.

Богъ христіанъ не есть только Богъ геометрическихъ истинъ и стихійнаго порядка; таковъ Богъ язычниковъ и эпикурейцевъ. Это не только Богъ, промышляющій о жизни и земныхъ благахъ людей съ цѣлью дать рядъ счастливыхъ лѣтъ жизни поклоняющимся Ему: то Богъ іудеевъ. Но Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова, Богъ христіанъ, есть Богъ любви и утѣшенія; это Богъ — наполняющій вѣрныя Ему души и сердца, внѣдряющій въ нихъ ощущеніе ихъ безпомощности и Своего безконечнаго милосердія, соединяющійся съ ними въ глубинѣ души ихъ, наполняющій ее кротостью, радованіемъ, упованіемъ, любовью, дѣлающій ихъ неспособными стремиться къ чему-либо иному, кромѣ Его Самого.

Богъ христіанъ есть Богъ, дающій душѣ чувствовать, что Онъ ея единственное благо, что весь ея покой въ Немъ и единственная

---

1) Найденное ими, при помощи пытливаго разума, они утратили вслѣдствіе гордости. Вѣроятно, на память цитовано Паскалемъ изъ блаж. Августина.

(Примѣч. Э. Гавэ).

радость ея въ любви къ Нему; это Богъ, внушающій душѣ въ то же время ненависть къ препятствіямъ, которыя ее задерживаютъ въ стремленіи любить Его всѣми силами. Самолюбіе и чувственность, составляющія эти препятствія, невыносимы для души, и Богъ даетъ ей чувствовать, что себялюбіе глубоко коренится въ ней, и что Онъ одинъ можетъ исцѣлить ее.

(Вотъ каково познаніе Бога въ христіанскомъ смыслѣ. Но чтобы такъ знать Его, необходимо знать въ то же время свою грѣховность, свое недостоинство и необходимость имѣть посредника, чтобы приблизиться къ Богу и соединиться съ Нимъ. Никакъ нельзя обособлять эти два знанія, ибо въ противномъ случаѣ они не только безполезны, но и вредны). Познаніе Бога безъ сознанія нашей немощи производитъ гордость. Сознаніе же нашей немощи безъ познанія Іисуса Христа ведетъ къ отчаянію. Но познаніе Іисуса Христа ограждаетъ насъ и отъ гордости и отъ отчаянія, ибо въ Немъ мы обрѣтаемъ, какъ сознаніе своей немощности, такъ и единственный путь къ ея уврачеванію.

Мы можемъ познавать Бога, не зная своего жалкаго состоянія, или знать послѣднее, не вѣдая Бога; или — вѣдать Бога и нашу немощь, не зная средства избавиться отъ обуревающихъ насъ золъ. Но мы не можемъ знать Іисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и нашей грѣховной немощи, а вмѣстѣ и средства противъ послѣдней; ибо Іисусъ Христосъ не есть просто Богъ, но Богъ, возстановляющій насъ изъ нашей немощи.

Такимъ образомъ всѣ, ищущіе Бога помимо Іисуса Христа и останавливающіеся на природѣ, или не находятъ никакого свѣта, который бы могъ удовлетворить ихъ, или кончаютъ тѣмъ, что изобрѣтаютъ средство познавать Бога и служить Ему безъ посредника и такимъ путемъ доходятъ или до атеизма, или до деизма, — двухъ вещей, почти одинаково противныхъ христіанской религіи.

Слѣдовательно, всѣ наши стремленія должны быть направлены къ познанію Іисуса Христа, потому что только чрезъ Него мы можемъ получить увѣренность, что знаемъ Бога такъ, какъ знать Его намъ полезно.

Онъ есть истинный Богъ человѣковъ, т. е. немощныхъ и грѣшныхъ. Онъ есть предметъ и средоточіе всего: кто не знаетъ Его, не знаетъ ничего ни въ порядкѣ міра, ни въ себѣ самомъ. Ибо, помимо Іисуса Христа, намъ недоступно не только познаніе Бога, но и самихъ себя.

Безъ Іисуса Христа человѣкъ предоставленъ пороку и своей немощи; со Іисусомъ же Христомъ человѣкъ освобождается отъ того и другого. Въ Немъ вся наша добродѣтель и все наше блаженство; внѣ Его лишь порокъ, бѣдствіе, заблужденіе, мракъ, отчаяніе, и, кромѣ мрака и безпорядка, мы не видимъ ничего ни въ природѣ Бога, ни въ нашей собственной [1]).

СТАТЬЯ XXI.

Мысли о чудесахъ.

I.

По ученію различаются чудеса, и по чудесамъ различается ученіе.

II.

Чудеса бываютъ ложныя и истинныя. Чтобы была возможность опредѣлять ихъ достоинство, они должны имѣть какой-либо отличительный признакъ, иначе они были бы безполезны. А они не безполезны, напротивъ, служатъ основаніемъ. Необходимо поэтому, чтобы правило для опредѣленія чудесъ не разрушало доказательства, доставляемаго истинными чудесами объ истинѣ — главной цѣли чудесъ.

Не будь вовсе ложныхъ чудесъ, не было бы мѣста и сомнѣнію. При отсутствіи правила для различенія истинныхъ отъ ложныхъ, чудеса были бы безполезны, и въ нихъ не было бы основанія для вѣры.

Какъ различать истинныя чудеса отъ ложныхъ, о томъ говоритъ Моисей въ двухъ мѣстахъ (Второзак. XIII, 1, 2, 3 и XVIII, 22); также Іисусъ Христосъ: *никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ вскорѣ злословить Меня* (Марк. IX, 39).

(Откуда слѣдуетъ, что открыто объявляющій себя противникомъ Іисуса Христа не можетъ дѣлать чудесъ Его именемъ. Поэтому, если онъ и дѣлаетъ ихъ, то не именемъ Іисуса Христа, и ему не должно давать вѣры. Таковы случаи, когда чудеса исключаютъ вѣру. Другихъ исключеній не должно допускать: въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда

[1]) Въ рукописи есть только часть этого параграфа, но онъ цѣликомъ помѣщенъ въ изданіи 1670 г. и въ *Исторіи аббатства Порь-Рояль*, 1752 г., т. IV стр. 468—476.

чудо имѣетъ цѣлью отвратить васъ отъ Бога, въ Новомъ Завѣтѣ — отъ Іисуса Христа.

Поэтому при видѣ чуда нужно или подчиниться ему, или имѣть необыкновенные признаки противнаго; нужно видѣть, отрицаетъ ли совершающій чудо или Бога, или Іисуса Христа, или Церковь.

III.

Ложна всякая религія, не поклоняющаяся Богу, какъ началу всѣхъ вещей и, въ своемъ нравственномъ ученіи, не указывающая любить одного Бога, какъ цѣль всѣхъ вещей. Всякая религія, не признающая Іисуса Христа теперь, есть очевидно ложная, и чудеса никакой пользы принести ей не могутъ).

Іудеи имѣли о Богѣ, какъ мы о Іисусѣ Христѣ, ученіе, подтвержденное чудесами; имъ было запрещено вѣрить чудотворцамъ, если бы тѣ хотѣли совратить ихъ въ ложное ученіе, даже болѣе того, — имъ было повелѣно прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ первосвященникамъ и ихъ держаться [1]).

И такимъ образомъ тѣ же причины, которыя побуждаютъ насъ отказать въ вѣрѣ чудотворителямъ, имѣли и іудеи относительно появлявшихся среди нихъ пророковъ.

Однако, они были весьма виновны, отвергая творившихъ чудеса пророковъ и Іисуса Христа, и не были бы виновны, если бы чудесъ не видѣли. *Если бы Я не сотворилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха* (Іоан. XV, 24).

Отсюда слѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ считалъ Свои чудеса вѣрными доказательствами того, чему училъ, и іудеямъ надлежало вѣрить имъ. И дѣйствительно, собственно чудеса сдѣлали іудеевъ виновными въ ихъ невѣріи. Свидѣтельства, которыя Іисусъ Христосъ и апостолы извлекаютъ изъ Писанія, не доказательны, ибо ими подтверждается только, что Моисей предсказалъ пришествіе пророка, но не доказывается, что этотъ пророкъ былъ именно Іисусъ Христосъ, а въ этомъ весь вопросъ. Эти мѣста Писанія показываютъ лишь, что признаніе Іисуса Христа Мессіею не противорѣчитъ Писанію, а не то, что оно прямо согласуется съ нимъ.

---

[1]) Второзак. XVII, 12; Мал. II, 7.

IV.

Пророчества одни не могли доказать истинности Іисуса Христа, какъ Мессіи, во время Его жизни [1]), а потому не было бы вины въ невѣріи въ Него до Его смерти, если бы недостаточно было чудесъ Его, помимо ученія. А неувѣровавшіе въ Него при Его жизни были грѣшниками, и, какъ Самъ Онъ говоритъ, грѣшниками непростительными. Слѣдовательно, противясь чудесамъ, они противились истинному свидѣтельству; такъ какъ, за неимѣніемъ истолкованій, они должны были руководствоваться чудесами. Стало быть, для вѣры достаточно однихъ чудесъ, если они не противорѣчатъ ученію.

Іисусъ Христосъ свою истинность, какъ Мессіи, никогда не доказывалъ согласностью Своего ученія съ Писаніемъ и пророчествами, но всегда доказывалъ ее чудесами.

Никодимъ, по чудесамъ Іисуса Христа, призналъ, что ученіе Его отъ Бога: *Равви! мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога; ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ* (Іоан. III, 2). Онъ не судитъ о чудесахъ по ученію, но объ ученіи судитъ по чудесамъ.

Существуетъ взаимный долгъ между Богомъ и людьми. *Разсудимъ*, говоритъ Богъ устами пророка (Ис. 1, 18), и въ другомъ мѣстѣ: — *Что же еще надлежало бы сдѣлать для виноградника Моего, чего Я не сдѣлалъ ему?* (Ibid., V, 4).

Долгъ людей къ Богу — принимать посылаемую Имъ религію; долгъ Бога къ людямъ — не вводить ихъ въ заблужденіе. Опасность впасть въ заблужденіе была бы неминуема, если бы дѣлающіе чудеса проповѣдывали ученіе, не очевидно ложное въ глазахъ здраваго смысла, и Самъ величайшій Чудотворецъ не предупредилъ людей о грозящей имъ опасности со стороны лжеучителей, подкрѣпляющихъ свою проповѣдь знаменіями. Если бы, такимъ образомъ, при случающихся въ Церкви раздѣленіяхъ, еретики, въ родѣ аріанъ, утверждавшихъ, что ихъ ученіе основано на томъ же Писаніи, какъ и у православныхъ, стали совершать чудеса, когда въ истинной Церкви ихъ бы не совершалось, то это павѣрное привлекло бы многихъ на ихъ

---

[1]) Это было объяснено раньше (ст. Различныя свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ, § 3).

сторону. Ибо, насколько человѣкъ, возвѣщающій намъ тайны Божіи, не достоинъ вѣры, когда опирается только на свой личный авторитетъ, такъ что и нечестивцы сомнѣваются въ немъ, такъ, напротивъ, даже въ глазахъ нечестивыхъ, заслуживаетъ вѣры тотъ, кто, въ доказательство своего общенія съ Богомъ, воскрешаетъ мертвыхъ, предсказываетъ будущее, переноситъ моря, исцѣляетъ болѣзни. Невѣріе фараона и фарисеевъ есть слѣдствіе сверхъестественнаго ожесточенія.

(Но не сказано ли, что Богъ искушаетъ насъ? А потому, не можетъ ли Онъ искушать насъ чудесами, которыя, повидимому, ведутъ къ заблужденію?)

Между понятіями искушать и вводить въ заблужденіе есть большая разница. Богъ искушаетъ, но никогда не вводитъ въ заблужденіе. Искушать значитъ давать поводы, совсѣмъ не налагающіе необходимости. Вводить въ заблужденіе значитъ ставить человѣка въ необходимость дѣлать ложныя заключенія и имъ слѣдовать.

Такъ какъ Богъ вводить въ заблужденіе не можетъ, то человѣку, скрывающему свое дурное ученіе и обнаруживающему только ученіе доброе, согласное, по его словамъ, съ Богомъ и Церковью, очевидно невозможно дѣлать чудеса, чтобы провести ложную и тонкую доктрину — этого быть не можетъ. Еще менѣе возможно, чтобы Богъ, который знаетъ сердца, творилъ чудеса ради подобнаго человѣка.

V.

Далеко не одно и то же не быть за Іисуса Христа и говорить это, или не быть за Іисуса Христа и показывать видъ, что принадлежишь къ Его послѣдователямъ. Первые могутъ дѣлать чудеса, послѣдніе — нѣтъ; ибо относительно однихъ можно прямо заключить, что они противъ истины, относительно же другихъ — нельзя; отъ этого различить чудеса становится гораздо легче.

Такимъ образомъ, чудеса рѣшаютъ спорные случаи между іудеями и язычниками, іудеями и христіанами, православными и еретиками, оклеветанными и клеветниками.

(Это самое наблюдалось во всѣхъ случаяхъ борьбы правды противъ заблужденія, Авеля противъ Каина, Моисея противъ маговъ фараона, Иліи противъ лже-пророковъ, Іисуса Христа противъ фарисеевъ, св. Павла противъ Варіисуса, апостоловъ противъ заклинателей

бѣсовъ, христіанъ противъ невѣрныхъ, православныхъ противъ еретиковъ; то же самое будетъ при борьбѣ Иліи и Эноха противъ Антихриста. Правда всегда одерживаетъ верхъ въ чудесахъ).

(Наконецъ) въ спорахъ объ истинномъ Богѣ или объ истинности религіи никогда не случалось чудесъ на сторонѣ заблужденія безъ того, чтобы еще большія чудеса не совершались также и на сторонѣ истины.

(Въ силу этого правила ясно, что іудеи обязаны были увѣровать въ Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ былъ для нихъ подозрителенъ, но Его чудеса были безконечно яснѣе имѣвшихся противъ Него подозрѣній. Поэтому слѣдовало вѣровать въ Него).

(Во времена Іисуса Христа) одни вѣровали въ Него, другіе не вѣровали, основываясь на пророчествахъ, говорившихъ, что Онъ родится въ Виѳлеемѣ. Но послѣднимъ надлежало обстоятельнѣе разслѣдовать, не въ самомъ ли дѣлѣ Онъ тамъ родился. Въ виду убѣдительности Его чудесъ, они должны были вполнѣ увѣриться относительно кажущихся противорѣчій Его ученія съ Писаніемъ, и эта неясность не извиняла, но ослѣпляла ихъ.

Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго и сотворилъ много другихъ чудесъ въ субботній день, чѣмъ ослѣплялъ фарисеевъ, настаивавшихъ, что слѣдуетъ судить о чудесахъ по ученію.

(Но въ силу того же самаго правила, по которому слѣдовало вѣровать въ Іисуса Христа, никакъ нельзя будетъ вѣровать Антихристу).

Іисусъ Христосъ не говорилъ ни противъ Бога, ни противъ Моисея. Антихристъ и лжепророки, предсказанные въ обоихъ Завѣтахъ, будутъ открыто говорить противъ Бога и противъ Іисуса Христа. Скрывающаго свою вражду къ Богу Богъ не допустилъ бы открыто совершать чудеса.

Моисей предсказалъ Іисуса Христа и заповѣдалъ Ему слѣдовать [1]). Іисусъ Христосъ предсказалъ Антихриста и запретилъ ему слѣдовать [2]).

Чудеса Іисуса Христа не предсказаны Антихристомъ; чудеса же Антихриста предсказаны Іисусомъ Христомъ. Потому, если бы Іисусъ Христосъ не былъ Мессія, Онъ непремѣнно ввелъ бы въ заблужденіе; но не разумно было бы впасть въ заблужденіе отъ чудесъ Антихриста.

---

[1]) См. Второзак. XVIII, 15.

[2]) Евангг. отъ Матѳея XXIV, 23, 24.

Вотъ почему чудеса Антихриста нисколько не вредятъ чудесамъ Іисуса Христа. (Дѣйствительно), когда Іисусъ Христосъ предсказывалъ чудеса Антихриста, думалъ ли Онъ разрушить этимъ вѣру въ Свои собственныя чудеса?

Нѣтъ ни одного основанія для вѣры въ Антихриста, по которому не слѣдовало бы вѣрить въ Іисуса Христа, но для вѣры въ Іисуса Христа есть такія основанія, которыя не могутъ служить для вѣры въ Антихриста.

VI.

Чудеса послужили основаніемъ и впредь послужатъ продолженію Церкви до Антихриста, до конца.

Богъ (чтобы сохранить для Своей Церкви это доказательство) или изобличилъ ложныя чудеса, или предсказалъ ихъ; такимъ образомъ, Онъ возвысилъ Себя, а вмѣстѣ и насъ самихъ надъ тѣмъ, что въ нашихъ глазахъ сверхъестественно.

(Такъ будетъ и въ грядущемъ: или Богъ не допуститъ ложныхъ чудесъ, или Онъ сотворитъ еще большія); ибо чудеса имѣютъ такую силу, что Богъ долженъ былъ предупредить, дабы (при сопротивныхъ Ему чудесахъ) не подумали, какъ бы очевидно это ни казалось, что они отъ Бога, иначе они могли бы соблазнить людей.

Слѣдовательно, мѣста въ тринадцатой главѣ Второзаконія, содержащія запрещеніе вѣрить или слушать тѣхъ, которые будутъ совершать чудеса и отвращать отъ служенія Богу, затѣмъ слѣдующія слова въ Евангеліи отъ Марка: *Возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ.* (Марка XIII, 22), а также нѣкоторыя другія подобныя мѣста далеко не содержатъ въ себѣ чего-либо противнаго авторитету чудесъ, что скорѣе не указывало бы на силу ихъ.

VII.

Не вѣрить истиннымъ чудесамъ заставляетъ недостатокъ любви: *Вы не вѣрите*, говоритъ Іисусъ Христосъ, обращаясь къ іудеямъ, *потому что вы не изъ овецъ Моихъ* (Іоан. X, 26). Тотъ же недостатокъ любви заставляетъ вѣрить чудесамъ ложнымъ: *За то, что они не приняли любви истины для своего спасенія. И за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи* (Сол. II, 10, 11).

Когда я размышлялъ, откуда у лжеучителей, выдающихъ себя за обладателей спасительныхъ средствъ, является столько послѣдователей, готовыхъ иногда отдать въ распоряженіе ихъ даже самую жизнь, то мнѣ казалось, что настоящая причина этого та, что въ числѣ подобныхъ средствъ есть и истинныя. Иначе было бы невозможно существованіе столькихъ ложныхъ средствъ, и чтобъ имъ давали такую вѣру. Если бы вообще не было средствъ ни противъ какого зла, и всѣ виды его были бы не исцѣлимы, то нельзя было бы допустить, чтобъ люди вообразили себѣ, будто они могутъ дать эти средства, а тѣмъ болѣе чтобы столько другихъ людей давали вѣру выдающимъ себя за обладателей такихъ средствъ. Если бы явился человѣкъ и сталъ увѣрять, будто можетъ избавить отъ смерти, — вѣдь никто не повѣрилъ бы ему, потому что такого примѣра никогда не было. Но такъ какъ, даже по признанію самыхъ великихъ людей, было много средствъ, оказавшихся истинными, то у людей явилось довѣріе, какъ къ этимъ истиннымъ, такъ и вообще ко всякимъ средствамъ. Народъ разсуждаетъ обыкновенно такъ: если вещь возможна, значитъ она существуетъ; ибо, разъ она не можетъ быть отрицаема вообще, вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ обнаруженій ея на дѣлѣ, то народъ, не могущій различить, которыя изъ этихъ частныхъ проявленій истинны, вѣритъ имъ всѣмъ. Подобно этому, вѣрятъ столь многимъ ложнымъ вліяніямъ луны вслѣдствіе того, что нѣкоторыя ея вліянія, какъ напримѣръ, приливъ, существуютъ въ дѣйствительности.

Желая объяснить себѣ, почему существуетъ столько ложныхъ чудесъ, ложныхъ откровеній, волшебствъ и т. п. я пришелъ къ предположенію, что причина этого та, что въ числѣ ложныхъ явленій такого рода есть и истинныя. Невозможно же думать, чтобы было столько ложныхъ чудесъ, если бы не было истинныхъ, столько ложныхъ откровеній, когда бы не было откровеній истинныхъ, ни столько ложныхъ религій, не будь одной — истинной. Ибо людямъ невозможно было бы представить себѣ того, чего никогда не было, а тѣмъ болѣе невозможно, чтобы столько другихъ людей тому повѣрили. Но такъ какъ на свѣтѣ дѣйствительно бывали весьма великія вещи и потому находили вѣру и у великихъ людей, то впечатлѣніе такихъ истинныхъ событій было причиной, что почти всѣ люди стали способными вѣрить и ложнымъ. И, такимъ образомъ, вмѣсто заключенія, что совсѣмъ нѣтъ истинныхъ чудесъ, потому что есть столько ложныхъ, слѣдуетъ, напротивъ, сказать, что есть истинныя чудеса, если есть

столько ложныхъ, и есть ложныя только потому, что есть истинныя; а также, что есть ложныя религіи только потому, что есть одна истинная. Этому противорѣчитъ существованіе религіи и у дикарей; но если дикари имѣютъ религію, то это потому, что они слыхали, какъ можно заключить по кресту, найденному св. Андреемъ (Первозваннымъ), объ истинной религіи, о потопѣ, объ обрѣзаніи и т. д. Происходитъ это отъ того, что умъ человѣка, склонившись въ эту сторону подъ вліяніемъ истины, дѣлается склоннымъ къ принятію и всякой лжи.

VIII.

Сказано: вѣруйте въ Церковь; но не сказано: вѣрьте чудесамъ,— по той причинѣ, что послѣднее естественно, а первое — нѣтъ. Одному нужно было научить, другому не нужно.

СТАТЬЯ XXII.

Различныя мысли о религіи.

I.

Скептицизмъ Пиррона, въ ряду другихъ до-христіанскихъ системъ философіи, былъ вполнѣ правъ, ибо люди, до Іисуса Христа, не знали своего истиннаго положенія — считать ли имъ себя ничтожными или великими. Тѣ, которые думали рѣшить эти вопросы, сами ничего не знали, дѣйствовали наобумъ, безъ всякаго основанія, и всегда заблуждались, потому что были односторонни, вполнѣ отвергая одно изъ двухъ [1]).

II.

Богъ, управляющій всѣмъ съ кротостью, влагаетъ религію въ умъ посредствомъ умственныхъ заключеній, а въ сердце посредствомъ

---

[1]) Пирронъ же былъ правъ, говоря, что познаніе истины для человѣка невозможно. Только чрезъ Іисуса Христа мы познаемъ съ одной стороны ничтожество и неспособность человѣка къ высшему познанію и благу — единенію съ Богомъ; съ другой стороны, возможность человѣку придти въ общеніе съ Богомъ чрезъ искупительную и благодатную жертву Спасителя. *Перев.*

благодати. Но желать поселить религію въ сердцѣ и въ умѣ насильно, угрозами значитъ вселять въ нихъ не религію, а страхъ [1]). Сначала пожалѣйте невѣрующихъ; они и такъ несчастны. Поносить ихъ было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, когда бы это могло принести имъ пользу; но это вредитъ имъ.

Вся вѣра заключается въ Іисусѣ Христѣ и въ Адамѣ; вся мораль въ сознаніи чувственности и необходимости благодати [2]).

III.

Сердце имѣетъ свои основанія, которыхъ умъ не знаетъ: это явствуетъ изъ множества данныхъ. Я говорю, что сердцу человѣческому свойственно отъ природы любить высшее, всеобъемлющее существо и свойственно любить самого себя, и эта любовь его направляется въ ту или другую сторону, смотря потому, какими основаніями оно руководится; и ожесточается оно противъ того или другого по своему выбору. Вы отвергли одно и соблюли другое: по разсужденію ли вы любите? Сердце чувствуетъ Бога, а не разумъ. Вотъ что есть вѣра: Богъ ощутителенъ для сердца, а не для разума.

IV.

Міръ существуетъ для дѣлъ милосердія и суда; но люди, составляющіе этотъ міръ, уже не тѣ, какими вышли изъ рукъ Творца; они стали врагами Божіими, которымъ, по милосердію Своему, Онъ сообщаетъ достаточно свѣта для того, чтобы они могли возвратиться къ Нему, если захотятъ искать Его и за Нимъ послѣдовать, но вмѣстѣ и для того, чтобы наказывать ихъ, если они откажутся искать Его и за Нимъ слѣдовать.

V.

Хорошо утомиться въ безполезномъ исканіи истиннаго блага, чтобы протянуть руки къ Избавителю съ просьбою о помощи.

---

1) Вѣроятно, авторъ разумѣетъ здѣсь іезуитовъ.

2) Въ основѣ христіанской вѣры лежитъ грѣхопаденіе Адама, вслѣдствіе котораго человѣкъ утратилъ свое первое блаженное состояніе и палъ въ состояніе поврежденное, немощное; лишился средствъ достигнуть собственными силами общенія съ Богомъ. Цѣль эта можетъ быть достигнута только чрезъ вѣру въ Іисуса Христа, который Своею смертью возстановилъ путь къ блаженству, утраченный чрезъ грѣхъ перваго человѣка. *Перев.*

Мало, говорю я, есть истинныхъ христіанъ даже въ отношеніи вѣры. Много есть вѣрующихъ, но по суевѣрію; много есть невѣрующихъ, но по легкомыслію. Среднихъ между двумя этими разрядами мало.

Къ суевѣрнымъ я не причисляю ведущихъ вполнѣ благочестивую, нравственную жизнь, а также всѣхъ вѣрующихъ по внушенію сердца.

VI.

Достойно сожалѣнія въ людяхъ, что всѣ они разсуждаютъ только о средствахъ, а не цѣли. Всякій заботится, какъ ему выполнить назначеніе, приличное своему званію или положенію, но выборъ положенія или отечества — дѣло судьбы. Жалко видѣть, что столько магометанъ, еретиковъ, язычниковъ слѣдуетъ примѣру и образу жизни своихъ отцевъ потому только, что имъ внушили, что этотъ образъ жизни наилучшій. Этимъ предубѣжденіемъ опредѣляется всякое званіе и профессія, слесаря ли, солдата ли и т. п. Поэтому-то дикари не понимаютъ, что можетъ быть хорошаго въ Провансѣ [1]).

VII.

Чтобы ни говорили, нужно признаться, что въ христіанской религіи есть нѣчто удивительное! Это, скажутъ, потому, что вы родились въ ней. Совсѣмъ не потому: я именно по этой причинѣ сопротивляюсь такому признанію изъ боязни, чтобы это предубѣжденіе не подкупило меня. Но хотя я и родился въ ней, я не перестану признавать ее такою.

VIII.

Есть два способа убѣждать въ истинахъ нашей религіи: одинъ силами разсудка, другой — авторитетомъ убѣждающаго. Пользуются же не вторымъ, а первымъ способомъ. Не говорятъ: слѣдуетъ вѣрить этому, потому что такъ говоритъ Писаніе, которое отъ Бога; но говорятъ обыкновенно, что слѣдуетъ вѣрить по такой-то и такой причинѣ [2]). Однако, послѣдніе доводы слабы, такъ какъ разумъ можетъ подчиняться всему.

---

[1]) Ср. статью „Слабость человѣка“, § 6.

[2]) По мнѣнію Э. Гавэ, авторъ имѣетъ здѣсь въ виду Монтэня и Декарта. *Перев.*

(Самые, повидимому, рьяные противники славы религіи не будутъ безполезны для другихъ. Мы воспользуемся ими какъ первымъ аргументомъ: въ такомъ сопротивленіи есть что-то неестественное, ибо подобное заблужденіе не натурально. Если ихъ безуміе заставляетъ ихъ такъ сопротивляться своему собственному благу, то оно послужитъ для другихъ предупрежденіемъ, благодаря ужасу, который внушается столь плачевнымъ примѣромъ и столь достойнымъ сожалѣнія безуміемъ).

IX.

Безъ Іисуса Христа міръ не существовалъ бы, ибо ему надлежало или быть разрушеннымъ, или стать подобіемъ ада.

Единственный, знающій природу, не для того ли только будетъ знать ее, чтобы быть жалкимъ? Единственный, знающій ее, будетъ ли только одинъ несчастнымъ [2])?

Не слѣдуетъ человѣку совсѣмъ ничего не видѣть, не слѣдуетъ также видѣть ему столько, чтобы у него было основаніе предположить, что онъ обладаетъ истиною вполнѣ. Но видѣть ему нужно лишь настолько, чтобы увѣриться въ утратѣ этой истины; ибо для познанія утраченнаго нужно и видѣть и не видѣть; и таково именно состояніе, въ которомъ находится природа.

Дѣло истинной религіи указать человѣку и его величіе, и его ничтожество, научить его уважать и презирать себя, любить и ненавидѣть.

Я замѣчаю, что христіанская религія основана на предшествовавшей религіи, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Я не говорю здѣсь о чудесахъ Моисея, Іисуса Христа и апостоловъ, потому что сначала они не представляются убѣдительными, но хочу лишь выставить здѣсь всѣ тѣ неоспоримыя основанія этой христіанской религіи, которыя не могутъ быть заподозрѣны кѣмъ бы то ни было.

X.

Религія столь великая вещь, что становится вполнѣ справедливымъ, когда ея лишаются тѣ, которые не даютъ себѣ труда искать

---

[1]) Значитъ, человѣкъ, вполнѣ познавшій природу или не знающій ея, одинаково долженъ убѣдиться въ жалкомъ состояніи какъ себя самого, такъ и всей природы. *Перев.*

ее, если она не ясна. На что же жалуются, когда она можетъ быть найдена, если поискать ее?

Гордость уравновѣшиваетъ и перевѣшиваетъ всѣ немощи и недостатки. Это — чудовище и яркое свидѣтельство ослѣпленія человѣка. Вотъ онъ палъ съ своего мѣста и съ безпокойствомъ ищетъ его.

Вслѣдствіе поврежденія міра грѣхомъ надлежитъ всѣмъ находящимся въ этомъ состояніи знать его, безразлично, уживаются ли они съ нимъ или имъ тяготятся. Но несправедливо всѣмъ видѣть искупленіе.

Когда говорятъ, что Іисусъ Христосъ умеръ не за всѣхъ, то злоупотребляютъ извѣстнымъ порокомъ людей, готовыхъ тотчасъ придраться къ этому исключенію. Это значитъ помогать отчаянію, вмѣсто того, чтобы отвлекать отъ него и оживлять надежду [1]).

XI.

Нечестивцы, слѣпо предающіеся своимъ страстямъ, не зная Бога и не трудясь искать Его, подтверждаютъ сами собою то оспариваемое ими основаніе вѣры, что природа людей находится въ поврежденномъ состояніи. Іудеи, такіе упорные противники христіанской религіи, подтверждаютъ собою другое основаніе этой ненавистной имъ религіи — что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія, пришедшій искупить людей, вывести изъ состоянія растлѣнія и безпомощности, въ которомъ они находились. Подтверждаютъ они это столько же своимъ настоящимъ положеніемъ, предсказаннымъ въ пророчествахъ, сколько этими самыми пророчествами, ими же хранимыми, какъ непререкаемыя свидѣтельства, по которымъ можно узнать Мессію.

---

[1]) По поводу этого параграфа Эрнестъ Гавэ говоритъ слѣдующее: этотъ отрывокъ не ясенъ. Янсенистовъ обвиняли въ вѣрованіи, будто Іисусъ Христосъ умеръ не за всѣхъ, а только за предназначенныхъ быть спасенными Его смертію. Это было однимъ изъ пяти положеній, осужденныхъ папою, какъ находившихся въ ученіи Янсенія, и отъ него сторонники Янсенія отрекались его именемъ. Очевидно, однако, что янсенистская доктрина содержала въ себѣ это положеніе, и самымъ горячимъ и наименѣе политичнымъ сторонникамъ ея не слѣдовало отступать. Къ нимъ ли обращается здѣсь Паскаль и отъ нихъ ли отрекается? Или скорѣе, не противниковъ ли онъ укоряетъ, что тѣ такъ злобно настаивали на соблазнительной сторонѣ этого янсенистскаго догмата, вмѣсто того, чтобы держаться его утѣшительной стороны. Надежда — одна изъ трехъ добродѣтелей.

Перев.

(Такимъ образомъ доказательства поврежденности человѣчества и искупленія его Іисусомъ Христомъ, т.-е. двухъ основныхъ истинъ, утверждаемыхъ христіанствомъ, выводятся изъ существованія нечестивыхъ, живущихъ въ полномъ равнодушіи къ религіи, и іудеевъ, находящихся въ непримиримой враждѣ съ нею).

XII.

Достоинство человѣка заключалось въ его невинности, въ господствѣ надъ тварями и пользованіи ими; теперь же оно состоитъ въ отрѣшеніи себя отъ тварей и покорности имъ [1]).

XIII.

(Есть люди, заблужденіе которыхъ тѣмъ опаснѣе, что принципъ своего заблужденія они выводятъ изъ какой-либо истины. Ошибка ихъ не въ слѣдованіи ложному взгляду, а въ слѣдованіи одной истинѣ при исключеніи другой).

Есть много истинъ и вѣры, и нравственности, повидимому, противорѣчащихъ другъ другу, но, тѣмъ не менѣе, существующихъ одновременно въ замѣчательномъ согласіи.

Источникъ всѣхъ ересей есть исключеніе какихъ-либо изъ этихъ истинъ; а источникъ всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ намъ еретиками, есть невѣдѣніе какихъ-либо изъ этихъ истинъ.

Обыкновенно бываетъ такъ, что, не будучи въ состояніи понять взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ истинъ, они принимаютъ одну и исключаютъ другую.

1-й примѣръ: Іисусъ Христосъ есть Богъ и человѣкъ. Аріане, не умѣя связать этихъ двухъ, по ихъ мнѣнію, несовмѣстимыхъ понятій, говорятъ, что Онъ человѣкъ: въ этомъ смыслѣ они православны. Но они отрицаютъ Его божественность: въ этомъ они еретики. Они утверждаютъ, что мы отрицаемъ Его человѣческую природу: въ этомъ ихъ невѣдѣніе.

2-й примѣръ, по поводу св. Таинъ.

Мы вѣруемъ, что такъ какъ существо хлѣба измѣняется и пресуществляется въ существо тѣла Господа нашего Іисуса Христа, то

---

[1]) Т.-е. въ покорномъ перенесеніи золъ, сопряженныхъ съ здѣшнею жизнью. *Перев.*

Онъ дѣйствительно присутствуетъ въ немъ. Вотъ одна истина. Другая истина та, что это таинство есть также одинъ изъ символовъ креста и славы и воспоминаніе того и другого.

Такъ каѳолическая вѣра соединяетъ эти двѣ, повидимому, противоположныя истины.

Ересь нашего времени, не понимая, что это таинство заключаетъ вмѣстѣ и присутствіе Іисуса Христа, и символъ этого присутствія, — что это жертва и въ то же время воспоминаніе жертвы, думаетъ, что нельзя принять одну изъ этихъ истинъ, не исключивъ другую.

По этой причинѣ они придерживаются того только мнѣнія, что это таинство имѣетъ лишь значеніе символа, и въ этомъ нѣтъ ереси. Они думаютъ, что мы исключаемъ эту истину, оттого и дѣлаютъ намъ столько упрековъ, ссылаясь на отцовъ Церкви, ясно на то указывающихъ. Наконецъ, они отрицаютъ реальное присутствіе Іисуса Христа въ таинствѣ, и въ этомъ ихъ ересь.

Потому-то самое простое средство помѣшать возникновенію ересей — поучать всѣмъ истинамъ, и самое вѣрное средство опровергать ихъ — объяснять всѣ истины.

Благодать будетъ всегда въ мірѣ, какъ и природа; она, такъ сказать, естественна. Поэтому всегда будутъ и пелагіане и православные, и всегда будетъ борьба; потому что первое рожденіе производитъ однихъ, а благодать второго рожденія производитъ другихъ [1]).

Одною изъ мукъ осужденныхъ будетъ сознаніе, что они осуждены своимъ собственнымъ разумомъ, которымъ думали осудить христіанскую религію.

XIV.

Между жизнью обыкновенныхъ и святыхъ людей общее то, что тѣ и другіе стремятся къ блаженству; разница только въ предметѣ блаженства. Тѣ и другіе называютъ своими врагами препятствующихъ имъ въ достиженіи цѣли [2]).

---

1) Т.-е. благодать пребудетъ въ мірѣ, пока послѣдній (или природа) не прекратится, а потому существованіе царства благодати совѣчно природѣ. Въ силу перваго естественнаго рожденія, вносящаго въ міръ и поврежденный разумъ, всегда будетъ происходить борьба между нимъ и разумомъ, обновленнымъ благодатнымъ вторымъ рожденіемъ, или крещеніемъ. *Перев.*

2) Ср. статью: *Объ евреяхъ*, VII.

О томъ, что хорошо и что дурно, нужно судить согласно съ волею Бога, который не можетъ быть несправедливымъ или заблуждаться, а не съ нашей собственной, всегда слѣпой и злой, волей.

XV.

Когда св. Петръ и апостолы (Дѣян. XV) разсуждали объ уничтоженіи обряда обрѣзанія, причемъ возникалъ вопросъ о дѣйствіи противъ закона, они не справлялись съ пророками, а просто руководствовались изліяніемъ Духа Святаго на необрѣзанныхъ. Они гораздо вѣрнѣе судятъ, что, стало быть, Богъ принимаетъ тѣхъ, которыхъ Онъ исполняетъ Своего Духа, что дѣло не въ соблюденіи закона; они знали, что цѣлью закона былъ лишь Духъ Святый и поэтому, если получали Его необрѣзанные, то обрѣзаніе не обязательно.

XVI.

Двухъ законовъ достаточнѣе для упорядоченія всего христіанскаго государства, чѣмъ всѣхъ законовъ политическихъ (любви къ Богу и ближнему [1]).

Религія соотвѣтствуетъ всякаго рода умамъ. Простые люди, каковыхъ большинство, довольствуются ея настоящимъ состояніемъ и устройствомъ; и эта религія такова, что однимъ своимъ существованіемъ доказываетъ свою истинность. Другіе восходятъ до апостоловъ, а самые ученые и до начала міра. Ангелы видятъ ее еще лучше и дальше.

Очень счастливы тѣ, которымъ Богъ вложилъ религію въ сердце; убѣждать ихъ нѣтъ надобности. Людямъ же, лишеннымъ вѣры, мы можемъ внушать ее только путемъ разсудочнымъ, въ ожиданіи, что Самъ Богъ запечатлѣетъ ею сердца ихъ, безъ чего вѣра для спасенія безполезна.

Богъ, чтобы оставить за Собою однимъ право просвѣщать насъ и чтобы сдѣлать намъ недоступнымъ пониманіе нашего собственнаго существа, скрылъ отъ насъ завязку тайны такъ высоко, или, вѣрнѣе, такъ глубоко, что мы не въ состояніи достигнуть ея, и

[1]) См. Евангг. Марка XII, 28 и слѣд.

не работой своего ума, а только покорностью его, можемъ мы дѣйствительно познать самихъ себя.

XVII.

Нечестивцы, признающіе только разумъ своимъ руководителемъ, должны быть необыкновенно сильны умомъ. Что же мы отъ нихъ слышимъ? Не видимъ ли мы, говорятъ они, что живутъ и умираютъ животныя какъ и люди, турки какъ и христіане? У турокъ есть свои обряды, свои пророки, свои учители, свои святые, свои подвижники, какъ и у насъ и т. п. А развѣ это противорѣчитъ Писанію? Развѣ оно не говоритъ всего этого? Если вы мало заботитесь о познаніи истины, достаточно съ васъ и этого, чтобы оставаться въ покоѣ. Но если вы всѣмъ сердцемъ хотите познать истину, то этого недостаточно, и вамъ нужно узнать подробности. Можетъ-быть, этого довольно было бы для суетнаго вопроса философіи; но здѣсь — гдѣ идетъ дѣло обо всемъ... Впрочемъ, послѣ легкаго размышленія въ такомъ родѣ идутъ развлечься и т. д.

Страшно становится видѣть, какъ постоянно утекаетъ все наше достояніе (и какъ возможно такъ привязываться къ нему, чтобы не искать чего-либо прочнаго).

Образъ жизни на свѣтѣ долженъ находиться въ зависимости отъ слѣдующихъ различныхъ предположеній: первое, можно ли всегда оставаться на свѣтѣ; второе, вѣрно ли, что уже недолго остается прожить на немъ, и не вѣрно ли, что пробудешь на немъ еще только одинъ часъ. Послѣднее предположеніе — наше.

XVIII.

По вѣроятностямъ судя, вамъ слѣдуетъ заняться отысканіемъ истины. Ибо вы погибли, если умрете, не поклонившись истинному Началу. Но, скажете вы, если бы Онъ хотѣлъ, чтобы я поклонялся Ему, Онъ бы далъ мнѣ возможность узнать Свою волю. Онъ такъ и сдѣлалъ, но вы пренебрегли узнать ее. Поищите, по крайней мѣрѣ — это стоитъ труда.

Атеисты должны бы высказывать вполнѣ ясныя, очевидныя вещи. А что доказываютъ они, какъ не потерю здраваго разсудка, утвер-

ждая, будто смертность души вполнѣ очевидна? Я понимаю нежеланіе углубляться въ мнѣнія Коперника, но смертность или безсмертіе души — вопросъ всей жизни.

XIX.

Пророчества, даже самыя чудеса и другія доказательства нашей религіи не таковы, чтобы можно было назвать ихъ абсолютно убѣдительными; но въ то же время нельзя сказать, что нѣтъ смысла вѣрить имъ. Такимъ образомъ, въ нихъ есть одновременно и очевидность, и темнота — въ просвѣщеніе однихъ и помраченіе другихъ. Но эта очевидность такова, что она превосходитъ или, по крайней мѣрѣ, равняется очевидности противоположнаго: такъ что не разсудокъ можетъ рѣшить ей не слѣдовать, а развѣ только чувственность и ожесточенность сердца. Такимъ образомъ, въ доказательствахъ нашей религіи достаточно очевидности для осужденія и недостаточно для убѣжденія; изъ этого явствуетъ, что въ признающихъ ее дѣйствуетъ любовь, а не разумъ, а въ отвращающихся отъ нея дѣйствуетъ тоже не разумъ, а чувственность.

Не понимаю, какъ можно оставаться равнодушнымъ и не принимать религіи, которая въ совершенствѣ вѣдаетъ то, что познается болѣе и болѣе по мѣрѣ пріобрѣтаемаго свѣта.

XX.

Два рода людей признаютъ одного Бога: имѣющіе кроткое сердце и любящіе самоуниженіе, на какой бы высокой или низкой ступени умственнаго развитія они ни стояли; или имѣющіе достаточно ума, чтобы видѣть истину, несмотря на все свое сопротивленіе ей. Мудрецы изъ язычниковъ, утверждавшіе, что есть только одинъ Богъ, подвергались преслѣдованію, іудеи презирались, а христіане и того болѣе.

XXI.

Что можно сказать противъ воскресенія или противъ зачатія Пресвятой Дѣвы? Развѣ труднѣе возсоздать человѣка, чѣмъ сотворить его?

XXII.

Существуетъ большая разница между спокойствіемъ и увѣренностью совѣсти. Спокойствіе пріобрѣтается только искреннимъ стремленіемъ къ истинѣ, и только истина сообщаетъ увѣренность.

Есть двѣ одинаково неизмѣнныя истины вѣры: одна — что человѣкъ, въ состояніи первобытнаго блаженства, или въ состояніи благодати, возвышенъ надъ всею природою, уподобляется Богу и становится способнымъ къ общенію съ Нимъ; другая — что, въ состояніи поврежденія и грѣха, онъ лишился своего прежняго состоянія и приравнялся животнымъ. Оба эти положенія одинаково тверды и вѣрны. Писаніе ясно возвѣщаетъ намъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: *Радость моя съ сынами человѣческими* (Притчи, VIII, 31). *Излію духа Моего на всякую плоть* (Іоиль, II, 28). *Боги есте* и т. д. (Псал., LXXXI, 6); въ другихъ оно говоритъ: *Всякая плоть трава* (Ис. XL, 6). *Но человѣкъ въ чести не пребудетъ; онъ уподобится животнымъ, которыя погибаютъ* (Пс. XLVIII, 13). *Сказалъ я въ сердцѣ Своемъ о сынахъ человѣческихъ, чтобы испыталъ ихъ Богъ и чтобы они видѣли, что они сами по себѣ животныя* (Екклез. III, 18).

XXIII.

Примѣры славной смерти лакедемонянъ мало насъ трогаютъ, ибо что можемъ мы извлечь изъ того? Смерть же мучениковъ насъ трогаетъ, потому что это наши члены [1]). У насъ есть общая связь съ ними: ихъ рѣшительность можетъ повліять на нашу не только своимъ примѣромъ, но тѣмъ что можетъ быть ею заслужена наша рѣшительность. Ничего такого нѣтъ для насъ въ примѣрахъ язычниковъ; общаго съ ними мы ничего не имѣемъ. Вѣдь не обогащаетъ же насъ богатство чужого, какъ богатство отца или мужа.

---

1) Посл. къ римл.: „Ибо, какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и то же дѣло: такъ мы многіе одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены“ XII, 4, 5.

Прим. Э. Гапэ.

XXIV.

Предсказано, что избранные не будутъ сознавать своихъ добродѣтелей, а осужденные своихъ грѣховъ: *Господи*, скажутъ тѣ и другіе, *когда мы видѣли Тебя алчущимъ?* и т. д. (Матѳ. XXV, 37, 44).

Іисусъ Христосъ не желалъ совсѣмъ, чтобы о Немъ свидѣтельствовали демоны или къ тому непризванные люди: свидѣтелями Своими Онъ называлъ Бога и Іоанна Крестителя.

XXV.

Сравненію прошедшихъ событій въ Церкви съ видимымъ въ ней теперь мѣшаетъ то обстоятельство, что обыкновенно смотрятъ на св. Аѳанасія и другихъ, какъ на увѣнчанныхъ ореоломъ славы. Теперь, когда время освѣтило вещи, это такъ и представляется. Но во времена гоненій этотъ великій святой былъ человѣкъ, по имени Аѳанасій, подобно прочимъ. *Илія былъ человѣкъ, подобно намъ*, говоритъ св. апостолъ Іаковъ (Іак. V, 17), и стало быть, столь же доступный страстямъ, какъ и мы [1]). Этими словами апостолъ хочетъ отнять у христіанъ то невѣрное мнѣніе, которое заставляетъ насъ отвергать примѣры святыхъ, какъ несоотвѣтствующіе нашему состоянію: то были святые, говоримъ мы, а не такіе, какъ мы.

XXVI.

Иные люди имѣютъ презрѣніе къ религіи; они ненавидятъ ее и боятся, что она истинна. Чтобы исцѣлить это зло, нужно начать съ указанія, что религія совсѣмъ не противорѣчитъ разуму; затѣмъ, что она достойна уваженія, и — внушать это уваженіе; что она заслуживаетъ любви, и — внушать желаніе найти ее истинной, а потомъ — показать, что она дѣйствительно истинна, достойна уваженія, потому что вполнѣ познала человѣка, и достойна любви, какъ обѣщающая истинное благо.

---

1) Т.-е. доступный, присущимъ людямъ, немощамъ.

Одно слово Давида или Моисея, какъ напримѣръ, что Богъ обрѣжетъ сердца (Второз. XXX, 6), позволяетъ намъ судить о ихъ духѣ. Если бы всѣ остальныя рѣчи ихъ были двусмысленны, если бы нельзя было съ увѣренностью сказать, слова ли это философовъ или христіанъ, то одно подобное слово опредѣляетъ всѣ остальныя, какъ одно слово Эпиктета рѣшаетъ противоположно смыслъ всего остального. Только до этого слова продолжается обоюдоостріе, но не далѣе.

(Не ужасно, если бы была ошибка въ признаніи христіанской религіи истинною; но какое несчастіе ошибиться, считая ее ложной!)

XXVII.

Условія, самыя удобныя для жизни свѣтской, самыя неудобныя для жизни въ Богѣ; и наоборотъ, по мнѣнію свѣта, нѣтъ ничего труднѣе религіозной жизни, а по Божьему, ничего нѣтъ легче этого. Всего легче, въ мірскомъ смыслѣ, занимать высокій постъ и обладать богатствомъ; нѣтъ ничего труднѣе, какъ жить въ такихъ условіяхъ по-Божьи, не привязываясь и не услаждаясь ими.

XXIII.

Ветхій Завѣтъ заключалъ въ себѣ прообразы будущаго радованія. Новый же Завѣтъ содержитъ средства къ его достиженію. Прообразы были о радости, средства же въ покаяніи; пасхальный агнецъ вкушался съ горькими травами (Исх. XII, 8) (въ знакъ того, что радость обрѣтается только горечью).

XXIX.

Слово *Галилея*, какъ бы случайно произнесенное толпою іудеевъ, обвинявшихъ Іисуса Христа передъ Пилатомъ (Лук. XXIII, 5), подало послѣднему поводъ послать Іисуса Христа къ Ироду, въ чемъ исполнилась тайна, что Ему надлежало быть судиму и іудеями и язычниками. Простая, повидимому, случайность была причиною исполненія тайны.

XXX.

Одно лицо сказало мнѣ однажды, что чувствовало большую радость и увѣренность, идя отъ исповѣди; другое — что оно оставалось въ страхѣ. По этому поводу я подумалъ, что изъ двухъ этихъ людей вышелъ бы одинъ хорошій человѣкъ, и что въ каждомъ изъ нихъ недоставало того, что чувствовалъ другой.

XXXI.

Пріятно быть на кораблѣ, выдерживающемъ бурю, когда увѣренъ, что онъ никогда не погибнетъ. Преслѣдованія, обращенныя противъ Церкви, походятъ на стихіи, обуревающія такой негибнущій корабль. Исторію Церкви слѣдуетъ собственно назвать *Исторіей истины*.

XXXII.

Такъ какъ грѣхи наши имѣютъ два источника, гордость и лѣность, Богъ открылъ намъ въ Себѣ два свойства для ихъ исцѣленія: Свое милосердіе и Свое правосудіе. Свойство правосудія смирять гордость, какъ бы ни святы были дѣла человѣка: *и не вниди въ судъ* [1]; милосердію же свойственно побѣждать лѣность, внушая добрыя дѣла, какъ сказано: *Благость Божія ведетъ тебя къ покаянію* (Рим. II, 4): *Покаемся, можетъ быть, Богъ умилосердится* (Іона III, 9). Такимъ образомъ, милосердіе Божіе далеко не оправдываетъ нерадѣнія, напротивъ, послѣднее всего болѣе противорѣчитъ этому свойству Божію, и вмѣсто того, чтобы говорить: если бы въ Богѣ совсѣмъ не было милосердія, нужно было бы употреблять всевозможныя усилія, чтобы жить добродѣтельно, слѣдуетъ сказать такъ: «Такъ какъ Богъ милосердъ, то нужно всячески стараться о добродѣтели».

XXXIII.

Все, что въ мірѣ, есть похоть плоти или похоть зрѣнія, или гордость жизни, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость*

---

1) Пс. CXLII, 2: *И не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый.*

житейская (I Іоан. II, 16). Несчастна земля проклятія, скорѣе опзляемая, чѣмъ орошаемая этими тремя огненными рѣками! Счастливы тѣ, которые среди этихъ потоковъ не погружаются въ нихъ, не даютъ имъ увлекать себя, но крѣпко держатся—не стоя, а сидя въ низкой и прочной ладьѣ, изъ которой они никогда не поднимаются до разсвѣта; но, мирно отдохнувъ въ ней, простираютъ руки къ имѣющему поднять ихъ, поставить на ноги и укрѣпить на ступеняхъ священнаго Іерусалима, гдѣ они уже безопасны отъ ударовъ и нападеній гордости. До тѣхъ же поръ они плачутъ не отъ сожалѣнія о гибели преходящихъ вещей, увлекаемыхъ потоками, но отъ воспоминанія о своей дорогой отчизнѣ, небесномъ Іерусалимѣ, о которомъ непрестанно воздыхаютъ въ своемъ продолжительномъ изъ него изгнаніи!

XXXIV.

Чудо, говорятъ, укрѣпило бы мое вѣрованіе. Говорятъ такъ, пока его не видятъ. Предѣлы, повидимому, ограничивающіе нашъ кругозоръ, если смотрѣть на нихъ издалека, не ограничиваютъ его болѣе, когда мы къ нимъ приблизимся, ибо отсюда открывается опять новый видъ. Ничто не останавливаетъ подвижности нашего ума. Говорятъ, что нѣтъ правила безъ исключенія, какъ нѣтъ столь общей истины, которая бы не представляла съ какой-нибудь стороны недостатка или неполноты. Достаточно не быть ей абсолютно всеобщей истиной, чтобы дать намъ поводъ приложить исключеніе именно къ настоящему случаю, и сказать: это не всегда вѣрно; стало быть, есть случаи, гдѣ этого не бываетъ. Остается потомъ лишь показать, что данный случай принадлежитъ сюда же; и нужно имѣть большую неудачу или быть очень неумѣлымъ, чтобы когда-нибудь не достигнуть этого.

XXXV.

Заповѣдь любви не есть заповѣдь символическая. Утверждать, будто Іисусъ Христосъ, пришедшій снять символы и замѣнить ихъ истиной, явился только ради установленія символа любви и устраненія существовавшей до Него дѣйствительности — это ужасно [1]).

---

[1]) Сказано противъ іезуитовъ, допускавшихъ, что для отпущенія грѣховъ достаточно одного внѣшняго пріобщенія св. Тайнъ безъ одновременнаго движенія *любви* причастника къ Богу. *Прим. Э. Гавэ.*

XXXVI.

Сколько, благодаря изобрѣтенію увеличительныхъ стеколъ, открыто нами новыхъ существъ, неизвѣстныхъ прежнимъ философамъ! По поводу упоминаемаго въ св. писаніи множества звѣздъ съ злорадствомъ восклицали: ихъ только тысяча двадцать двѣ, мы это знаемъ!

XXXVII.

Человѣкъ такъ созданъ, что если постоянно говорить ему, что онъ глупецъ, то онъ вѣритъ этому, какъ и въ томъ случаѣ, если самъ будетъ повторять себѣ это; ибо человѣкъ съ самимъ собою ведетъ внутреннюю бесѣду, которой упорядоченіе весьма важно: *Тлятъ обычаи блаи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). Нужно по возможности больше пребывать въ молчаніи и бесѣдовать только о Богѣ, который есть истина; и такимъ путемъ, наконецъ, самъ убѣдишься въ этомъ.

XXXVIII.

Какая разница между солдатомъ и монахомъ относительно послушанія? Вѣдь тотъ и другой одинаково обязаны повиноваться старшимъ и зависятъ отъ нихъ, и выполняютъ одинаково трудныя обязанности. Но солдатъ всегда надѣется стать начальникомъ, хотя никогда имъ не дѣлается; несмотря на то, онъ не теряетъ надежды и всегда стремится къ цѣли своихъ желаній. Монахъ въ то же время даетъ обѣтъ вѣчнаго повиновенія. Такимъ образомъ они не различаются по своей всегдашней служебной подчиненности, зато отличаются тѣмъ, что одинъ всегда надѣется, а другой никогда.

XXXIX.

Наша воля никогда бы не удовлетворялась, если бы имѣла власть надъ всѣмъ, чего захочетъ; но удовлетвореніе получается въ ту же минуту, стоитъ лишь отказаться отъ собственной воли. Имѣя ее, нельзя быть вполнѣ довольнымъ; безъ нея же можно быть только довольнымъ.

Истинная и единственная добродѣтель заключается въ самопрезрѣніи, такъ какъ мы достойны презрѣнія за свою чувственность, и — въ отысканіи истинно достойнаго предмета нашей любви. Но какъ мы не можемъ любить того, что внѣ насъ, приходится любить существо, которое въ насъ, но которое не мы. А таково только Единое Существо. Царство Божіе внутри насъ (Лука XVII, 21); всеобщее благо въ насъ самихъ, но не есть мы.

XL.

Суевѣренъ тотъ, кто возлагаетъ свою надежду на обрядности, и гордъ, надмененъ не желающій имъ подчиниться.

XLI.

Всѣ религіи и всѣ секты руководились природнымъ разсудкомъ. Одни христіане принуждены брать руководства извнѣ и согласоваться съ правилами, которыя Іисусъ Христосъ оставилъ нашимъ предкамъ для передачи намъ. Есть люди, тяготящіеся этимъ принужденіемъ. Они подобно другимъ народамъ, хотятъ слѣдовать своему воображенію. Напрасно мы взываемъ къ нимъ, какъ нѣкогда пророки взывали къ іудеямъ: *Идите въ среду Церкви; узнайте законы, оставленные ей предками, и идите по стезямъ ихъ.* Они же, подобно іудеямъ, отвѣчаютъ: *Мы не пойдемъ по нимъ; мы хотимъ слѣдовать помысламъ нашего сердца и быть подобно другимъ народамъ* [1]).

XLII.

Есть три средства увѣровать: разумъ, привычка и вдохновеніе. Христіанская религія, одна имѣющая разумъ, не признаетъ своими истинными чадами вѣрующихъ безъ вдохновенія; это не значитъ, что она исключаетъ разумъ и привычку — совершенно напротивъ: должно открывать свой умъ доказательствамъ, укрѣпляться въ нихъ привычкою; смиреніемъ и покорностью приготовить себя для вдохновеній, которыя только и могутъ имѣть истинное и спасительное вліяніе: *Да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. I, 17).

---

1) См. 1 кн. Царствъ VIII, 20.

XLIII.

Никогда зло не совершается полнѣе и радостнѣе, какъ вслѣдствіе ложнаго вывода совѣсти.

XLIV.

Іудеи, призванные къ покоренію народовъ и царей, сдѣлались рабами грѣха, а христіане, коихъ призваніе — подчиняться и служить, дѣлаются свободными сынами [1]).

XLV.

Можно ли назвать мужествомъ, если человѣкъ при послѣднемъ издыханіи вздумаетъ противиться всемогущему и вѣчному Богу?

XLVI.

Я охотно вѣрю событіямъ, какъ свидѣтели не убоялись пожертвовать жизнью.

XLVII.

Добрый страхъ происходитъ отъ вѣры, ложный — отъ сомнѣнія. Добрый страхъ приводитъ къ надеждѣ, такъ какъ порождается вѣрою, и присущъ человѣку, уповающему на Бога, въ котораго онъ вѣритъ; дурной же страхъ влечетъ за собой отчаяніе, ибо это страхъ передъ Богомъ невѣрующаго въ Него. Одни боятся не найти Бога, въ котораго вѣровали, другіе боятся найти Бога, котораго они отрицали.

XLVIII.

Всѣ язычники говорили о злѣ Израиля, и пророкъ также, но израильтяне далеко не имѣли бы права сказать ему: Ты говоришь,

---

1) См. Посл. къ римл. VI, 20; VIII, 14, 15 и слѣд.

какъ язычники, ибо надъ тѣмъ, что язычники говорятъ одинаково съ нимъ, онъ возвышается въ своей величайшей силѣ.

XLIX.

Богъ не желаетъ, чтобы мы вѣровали Ему безъ разсужденія и не налагаетъ на насъ никакой тиранiи, но онъ и не думаетъ также давать намъ отчетъ во всемъ. Чтобы согласовать эти противоположности, Онъ, путемъ убѣдительныхъ доказательствъ, желаетъ ясно обнаружить намъ свои божественные признаки, которые убѣдили бы насъ въ Его существованiи, и показать намъ свою силу въ чудесахъ и иныхъ неопровержимыхъ знаменiяхъ; такъ чтобы мы, не колеблясь, вѣрили вещамъ, Имъ намъ указуемымъ, разъ мы не найдемъ иной причины отрицать ихъ, какъ только потому, что сами не можемъ знать, существуютъ онѣ или нѣтъ.

L.

Есть только три разряда людей: одни, обрѣтшiе Бога и служащiе Ему, другiе, не нашедшiе Его, но стремящiеся къ тому, третьи тѣ, которые живутъ безъ Бога и не ищутъ Его. Первые разсудительны и счастливы, послѣднiе безумны и несчастны, средniе несчастны, но разумны.

LI.

Люди часто принимаютъ свое воображенiе за ощущенiя своего сердца и, лишь подумавъ объ обращенiи, уже считаютъ себя обратившимися.

Разумъ дѣйствуетъ медленно, руководствуется столькими соображенiями и принципами, которые должны быть всегда въ виду, что ежечасно утомляется и заблуждается, за неимѣнiемъ налицо всѣхъ этихъ принциповъ. Чувство же дѣйствуетъ иначе; оно работаетъ быстро и всегда готово къ дѣйствiю. Поэтому слѣдуетъ, чтобы вѣрою было исполнено наше сердце, иначе она будетъ постоянно колебаться.

LII.

Если Богъ существуетъ, то слѣдуетъ любить только Его, а не преходящую тварь. Разсужденіе нечестивыхъ въ книгѣ Премудрости [1]) основано только на предположеніи, что Бога не существуетъ. А если такъ, говорятъ они, то будемъ наслаждаться тварью: иного исхода быть не можетъ. Но если бы они знали, что есть Богъ, достойный любви, то пришли бы къ совершенно противоположному заключенію. А вотъ каково заключеніе мудрыхъ: если есть Богъ, то не будемъ наслаждаться тварью. Отсюда дурно все, что побуждаетъ насъ привязываться къ твари, ибо мѣшаетъ намъ — или служить Богу, если мы Его знаемъ, или искать Его, если мы Его не вѣдаемъ. А такъ какъ мы полны чувственности, то полны и зла, и, слѣдовательно, должны презирать самихъ себя и все, что возбуждаетъ въ насъ привязанность къ чему-либо иному, кромѣ одного Бога.

LIII.

Когда мы хотимъ думать о Богѣ, не является ли многое, отвращающее насъ отъ этого и уклоняющее наши мысли въ совершенно другую сторону? Все это — зло, родившееся вмѣстѣ съ нами.

LIV.

Неправда, будто мы достойны любви другихъ, и несправедливо намъ желать этого. Если бы мы родились разумными или равнодушными, съ познаніемъ самихъ себя и другихъ, мы бы совсѣмъ не имѣли этой склонности. Однако, мы родимся съ этой наклонностью, стало быть, родимся несправедливыми, ибо всецѣло преданы самимъ себѣ. Это противно всякому порядку, ибо истинный порядокъ требуетъ стремленія ко всеобщему благу. Самолюбіе служитъ началомъ

---

[1]) Прем. Солом. II, 1—9. По тексту этой главы, собственно, не видно, чтобы упоминаемые въ ней неправо умствующіе прямо отрицали существованіе Бога: они не вѣрятъ только въ безсмертіе души.

Прим. Э. Гаве.

всякаго безпорядка въ войнѣ, въ политическомъ устройствѣ, въ хозяйствѣ, въ отдѣльномъ человѣческомъ тѣлѣ и т. д. Слѣдовательно, воля наша испорчена.

Если члены естественныхъ и гражданскихъ общинъ стремятся ко благу цѣлаго, то общины въ свою очередь должны стремиться ко благу того болѣе общаго цѣлаго, котораго части онѣ составляютъ.

Слѣпъ не презирающій въ себѣ чувства самолюбія и того инстинкта, который заставляетъ служить себѣ, какъ Богу. Кто не согласится, что нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго справедливости и истинѣ? Ибо не вѣрно, что мы заслуживаемъ любви, и не только несправедливо, но и невозможно достигнуть этого, такъ какъ всѣ требуютъ того же самаго. Стало быть, это очевидная несправедливость, въ которой мы родились и отъ которой избавиться не можемъ, хотя и должны о томъ заботиться.

Однако ни одна религія (кромѣ христіанской) не замѣтила ни этого грѣха, ни того, что мы родились въ немъ и должны бороться съ нимъ, и ни одна не подумала дать человѣку средства для этой борьбы.

LV.

Въ человѣкѣ происходитъ вѣчная внутренняя борьба между разсудкомъ и страстями. Онъ могъ бы наслаждаться нѣкоторымъ миромъ, если бы у него былъ только разсудокъ безъ страстей... или одни страсти безъ разсудка. Но, разъ въ немъ есть то и другое, онъ не можетъ быть безъ борьбы, не имѣя возможности быть въ мирѣ съ однимъ, не воюя въ то же время съ другимъ. Такимъ образомъ человѣкъ всегда разъединенъ и въ противорѣчіи съ самимъ собою.

Если неестественно слѣпъ человѣкъ, живущій безъ всякаго желанія познать самого себя, то просто страшна слѣпота человѣка, живущаго дурно и притомъ вѣрующаго въ Бога.

LVI.

Несомнѣнно, что душа или смертна, или безсмертна. То или другое опредѣленіе имѣетъ рѣшающее значеніе на нравственность

тѣмъ не менѣе, философы устанавливали мораль независимо отъ этого.

Какъ бы красива ни была комедія въ остальныхъ частяхъ, послѣдній актъ всегда бываетъ кровавымъ. Набросаютъ земли на голову — и конецъ навѣки!

LVII.

Богъ, сотворивъ небо и землю, не сознающія счастія своего бытія, хотѣлъ создать существа, которыя бы познали Его и составили одно тѣло чувствующихъ и сознательныхъ членовъ. Наши члены совсѣмъ не сознаютъ своей связи, удивительнаго между собою отношенія, заботъ, прилагаемыхъ природою, чтобы вложить въ нихъ силы, дать имъ ростъ и жизнь. Какъ бы они были счастливы, если бъ сознавали это и видѣли! Но для этого имъ необходимо имѣть сознаніе своего назначенія и добрую волю, чтобы согласовать ее съ волею всемірной души. Если бы, получивъ сознаніе, они удерживали получаемое ими питаніе только для себя самихъ, не передавая его другимъ членамъ, они оказались бы не только несправедливыми, но и жалкими, доказали бы этимъ не любовь, а ненависть къ самимъ себѣ: ибо не только благополучіе, но и долгъ ихъ состоитъ въ согласованіи себя съ волею и дѣйствіями цѣлой души, которая любитъ ихъ больше, чѣмъ они сами.

LVIII.

Быть членомъ значитъ жить и двигаться только въ духѣ цѣлаго и для цѣлаго. Отдѣлившійся членъ, не видящій болѣе тѣла, къ которому принадлежитъ, живетъ недолго и погибаетъ.

Однако, онъ думаетъ, что составляетъ цѣлое, и, не видя тѣла, отъ котораго зависитъ, полагаетъ, что зависитъ только отъ себя и самъ составляетъ свое средоточіе и свое цѣлое. Но, не имѣя въ себѣ жизненнаго начала, онъ лишь заблуждается и дивится непрочности своего существа, чувствуя, что самъ не составляетъ цѣлаго, и не видя въ то же время, что онъ членъ какого-то цѣлаго. Наконецъ, когда ему удается познать себя, онъ какъ бы возвращается къ себѣ домой и любитъ уже себя только какъ часть цѣлаго, сожалѣетъ о своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ.

По своей природѣ онъ не могъ бы любить постороннюю вещь, какъ только ради самого себя, ради своей пользы, ибо все любитъ себя больше, чѣмъ остальное. Но, любя тѣло, членъ любитъ самого себя, ибо только въ немъ, имъ и для него существуетъ: *Прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. VI, 17).

Тѣло любитъ руку; и рука, если бы имѣла волю, должна была бы любить себя такъ, какъ любитъ ее душа: всякая любовь къ себѣ, бо̀льшая такой любви, — несправедлива. *Прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ.* Любятъ себя какъ члена Іисуса Христа. Любятъ Іисуса Христа какъ тѣло, коего часть составляютъ. Все едино, какъ едины лица св. Троицы.

Любить нужно только Бога, а презирать только себя.

Если бы нога никогда не знала, что принадлежитъ къ тѣлу и что есть тѣло, отъ котораго она зависитъ; если бы она знала и любила только себя, а потомъ узнала, что принадлежитъ тѣлу, отъ котораго и зависитъ, какъ сожалѣла бы, какъ смущалась бы она своею прежнею жизнью, — что была безполезна для тѣла, сообщавшаго ей свою жизнь. Какъ жалко погибла бы она, если бы тѣло отвергло и отлучило ее, какъ она сама отъ него отлучалась. Какъ горячо молила бы она не отвергать ея! Какъ смиренно подчинялась бы волѣ, управляющей тѣломъ, даже до согласія быть отрѣзанной, если нужно! Да, иначе, она потеряла бы свое значеніе, какъ члена, ибо всякій членъ необходимо долженъ быть готовъ умереть ради тѣла — единственной цѣли всего.

Чтобы члены были счастливы, они должны имѣть волю, согласную съ волею тѣла.

Чувственность и сила суть источники всѣхъ нашихъ чисто человѣческихъ дѣйствій: чувственность вызываетъ дѣйствія произвольныя, сила — невольныя.

LIX.

Платоники, даже Эпиктетъ и его послѣдователи, вѣрятъ, что одинъ Богъ достоинъ любви и удивленія; однако, и они желали, чтобъ люди любили ихъ и удивлялись имъ послѣдователи, и они, стало-быть, не знаютъ о растлѣніи и немощности своей природы. Если они считаютъ себя исполненными чувства любви и готовности поклониться Ему и въ этомъ находятъ свое главное благо, то пусть ихъ въ добрый часъ.

Но если они чувствуютъ нерасположеніе къ этому, склонны только къ желанію быть самимъ въ почетѣ у людей и, вмѣсто всякаго совершенствованія, не принуждая людей, будутъ стараться внушать имъ, что благо ихъ въ любви къ нимъ, я назову такое совершенство ужаснымъ. Какъ! они знали Бога и не пожелали, чтобы люди любили только Его, а не ихъ самихъ почитали; захотѣли стать произвольнымъ предметомъ людского счастія!

LX.

Правда, не легко вступать на путь благочестія. Но эта трудность происходитъ не отъ начинающаго образоваться въ насъ благочестія, а отъ неоставляющаго еще насъ нечестія. Если бы наши чувства не противились покаянію и наша грѣховность не противорѣчила чистотѣ Божіей, то благочестивая жизнь не представляла бы никакихъ для насъ трудностей. Мы страдаемъ лишь по силѣ сопротивленія высшей благодати прирожденнаго намъ порока. Сердце наше разрывается въ этихъ противоположныхъ усиліяхъ. Но было бы несправедливо это насиліе ставить въ вину Богу, привлекающему насъ, вмѣсто того, чтобы приписать его міру, который насъ удерживаетъ. Это подобно ребенку, котораго мать вырываетъ изъ руки хищниковъ; онъ долженъ любить въ испытываемой боли любовное и законное насиліе матери, старающейся освободить его, и ненавидѣть только грубое и тиранническое насиліе неправо удерживающихъ его. Самая жестокая борьба, какую Богъ могъ бы послать людямъ въ этой жизни, была бы тогда, если бы Онъ оставилъ ихъ безъ этой борьбы, которую принесъ съ Собою. *Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ,* говоритъ Онъ и чтобы указать эту борьбу: *Огонь пришелъ Я низвесть на землю* (Матѳ. X, 34; Луки XII, 49). До Него свѣтъ пользовался ложнымъ миромъ.

LXI.

Богъ смотритъ только на внутренняго человѣка; Церковь судитъ только по внѣшности. Богъ разрѣшаетъ отъ грѣха, какъ только видитъ раскаяніе въ сердцѣ; Церковь — когда видитъ раскаяніе въ дѣлахъ. Богъ создастъ Церковь чистую внутренно; своею внутреннею и вполнѣ духовною чистотою она смутитъ внутреннее нечестіе

надменныхъ мудрецовъ и фарисеевъ. Церковь создастъ собраніе людей, коихъ нравы настолько чисты съ внѣшней стороны, что приведутъ въ смущеніе нравы язычниковъ. Если есть столь искусно замаскированные лицемѣры, что Церковь не въ состояніи открыть въ нихъ сердечную злобу ихъ, то она терпитъ ихъ, ибо если они еще и не приняты Богомъ, котораго обмануть они не могутъ, то приняты людьми, коихъ они обманываютъ. Такимъ образомъ, она не обезчещевается ихъ поведеніемъ, такъ какъ оно повидимому свято.

Но вы[1]) хотите, чтобы Церковь не судила ни по внутреннему человѣку, судить коего можетъ только Богъ, ни по внѣшнему, такъ какъ Богъ взираетъ лишь на душу, и такимъ образомъ, отнимая у нея всякое право выбора, вы удерживаете въ Церкви самыхъ распутныхъ людей, безчестящихъ ее въ такой степени, что ни еврейскія синагоги, ни философскія секты не потерпѣли бы ихъ въ своей средѣ какъ недостойныхъ, а презирали бы какъ нечестивыхъ.

LXII.

Законъ не разрушилъ природы, а просвѣтилъ ее: благодать не разрушила закона, но заставила его дѣйствовать.

Изъ самой истины дѣлаютъ себѣ кумиръ, потому что истина безъ любви не есть Богъ: она — образъ Его и не должна быть, подобно кумиру, любима и поклоняема; тѣмъ менѣе допустимо любить и поклоняться противному ей, т.-е. лжи.

LXIII.

Всѣ крупныя увеселенія опасны для христіанской жизни; но между всѣми развлеченіями, изобрѣтенными свѣтомъ, нѣтъ ничего опаснѣе театральныхъ представленій. Это такое натуральное и изящное изображеніе страстей, что порождаетъ и возбуждаетъ ихъ и въ нащемъ сердцѣ, въ особенности любовную страсть, и главнымъ образомъ когда изображаютъ ее вполнѣ цѣломудренною и честною. Ибо чѣмъ невиннѣе она представляется невиннымъ душамъ, тѣмъ способнѣе онѣ трогаться ею. Сила ея нравится нашему самолюбію,

---

[1]) Тутъ Паскаль обращается къ іезуитамъ.

которое тотчасъ получаетъ желаніе воспроизвести столь хорошо представленное на сценѣ; въ то же время совѣсть убаюкивается честностью созерцаемыхъ чувствъ, страхъ чистыхъ душъ пропадаетъ; онѣ начинаютъ воображать, что не значитъ оскорблять чистоту, любя такою кажущеюся имъ мудрою любовью. И вотъ изъ театра выходятъ съ сердцемъ столь переполненнымъ всевозможными красотами и прелестями любви, съ душею и умомъ, такъ увѣренными въ ея невинности, что является полная готовность получать первыя впечатлѣнія любви, или скорѣе — искать случая произвести ихъ на чье-нибудь сердце, чтобы получить тѣ же самыя удовольствія и такія же жертвы, которыя видѣли столь прекрасно изображенными въ комедіи.

LXIV.

Распущенность взглядовъ такъ нравится людямъ, что страннымъ становится, какъ могутъ не нравиться ихъ (іезуитовъ) мнѣнія. Это потому, что они превзошли всякую мѣру. Мало того, есть много людей, видящихъ правду, но не могущихъ достичь ея. Зато мало такихъ, которые бы не знали, что чистота религіи противорѣчитъ нашему растлѣнію. Смѣшно сказать, будто вѣчная награда ожидаетъ двуличныя души.

LXV.

Я боюсь, не дурно ли я написалъ, что меня проклинаютъ; но примѣръ столькихъ благочестивыхъ писаній заставляетъ меня вѣрить противному. Хорошо писать больше непозволено, — такъ испорчена или невѣжественна инквизиція.

Лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Я ничего не боюсь, ни на что не надѣюсь; другое дѣло епископы. Поръ-Рояль боится, да и не политично разлучать ихъ: они перестанутъ бояться и сдѣлаются болѣе опасными [1]).

Молчаніе самое сильное гоненіе. Никогда святые не умолкали. Конечно, для этого нужно призваніе, но призванія этого не приходится ждать отъ рѣшеній совѣта: говорить заставляетъ необходимость.

---

[1]) Здѣсь разумѣются члены Поръ-Рояля, гонимые іезуитами и папствомъ.

Если мои *Письма* осуждены въ Римѣ — я осуждаю въ нихъ то, что осуждено на Небѣ.

Инквизиція и Общество (іезуитовъ) — два бича истины.

LXVI.

Природа имѣетъ совершенства, свидѣтельствующія, что она образъ Божій, и имѣетъ недостатки въ доказательство того, что она не болѣе какъ образъ.

LXVII.

Люди столь необходимо безумны, что значило бы еще разъ сойти съ ума, чтобы не быть безумнымъ.

LXVIII.

Рвеніе святыхъ въ исканіи и дѣланіи добра было безполезно, если ученіе о пробабилизмѣ считать вѣрнымъ.

LXIX.

Чтобы сдѣлать изъ человѣка святого, необходима благодать; сомнѣвающійся въ томъ не имѣетъ понятія ни о святости, ни о человѣкѣ.

LXX.

Желаютъ спокойствія совѣсти и ради этого хотятъ, чтобы папа былъ непогрѣшимъ въ вопросахъ вѣры, а ученые доктора — въ своихъ нравахъ.

LXXI.

О томъ, что̀ такое папа, нельзя судить по нѣкоторымъ словамъ отцовъ, какъ говорили это греки на одномъ соборѣ (важное правило!), но по дѣйствіямъ Церкви и отцовъ, и по канонамъ.

LXXII.

Папа — первый. Кто другой извѣстенъ всѣмъ? Кто другой признанъ всѣми за имѣющаго власть управлять умомъ всего

тѣла [1]), такъ какъ онъ держитъ втирающуюся всюду главную вѣтвь [2]).

LXXIII.

Еретично объяснять *omnes* всегда въ смыслѣ *всѣ* и еретично не объяснять его иногда въ смыслѣ *всѣ*. *Bibite ex hoc omnes* [3]): гугеноты еретики, потому что переводятъ *omnes* словомъ всѣ. *In quo omnes peccaverunt* [4]): гугеноты еретики, потому что исключаютъ дѣтей вѣрныхъ. Необходимо, стало-быть, слѣдовать отцамъ и преданію, чтобы знать, когда и какъ объяснять *omnes*, ибо можно опасаться ереси и съ той и съ другой стороны.

LXXIV.

Малѣйшее движеніе вліяетъ на всю природу: одинъ камень производитъ измѣненіе въ цѣломъ морѣ. Такъ и въ благодати: малѣйшее дѣйствіе вліяетъ на все остальное. Стало-быть, все важно.

LXXV.

Всѣ люди отъ природы ненавидятъ другъ друга. Пользовались, какъ умѣли, чувственностью для общественнаго блага. Но это лишь притворство, ложное подобіе любви къ ближнему, ибо въ сущности это тоже ненависть. Это злое начало въ человѣкѣ, *figmentum malum* [5]), только прикрыто, а не устранено.

LXXVI.

Если хотятъ сказать, что человѣкъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы входить въ общеніе съ Богомъ, то нужно быть очень великимъ, чтобы имѣть возможность судить о томъ.

---

1) Т.-е. всей Церкви.

2) Подразумѣвается орденъ Іисуса.

3) „*Пійте отъ нея вси*“ Матѳ. XXVI, 27.

4) „*Въ немъ же вси согрѣшиша*“. Римл. V, 12.

5) Ср. Псал. CII, 14. „*Яко позна созданіе наше, помяну яко персть есмы*“.

LXXVII.

Если смотрѣть на Церковь какъ на единицу, то любой папа, глава ея, есть какъ бы все. Если считать ее за множественность, то папа не больше какъ часть ея. Множественность, не восходящая въ единство, есть безпорядокъ; единство, не зависящее отъ множественности, есть тиранія.

LXXVIII.

Богъ не творитъ чудесъ въ обыкновенномъ ходѣ Своей Церкви. Было бы страннымъ чудомъ, если бы непогрѣшимость была въ одномъ, но во множественности она была бы такъ же естественна, какъ тайное присутствіе Божіе въ природѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ твореніяхъ Его.

LXXIX.

Изъ того, что христіанская религія не единственная на свѣтѣ, далеко не слѣдуетъ, чтобы она не была истинною; напротивъ, это-то и заставляетъ вѣрить въ ея истинность.

LXXX.

Писаніе есть наука не ума, а сердца. Оно понятно только для чистыхъ сердцемъ. Завѣса, прикрывающая Писаніе для іудеевъ, имѣетъ силу и въ отношеніи христіанъ. Любовь не только главный предметъ священныхъ книгъ, но и дверь въ нихъ.

LXXXI.

Если бы всѣ дѣйствія наши имѣли въ виду только несомнѣнное, тогда, пожалуй, ничего не слѣдовало бы дѣлать и въ отношеніи религіи, не имѣющей въ себѣ несомнѣнности. Но чего только не предпринимается въ цѣляхъ, вполнѣ проблематичныхъ! Таковы морскія путешествія, битвы. По-моему, совсѣмъ ничего не слѣдовало бы дѣлать, потому что увѣренности нѣтъ ни въ чемъ, и въ религіи больше несомнѣнности, чѣмъ въ надеждѣ, что мы увидимъ завтрашній день;

увѣренности, что мы доживемъ до завтрашняго дня, не существуетъ, зато очень возможно, что мы его не увидимъ. Нельзя того же сказать о религіи. Къ вещамъ несомнѣннымъ ея отнести нельзя. Но кто осмѣлится сказать, что ея навѣрное не существуетъ? А обыкновенно считаютъ, что поступаютъ разумно, работая для завтрашняго дня и ради возможнаго.

LXXXII.

Изобрѣтенія людей изъ столѣтія въ столѣтіе идутъ впередъ. То же можно сказать о добродѣтели и злѣ міра вообще.

LXXXIII.

Нужно имѣть заднюю мысль и по ней судить обо всемъ, говоря при этомъ одинаково съ народомъ.

LXXXIV.

Сила—царица міра, а не мнѣніе; но мнѣніемъ признается только то, что употребляетъ силу.

LXXXV.

Случай даетъ мысли, случай ихъ отнимаетъ; ни сохранять, ни пріобрѣтать искусствомъ ихъ нельзя.

LXXXVI.

Слушаются только уха, за неимѣніемъ сердца [1]).

LXXXVII.

Дѣти боятся намыленнаго ими лица, потому что они дѣти; но какъ сдѣлать, чтобы столь слабое въ дѣтскомъ возрастѣ укрѣпилось съ годами? Мѣняютъ только слабость [2]).

---

[1]) Эта фраза взята изъ замѣтокъ автора къ Провинціальнымъ Письмамъ. Вѣроятно, слова эти были вызваны какимъ-нибудь замѣчаніемъ іезуитовъ, которымъ не нравился слогъ какого-нибудь мѣста писемъ.

[2]) Въ изданіи Гавэ слово *faiblesse* замѣнено словомъ *fantaisie*.

Перев.

LXXXVIII.

Одинаково непостижимо какъ бытіе Бога, такъ и Его небытіе; — пребываніе или отсутствіе души въ тѣлѣ; — сотворенъ ли міръ или не сотворенъ; — существуетъ природный грѣхъ или не существуетъ?

LXXXIX.

Невѣрующіе оказываются самыми легковѣрными. Они вѣрятъ въ чудеса Веспасіана, чтобы не вѣрить чудесамъ Моисея [1]).

XC.

Вѣра есть даръ Божій. Не думайте, что мы считаемъ ее даромъ разсудка. Другія религіи не говорятъ этого о своей вѣрѣ; чтобы получить вѣру, которая все-таки не дается имъ, они не знаютъ иного средства, кромѣ разсужденій.

Богъ обратилъ чувственность іудеевъ на службу дѣлу Іисуса Христа.

XCI.

Авраамъ ничего не проситъ для себя, но только для своихъ слугъ [2]); такъ праведный ничѣмъ не пользуется въ мірѣ ради себя, но только ради страстей своихъ, надъ которыми господствуетъ говоря: пойди и прійди [3]). *Sub te erit appetitus tuus* [4]).

Страсти, такимъ образомъ управляемыя, дѣлаются добродѣтелями. Необходимо только пользоваться страстями, какъ рабами, и, давая имъ пищу, препятствовать душѣ отвѣдывать ея, потому что страсти,

---

[1]) О томъ, что Веспасіанъ, находясь въ Александріи, исцѣлилъ будто бы своею слюной слѣпого и другого, разбитаго параличемъ, разсказываетъ Тацитъ (Ист. IV, 81). См. также Светонія и Флавія.

[2]) См. Быт. XIV, 24.

[3]) См. Матѳ. VIII, 9, слова сотника.

[4]) *Да будутъ вожделѣнія твои покорны тебѣ.* Таковы, приблизительно, слова Бога къ Каину. См. Быт. IV, 7.

беря верхъ, дѣлаются пороками и тогда даютъ свою пищу душѣ; душа же, питаясь ею, отравляется.

XCII.

Наша религія и мудра, и безумна. Мудра потому, что она самая свѣдущая и самая обоснованная путемъ чудесъ, пророчествъ и т. д. Безумна потому, что совсѣмъ не этимъ всѣмъ руководствуется вѣрующій. Хотя этого достаточно для осужденія невѣрующихъ, но не то заставляетъ вѣрить вѣрующихъ. Вѣрить заставляетъ ихъ крестъ: *Да не упразднится крестъ Христовъ* [1]). Потому-то апостолъ Павелъ, пришедшій въ превосходствѣ слова и мудрости, говоритъ, что онъ пришелъ не въ превосходствѣ слова и мудрости, ибо пришелъ проповѣдывать [2]). Приходящіе же съ цѣлью убѣждать могутъ говорить, что пришли въ мудрости и словѣ [3]).

XCIII.

Fascinatio nugacitatis. Чтобы страсть не вредила, будемъ поступать такъ, какъ будто жить намъ остается только одну недѣлю.

XCIV.

Изо всего, что есть на землѣ, истинный христіанинъ принимаетъ участіе только въ огорченіяхъ, а не въ радостяхъ; онъ любитъ своихъ ближнихъ, но любовь свою не ограничиваетъ этими предѣлами, а простираетъ ее на своихъ враговъ и затѣмъ на враговъ Бога.

---

1) I Коринѳ. I, 17. Ср. выше 41.

2) Въ подлинникѣ *convertir* — обращать, но мы перевели словомъ *проповѣдывать*, придерживаясь текста относящагося сюда мѣста (I, 21, 23). Посл. къ Коринѳ. гдѣ сказано: „благоугодно было Богу безуміемъ *проповѣди* спасти вѣрующихъ... А мы проповѣдуемъ Христа распятаго. *Перев.*

3) „Іудеи требуютъ чудесъ, и еллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа, распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе. Для самихъ же призванныхъ іудеевъ и еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость“ (I Кор. 22—24). Выраженіе „въ превосходствѣ слова и мудрости“ заимствовано изъ I стиха 2 главы того же Посланія. Вообще, весь этотъ параграфъ основанъ на смыслѣ 1 и 2 главы упомянутаго Посланія ап. Павла. *Перев.*

СТАТЬЯ XXIII.

Размышленія о Тайнѣ Христовой.

I.

Іисусъ Христосъ переноситъ въ Своихъ страстяхъ муки, причиняемыя Ему людьми, но въ смертной борьбѣ страждетъ муками, Самимъ на Себя наложенными: *возмутися Самъ* [1]). Эта казнь уже не отъ руки человѣческой, но отъ руки всемогущей, и только всемогущимъ Существомъ переносимая.

Іисусъ Христосъ ищетъ нѣкотораго утѣшенія по крайней мѣрѣ у троихъ наиболѣе близкихъ друзей Своихъ, но тѣ спятъ. Онъ проситъ ихъ пободрствовать съ Нимъ нѣсколько времени, но тѣ съ полнымъ небреженіемъ покидаютъ Его; въ нихъ такъ мало сострадания, что оно даже не въ силахъ отогнать ихъ сонъ и на минуту. Такимъ образомъ Іисусъ вполнѣ одинокимъ былъ предоставленъ гнѣву Божію.

Іисусъ одинокъ на землѣ, которая не только не сочувствуетъ и не раздѣляетъ Его страданій, но даже ихъ не вѣдаетъ: вѣдомо это лишь Небу и Ему Самому.

Іисусъ въ саду, но не въ томъ саду, исполненномъ всяческихъ утѣхъ, гдѣ первый Адамъ погубилъ себя и все человѣчество, а въ саду мученій, гдѣ спасенъ былъ онъ и съ нимъ весь человѣческій родъ.

Эти муки и это небреженіе Онъ переноситъ въ страшный часъ ночи.

Я полагаю, что Іисусъ жаловался только въ этотъ единственный разъ, но и тутъ Онъ жалуется какъ бы не будучи въ состояніи вмѣстить въ Себѣ Свою крайнюю скорбь: *Душа Моя скорбитъ смертельно* [2]).

Іисусъ ищетъ общества и облегченія со стороны людей. Мнѣ кажется, это единственный случай во всей его жизни. Но Онъ не получаетъ ни того, ни другого, ибо ученики Его спятъ.

---

[1]) Евангг. Іоанна XI, 33.

[2]) Матѳ. XXVI, 38; Марка XIV, 34.

Іисусъ, среди этого всеобщаго равнодушія, когда даже избранные друзья отказались пободрствовать съ Нимъ, найдя ихъ спящими, огорчается въ виду опасности, которой они подвергаютъ не Его, а самихъ себя [1]). Онъ предупреждаетъ ихъ относительно ихъ собственнаго спасенія и ихъ пользы; обнаруживаетъ въ этомъ сердечную нѣжность къ нимъ, несмотря на ихъ неблагодарность, и предваряетъ, что духъ бодръ, а плоть немощна.

Находя ихъ еще спящими, отъ чего не могло удержать ихъ опасеніе ни за Него, ни за себя, Іисусъ не будитъ ихъ, съ любовью предоставляя имъ покоиться.

Іисусъ просилъ людей, но не былъ ими услышанъ.

Іисусъ, пока ученики Его спали, совершилъ ихъ спасеніе. Онъ совершилъ спасеніе каждаго изъ вѣрныхъ, пока они спали, и въ небытіи, до ихъ рожденія, и во грѣхахъ послѣ рожденія.

Слова «да мимо идетъ отъ Меня чаша сія» Онъ произноситъ одинъ разъ и то съ покорностью, но два раза молится о ниспосланіи Ему этой чаши, если на то есть воля Отца.

Въ Іудѣ Христосъ видитъ не вражду его, а орудіе Бога, котораго любитъ и... такъ какъ называетъ его другомъ [2]).

Іисусъ оставляетъ среду Своихъ учениковъ, чтобы предаться смертной тоскѣ; въ подражаніе ему слѣдуетъ покидать самыхъ близкихъ друзей и присныхъ нашихъ.

Въ виду предсмертныхъ и величайшихъ мукъ Іисуса продлимъ и усугубимъ нашу молитву [3]).

II [4]).

Утѣшься: ты не сталъ бы искать Меня, если бы уже не обрѣлъ Меня.

Я думалъ о тебѣ въ Своихъ предсмертныхъ мукахъ; Я пролилъ за тебя кровь Мою.

---

[1]) Опасности искушенія. См. Матѳ. XXVI, 41; Марка XIV, 38 и Луки XXII, 46. *Перев.*

[2]) Пропущено слово которое нельзя разобрать въ рукописи (вѣроятно: „апостола“).

[3]) *„И бывъ въ подвизѣ, прилѣжнѣе молящеся“* (Луки XXII, 44).

[4]) Здѣсь Паскаль какъ бы дѣлаетъ остановку и переходитъ отъ размышленія къ проповѣди.

Ты не столько испытываешь себя, сколько искушаешь Меня, думая, въ состояніи ли будешь совершить такой-то и такой-то подвигъ: когда онъ совершится, то совершителемъ его буду Я.

Руководствуйся Моими правилами; посмотри, какъ управляла рука Моя въ жизни Дѣвы и апостоловъ, предавшихся Моей волѣ.

Отецъ любитъ все, что Я творю.

Хочешь ли ты, чтобы Я продолжалъ потѣть кровавымъ потомъ Своей человѣческой природы, когда и слезъ не даешь Мнѣ?

Мое дѣло обратить тебя на путь спасенія: не бойся ничего и молись съ упованіемъ.

Я предстою тебѣ въ Писаніи Своимъ словомъ, въ Церкви Своимъ духомъ и ученіемъ; въ священникахъ Своею властью, въ вѣрныхъ молитвою.

Врачи не принесутъ тебѣ исцѣленія, ибо смерть для тебя неминуема. Мною же получается исцѣленіе и безсмертіе тѣла [1]).

Неси тѣлесныя узы и рабство; въ настоящее время Я избавляю тебя только отъ рабства духовнаго.

Я наилучшій изъ друзей твоихъ, ибо больше всѣхъ ихъ сдѣлалъ для тебя. Они не стали бы страдать такъ, какъ пострадалъ отъ тебя Я, и за тебя, невѣрнаго, жестокаго, не умерли бы, какъ сдѣлалъ это Я и какъ всегда готовъ сдѣлать и дѣлаю для Своихъ избранныхъ.

Если бы вѣдомы были тебѣ грѣхи твои, не вынесло бы этого твое сердце. — О, Господи! я готовъ потерять свое сердце, ибо вѣрю въ злобу грѣховъ моихъ по словамъ Твоимъ.

Нѣтъ, ибо Я, показавшій тебѣ грѣхъ твой, могу исцѣлить тебя и говорю тебѣ то въ знакъ моего желанія помочь тебѣ. По мѣрѣ твоего раскаянія во грѣхахъ, ты познаешь ихъ, и тебѣ будетъ сказано: вотъ возвращены тебѣ грѣхи твои. Раскаявайся же въ своихъ скрытыхъ грѣхахъ и въ видимой злобѣ грѣховъ, тебѣ извѣстныхъ.

— Господи, все предаю Тебѣ.

— Я люблю тебя больше, чѣмъ ты любишь свою скверну. Ut immundus pro luto [2]) Мнѣ приличествуетъ слава (твоего спасенія), а не тебѣ, червь земной.

---

[1]) См. I Коринѳ. XV, 53: „*Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе*“.

[2]) „Какъ человѣкъ нечистый любитъ свою нечистоту“. Неизвѣстно, откуда заимствовано Паскалемъ это выраженіе, но его нѣтъ въ Писаніи.

Прим. Э. Гавв.

Вопрошай своего духовного отца, когда Мои собственныя слова даютъ тебѣ поводъ ко злу, тщеславію или любопытству.

III.

Я вижу всю бездну моей гордости, любопытства, чувственности. Никакой правды нѣтъ въ моихъ отношеніяхъ къ Богу, ни къ Іисусу Христу. Но, незнавшій грѣха, Онъ сдѣланъ для насъ жертвою за грѣхъ [1]); всѣ бичи Твои пали на Него [2]). Онъ приниженъ больше меня, но не только не отвращается отъ меня, а еще удостоиваетъ меня обращеніемъ къ моей помощи [3]).

Но Онъ исцѣлился отъ незаслуженныхъ язвъ Своихъ и исцѣлитъ мои язвы, справедливо мною заслуженныя. Къ Его язвамъ мнѣ надлежитъ приложить свои и присоединиться къ Его страданіямъ: спасая Себя, Онъ спасаетъ и меня.

Но не дерзнемъ наносить Ему въ будущемъ новыя раны.

IV.

Утѣшьтесь: не отъ себя вамъ нужно ждать спасенія; напротивъ, вы должны ждать его, ничего не ожидая отъ себя.

V.

Іисусъ Христосъ умеръ, но видимъ на крестѣ. Онъ умеръ и скрытъ во гробѣ.

Іисуса погребали только святые.

Іисусъ не совершилъ никакого чуда у гроба.

Входятъ въ него также одни святые.

Во гробѣ Іисусъ принимаетъ новую жизнь, а не на крестѣ. Это послѣдняя тайна страданій и искупленія.

Іисусу Христу негдѣ было на землѣ приклонить главу, какъ только во гробѣ.

Враги Его прекратили свои преслѣдованія только у Его гроба.

---

1) II Коринѳ. V, 21.

2) Онъ обращается къ Богу.

3) Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду то мѣсто еванг. отъ Матѳея (XXVI, 38), гдѣ Спаситель проситъ учениковъ пободрствовать съ Нимъ: *„подождите здѣ и бдите со Мною“*. *Перев.*

VI.

Я часто бесѣдую съ тобою, когда не можетъ говорить съ тобою твой духовникъ, ибо я не хочу, чтобы ты былъ лишенъ назиданія. И можетъ быть Я дѣлаю это по его молитвамъ, такъ что онъ невидимо руководитъ тобою. Ты бы не искалъ Меня, если бы Я не былъ въ тебѣ; успокойся же.

VII.

Сравнивай себя не съ другими, а со Мною. Когда не находишь Меня въ тѣхъ, съ которыми себя сравниваешь, значитъ сравниваешь себя съ гнусными. Если же находишь, то сравнивай. Но кого ты будешь сравнивать? Себя ли самого или Меня въ себѣ? Если себя, то это такая же скверна. Если Меня, то сравниваешь Меня со Мною же. Такъ Я Богъ во всемъ.

VIII.

Мнѣ кажется, что Іисусъ Христосъ по воскресеніи позволялъ прикасаться только къ Своимъ ранамъ. *Не прикасайся мнѣ* (Іоан. XX, 17). Намъ подобаетъ только сострадать Ему.

IX.

....Пріобщаться Себѣ Онъ допустилъ какъ смертный на Тайной Вечери, какъ воскресшій — ученикамъ въ Эммаусѣ, какъ восшедшій на небо — всей Церкви.

X.

„Молитеся, да не внидите въ напасть“ (Луки XXII, 46). Впасть въ искушеніе опасно; и если кто впадаетъ въ него, то потому что не молится.

И ты нѣкогда обращся утверди братію твою [1]). Но предварительно, *обращся Господь, воззрѣ на Петра* [2]).

---

1) Луки XXII, 32.

2) Тамъ же 61, 62. „Тогда Господь, обратясь, взглянулъ на Петра; и Петръ вспомнилъ Господа, какъ Онъ сказалъ ему: прежде чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, отречешься отъ

Св. Петръ проситъ позволенія ударить Малха и ударяетъ, не выслушавъ отвѣта; Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ потомъ [1]).

XI.

Іисусъ Христосъ не хотѣлъ быть убитымъ безъ соблюденія формъ правосудія, ибо гораздо постыднѣе умирать по правосудію, чѣмъ вслѣдствіе несправедливаго возмущенія.

XII.

Ложное правосудіе Пилата было только причиной лишнихъ страданій для Іисуса; потому что, по своему несправедливому суду, онъ велитъ бичевать Его и затѣмъ убить. Лучше бы ему раньше убить Его. Таковы ложные блюстители правосудія. Они дѣлаютъ добрыя дѣла и дурныя, чтобы угодить міру, показать, что они не совсѣмъ на сторонѣ Іисуса Христа, такъ какъ стыдятся Его. Наконецъ, въ случаяхъ сильнаго искушенія, они Его убиваютъ.

Меня трижды. И вышедши вонъ, горько заплакалъ". На этомъ текстѣ Паскаль хочетъ основать ученіе о вызывающей и предупреждающей благодати: онъ хочетъ показать, что Петръ *обращается* къ Іисусу только *послѣ* того, какъ Іисусъ *обратился* къ нему.

1) Такъ всегда бываетъ съ согрѣшающимъ человѣкомъ: благодать не предупредила его, и Богъ допустилъ его дѣйствовать, прежде чѣмъ сказать ему.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Размышленія о смерти [1]).

Начну свою бесѣду съ вами разговоромъ, который долженъ доставить большое утѣшеніе людямъ съ умомъ, свободнымъ настолько, чтобы понять его въ минуту сильнѣйшей скорби. Я хочу сказать, что утѣшенія въ нашихъ горестяхъ мы должны искать не въ насъ самихъ, не въ людяхъ и ни въ какой твари, а въ Богѣ. И вотъ почему. Никакая тварь не есть первая причина событій, называемыхъ нами несчастіемъ. Они посылаются намъ Богомъ, какъ единственнымъ дѣйствительнымъ властителемъ судебъ нашихъ, а потому неоспоримо, что искать дѣйствительнаго облегченія въ скорби можно, только прибѣгая къ этому первоисточнику. Если мы будемъ слѣдовать этому правилу и смотрѣть на смерть не какъ на дѣло случая или роковую необходимость природы, не какъ на игралище стихій и частей, составляющихъ человѣка (ибо Богъ не отдалъ своихъ избранныхъ на волю каприза и случая), но какъ на необходимое, неизбѣжное, справедливое, святое, полезное для блага Церкви и прославленія имени и величія Божія, послѣдствіе опредѣленія Его промысла, положеннаго отъ вѣчности къ исполненію, по совершеніи временъ, въ такой-то годъ, такой-то день, такой-то часъ, въ такомъ-то мѣстѣ и такимъ-то образомъ; если, наконецъ, мы признаемъ, что все случившееся было отъ начала предвѣдено и предопредѣлено Богомъ; если, говорю я, по вдохновенію благодати мы разсмотримъ это событіе [2]) не въ немъ самомъ и внѣ Бога, а внѣ его самого и въ связи съ волею Бога, съ праведностію Его опредѣленія, съ судьбами Его промысла, который одинъ есть истинная причина этого событія, безъ котораго оно бы и не свершилось, а свершилось только чрезъ него и образомъ имъ предназначеннымъ — тогда, въ покорномъ молчаніи, мы преклонимся предъ непроницаемою высотою Его таинъ, воздадимъ хвалу святости

[1]) Выдержка изъ письма Паскаля къ сестрѣ и зятю по поводу кончины отца.
[2]) Смерть отца.

Его рѣшеній, благословимъ водительство Его промысла. Тогда, соединивъ свою волю съ волею Самого Бога, мы вмѣстѣ съ Нимъ, въ Немъ и для Него пожелаемъ того, что пожелалъ Онъ въ насъ и для насъ отъ вѣчныхъ вѣковъ.

Будемъ же такъ смотрѣть на это событіе и воспользуемся наставленіемъ, полученнымъ мною отъ одного великаго человѣка въ минуту нашей сильнѣйшей скорби, — что нѣтъ иного утѣшенія, какъ въ одной только истинѣ. Безъ сомнѣнія, рѣчи Сократа и Сенеки о смерти нисколько не убѣдительны. Они находились подъ гнетомъ заблужденія, поразившаго въ лицѣ перваго человѣка всѣхъ людей: они считали смерть естественною для человѣка; и всѣ бесѣды, основанныя ими на этомъ ложномъ основаніи, такъ пусты, что своею безполезностію доказываютъ только, какъ вообще слабъ человѣкъ, если самыя высокія произведенія величайшихъ людей оказываются столь низкими и ребяческими. Нельзя того же сказать о Іисусѣ Христѣ или о каноническихъ книгахъ: истина въ нихъ открыта, и утѣшеніе также непреложно соединено съ нею, какъ непреложно отдѣлено оно отъ заблужденія.

Итакъ, разсмотримъ смерть въ свѣтѣ ученія, внушеннаго намъ Святымъ Духомъ. Благодаря ему, мы знаемъ, что поистинѣ и на самомъ дѣлѣ, смерть есть наказаніе за грѣхъ, наложенное на человѣка, чтобы искупить его преступленіе, и необходимое человѣку для очищенія его отъ грѣха; что одна она можетъ избавить душу отъ чувственности тѣлесныхъ членовъ, безъ которой и святые не появляются въ этомъ мірѣ. Мы знаемъ, что жизнь людей вообще, а христіанъ въ частности, есть постоянная жертва, могущая завершиться только смертію; мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ, въ Своей земной жизни, взиралъ на Себя и предложилъ Себя Богу какъ всесожженіе и истинную жертву; что Его рожденіе, Его жизнь, Его смерть, воскресеніе, вознесеніе, Его присутствіе въ Евхаристіи и Его вѣчное возсѣданіе одесную Бога Отца есть единая и истинная жертва; мы знаемъ, что совершившееся въ Іисусѣ Христѣ должно совершиться въ каждомъ изъ Его членовъ.

Итакъ, будемъ смотрѣть на жизнь, какъ на жертву; и пусть событія жизни производятъ впечатлѣніе на умъ христіанъ, лишь поскольку они прерываютъ или восполняютъ жертву. Будемъ называть зломъ только то, что превращаетъ жертву Богу въ жертву дьяволу, но назовемъ добромъ то, что обращаетъ жертву дьяволу въ Адамѣ

въ жертву Богу. На основаніи этого правила изслѣдуемъ природу смерти.

Для этого намъ необходимо обратиться къ личности Іисуса Христа, ибо все собственно человѣческое отвратительно; и такъ какъ Богъ разсматриваетъ людей только чрезъ посредника, Іисуса Христа, то и люди не должны бы смотрѣть ни на другихъ, ни на себя, какъ только посредствомъ Іисуса Христа. Потому что, если мы не пройдемъ этою средою, то найдемъ въ себѣ лишь истинныя бѣдствія или отвратительныя радости; когда же будемъ разсматривать все въ Іисусѣ Христѣ, найдемъ всякое утѣшеніе, всякое удовлетвореніе, всякое назиданіе.

Итакъ, разсмотримъ смерть во Іисусѣ Христѣ, а не безъ Іисуса Христа. Безъ Іисуса Христа она страшна, омерзительна, — ужасъ для природы. Во Іисусѣ Христѣ она совершенно иная, пріятна, свята — радость для вѣрныхъ. Все сладостно во Іисусѣ, даже самая смерть: Онъ страдалъ и умеръ, чтобы освятить смерть и страданія. Какъ Богъ и какъ человѣкъ, Онъ вмѣщалъ въ Себѣ все, что есть великаго и все, что есть отверженнаго, чтобы освятить въ Себѣ все, кромѣ грѣха, и быть образцомъ всякихъ жизненныхъ положеній.

Чтобы разсмотрѣть, что такое смерть и смерть во Іисусѣ Христѣ, необходимо узнать, какое мѣсто она занимаетъ въ Его постоянной и непрерывной жертвѣ, и для того замѣтить, что въ литургіи главную часть ея составляетъ закланіе жертвеннаго агнца. Предложеніе и освященіе Даровъ предшествуютъ ему, какъ дѣйствія приготовительныя; но совершеніе Даровъ есть смерть, въ которой, чрезъ уничтоженіе жизни, тварь воздаетъ самовозможнѣйшее для нея поклоненіе Богу, самоуничтожаясь предъ очами Его величія и преклоняясь предъ Его верховнымъ бытіемъ, которое одно дѣйствительно пребываетъ. Правда, есть другая часть въ литургіи, послѣ смерти агнца, безъ которой смерть эта безполезна; именно, принятіе Богомъ жертвы. Въ писаніи сказано: *„И обонялъ Господь пріятное благоуханіе“* [1]). Дѣйствительно, это благоволеніе къ жертвѣ и служитъ увѣнчаніемъ предлагаемыхъ Даровъ; но это, скорѣе, дѣйствіе Бога къ твари, чѣмъ твари къ Богу, и потому не мѣшаетъ смерти быть послѣднимъ дѣйствіемъ твари.

[1]) Быт. VIII, 21.

Все это совершилось во Іисусѣ Христѣ. Вступая въ міръ, Онъ принесъ Себя: *Иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу. Входя въ міръ глаголетъ: Жертвы Ты не восхотѣлъ... Тогда рѣхъ: се иду. Во главизнѣ и т. д.* «Онъ принесъ Себя Духомъ Святымъ. Входя въ міръ, Христосъ говоритъ: Господи, жертвы не угодны Тебѣ, но Ты уготовалъ Мнѣ тѣло. Тогда Я сказалъ: Вотъ Я иду, о Боже! совершить Твою волю, и законъ Твой въ сердцѣ Моемъ» [1]). Вотъ Его приношеніе. Освященіе его послѣдовало непосредственно по принесеніи [2]). Это жертвоприношеніе продолжалось всю Его жизнь и завершилось смертію. Такъ надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою [3]). Хотя Онъ и Сынъ, однако, страданіями навыкъ послушанію. Но Онъ во дни плоти Своей, съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы могущему спасти Его отъ смерти; и услышанъ за Свое благоговѣніе [4]). И Богъ воскресилъ Его и послалъ Свою славу, проображенную нѣкогда огнемъ, съ неба упавшимъ на жертвы, чтобы сжечь и поглотить Его тѣло и дать Ему духовную жизнь, жизнь славы [5]). Вотъ что получилъ Христосъ, и это было совершено Его воскресеніемъ.

Когда такимъ образомъ жертва была завершена смертію Іисуса Христа и поглощена въ Его тѣлѣ Его воскресеніемъ, гдѣ образъ тѣла грѣха былъ поглощенъ славою, Христосъ съ Своей стороны совершилъ все. Оставалось только, чтобы жертва была принята Богомъ, подобно возносящемуся къ престолу благоуханію всесожженій, и Іисусъ Христосъ, въ этомъ состояніи совершеннаго закланія, былъ вознесенъ и принятъ у престола Самого Бога, что и было выполнено въ вознесеніи. Дѣянія апостоловъ выразительно свидѣтельствуютъ намъ, что Онъ былъ принятъ на небѣ, какъ бы въ увѣреніе насъ, что эта совершенная на землѣ жертва была принята Богомъ и, какъ угодная Ему, горитъ славою во вѣки вѣковъ.

Таково положеніе вещей въ отношеніи нашего Господа и Спасителя. Разсмотримъ теперь это положеніе въ насъ самихъ. Съ момента вступленія нашего въ Церковь, составляющую міръ вѣрныхъ вообще и избранныхъ въ частности, куда Іисусъ Христосъ вступилъ съ

---

[1]) Евр. IX, 14; X, 5, 7, 9.
[2]) Ibid. X, 12.
[3]) Лука XXIV, 26.
[4]) Евр. V, 8 и 7.
[5]) III Царствъ XVIII, 38.

момента Своего воплощенія, по особому преимуществу, какъ единородный сынъ Божій — мы предлагаемся въ жертву и освящаемся. Это жертвоприношеніе продолжается въ теченіе жизни и завершается смертью, въ которой душа, дѣйствительно оставляя пороки и земную любовь, заражающую ее своимъ ядомъ, въ теченіе всей этой жизни, оканчиваетъ свое закланіе и принимается въ лоно Божіе.

Поэтому не будемъ предаваться печали, какъ неимѣющіе надежды язычники. Мы не потеряли своего отца съ его смертью: мы, такъ сказать, лишились его уже съ момента вступленія его въ Церковь чрезъ крещеніе. Съ тѣхъ поръ онъ былъ для Бога, жизнь его была обречена Богу; его дѣйствія касались міра только ради Бога. Въ своей смерти онъ вполнѣ отрѣшился отъ грѣховъ; въ эту именно минуту онъ былъ принятъ Богомъ, и жертва его получила свое завершеніе и увѣнчаніе. Стало-быть, онъ исполнилъ то, чему обреченъ былъ: онъ сдѣлалъ дѣло, данное ему Богомъ, совершилъ то единое, для чего былъ созданъ. Воля Божія совершилась въ немъ, а его воля отдана Богу. Итакъ, да не разлучаетъ наша воля то, что соединено Богомъ; будемъ заглушать или умѣрять, въ силу разумѣнія истины, чувствованія нашей поврежденной и обольщенной природы, имѣющей лишь ложныя представленія, своими иллюзіями нарушающей святость чувствъ, внушаемыхъ намъ истиною Евангелія.

Итакъ, будемъ смотрѣть на смерть не какъ язычники, а какъ христіане, т.-е. съ надеждою, которая, по ученію ап. Павла [1]), составляетъ особое преимущество христіанъ. Не будемъ болѣе считать тѣло смраднымъ прахомъ, ибо такимъ представляетъ его себѣ обманчивая природа; будемъ смотрѣть на него, какъ на неприкосновенный и вѣчный храмъ Святаго Духа, какъ учитъ вѣра. Мы знаемъ, что тѣла святыхъ служатъ вмѣстилищемъ Святаго Духа до воскресенія, имѣющаго совершиться силою этого Духа, который для того въ нихъ пребываетъ. По этой-то причинѣ мы чтимъ останки усопшихъ и по этому истинному воззрѣнію нѣкогда полагали причастіе въ уста умершихъ, потому что, считая ихъ за храмъ Святаго Духа, думали, что и они заслуживали этого святого таинства. Но Церковь измѣнила этотъ обычай не потому, чтобы эти тѣла не были

[1]) Сол. VI, 13—17.

святы, но по той причинѣ, что причастіе, какъ хлѣбъ жизни и живыхъ, не можетъ быть даваемо мертвымъ [1]).

Не будемъ болѣе считать человѣка переставшимъ жить, что бы, вопреки этому, природа ни внушала намъ, но — начавшимъ жить, какъ говоритъ истина. Не станемъ болѣе смотрѣть на его душу, какъ на погибшую и уничтоженную, но какъ на оживотворенную и пріобщенную къ высшей жизни. Постараемся же, во вниманіе къ этимъ истинамъ, исправить столь укоренившіяся въ насъ ошибочныя воззрѣнія и столь присущія намъ отъ природы побужденія страха.

Чтобы успѣшнѣе побороть этотъ страхъ, нужно хорошенько узнать его происхожденіе; и, чтобы коснуться его въ нѣсколькихъ словахъ, я долженъ сказать вамъ вообще, въ чемъ заключается источникъ всѣхъ грѣховъ и пороковъ. Я узналъ это отъ двухъ великихъ и святыхъ людей. Истина, которая скрывается подъ этой тайной, та, что Богъ создалъ человѣка съ двумя родами любви — къ Богу и къ самому себѣ; но законъ этихъ любовей таковъ, что любовь къ Богу безконечна, т.-е. не имѣетъ иной цѣли, кромѣ Самого Бога, а любовь къ самому себѣ конечна и имѣетъ своей послѣдней цѣлью Бога.

Впавъ въ грѣхъ, человѣкъ утратилъ первую изъ этихъ любовей; вторая же, т.-е., любовь къ самому себѣ, оставшись одинокою въ этой великой душѣ, способной на любовь безконечную, расширилась вслѣдствіе этого одиночества и захватила собою пустоту, оставленную любовью къ Богу; такъ полюбилъ человѣкъ себя и все ради себя, т.-е. полюбилъ безконечно. Таково происхожденіе самолюбія. Оно было естественно въ Адамѣ и справедливо вслѣдствіе его невинности, но стало преступнымъ и неумѣреннымъ вслѣдствіе его грѣха.

Таковъ источникъ этой любви и причина ея уродливости и чрезмѣрности. То же можно сказать и о властолюбіи, лѣности и другихъ порокахъ. Предаться имъ очень легко. Обратимся, однако, къ главному предмету нашей бесѣды. Страхъ смерти былъ естественъ для невиннаго Адама, ибо жизнь его, какъ весьма угодная Богу, была очень привлекательна для него; смерть же была страшна, потому что съ нею оканчивалась жизнь, согласная съ волею Бога. Но какъ только человѣкъ согрѣшилъ, его жизнь стала поврежденною, тѣло и душа вступили во враждебныя отношенія какъ между собою, такъ и къ

1) Оксеррскій соборъ 581 г. своимъ двѣнадцатымъ правиломъ запрещаетъ причащать мертвыхъ. См. Іоаннъ VI, 48.

Прим. Э. Гавэ.

Богу. Хотя эта ужасная перемѣна заразила до сихъ поръ столь святую жизнь, однако любовь къ жизни уцѣлѣла, а съ нею и страхъ смерти, справедливый въ Адамѣ, но несправедливый и преступный въ насъ.

Таково происхожденіе страха смерти и причина его уродливости. Постараемся разсѣять заблужденіе природы при помощи свѣточа вѣры. Страхъ передъ смертью естественъ, но только въ состояніи невинности; дѣйствительно, смерть ужасна, но лишь какъ прекращеніе жизни, совершенно чистой. Ненавидѣть ее было справедливо, когда она разлучала святую душу съ святымъ тѣломъ; но теперь заслуживаетъ любви, разлучая святую душу съ нечистымъ тѣломъ. Справедливо было бѣжать ея, когда она нарушала миръ между душею и тѣломъ, но не тогда, когда она прекращаетъ непримиримый разладъ. Наконецъ, когда она посѣщала невинное тѣло, отнимала у него возможность чтить Бога, отлучала отъ души тѣло, покорное и сработавшее ея волѣ, прекращала всякое добро, на какое былъ способенъ человѣкъ, — то омерзѣніе къ ней было основательно; но теперь, когда она прекращаетъ порочную жизнь, лишаетъ тѣло возможности грѣшить, избавляетъ душу отъ весьма сильнаго и упорнаго противника всѣхъ побужденій къ ея спасенію, то какъ, при подобномъ положеніи вещей, питать къ ней одинаковыя чувства?

Итакъ, не будемъ оставлять внушаемой намъ природою любви къ жизни, какъ полученной отъ Бога; но пусть эта любовь будетъ относиться къ той самой жизни, къ какой Богъ намъ далъ ее, а не къ предмету ей противоположному. Признавая любовь къ своей жизни, которую питалъ Адамъ и даже Самъ Іисусъ Христосъ, какъ къ жизни невинной, постараемся презирать жизнь, противоположную той, какую любилъ Спаситель, и бояться только той смерти, какой боялся Христосъ, т.-е. смерти тѣла, угоднаго Богу. Но не станемъ страшиться смерти, которая, служа наказаніемъ тѣлу виновному и очищая тѣло порочное, должна внушать намъ совершенно обратное чувство, если въ насъ есть хотя немного вѣры, надежды и любви.

По одному изъ величайшихъ положеній христіанскаго ученія, все, совершившееся въ Іисусѣ Христѣ, должно произойти и въ душѣ, и въ тѣлѣ каждаго христіанина. Какъ Христосъ страдалъ въ Своей земной жизни, умеръ для этой временной жизни, воскресъ въ жизнь новую, взошелъ на небо и возсѣлъ одесную Отца; такъ равно тѣло и душа христіанина должны страдать, умереть, воскреснуть, взойти

Все это совершилось во Іисусѣ Христѣ. Вступая въ міръ, Онъ принесъ Себя: *Иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу. Входя въ міръ глаголетъ: Жертвы Ты не восхотѣлъ... Тогда рѣхъ: се иду. Во главизнѣ и т. д.* «Онъ принесъ Себя Духомъ Святымъ. Входя въ міръ, Христосъ говоритъ: Господи, жертвы не угодны Тебѣ, но Ты уготовалъ Мнѣ тѣло. Тогда Я сказалъ: Вотъ Я иду, о Боже! совершить Твою волю, и законъ Твой въ сердцѣ Моемъ» [1]). Вотъ Его приношеніе. Освященіе его послѣдовало непосредственно по принесеніи [2]). Это жертвоприношеніе продолжалось всю Его жизнь и завершилось смертію. Такъ надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою [3]). Хотя Онъ и Сынъ, однако, страданіями навыкъ послушанію. Но Онъ во дни плоти Своей, съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы могущему спасти Его отъ смерти; и услышанъ за Свое благоговѣніе [4]). И Богъ воскресилъ Его и послалъ Свою славу, проображенную нѣкогда огнемъ, съ неба упавшимъ на жертвы, чтобы сжечь и поглотить Его тѣло и дать Ему духовную жизнь, жизнь славы [5]). Вотъ что получилъ Христосъ, и это было совершено Его воскресеніемъ.

Когда такимъ образомъ жертва была завершена смертію Іисуса Христа и поглощена въ Его тѣлѣ Его воскресеніемъ, гдѣ образъ тѣла грѣха былъ поглощенъ славою, Христосъ съ Своей стороны совершилъ все. Оставалось только, чтобы жертва была принята Богомъ, подобно возносящемуся къ престолу благоуханію всесожженій, и Іисусъ Христосъ, въ этомъ состояніи совершеннаго закланія, былъ вознесенъ и принятъ у престола Самого Бога, что и было выполнено въ вознесеніи. Дѣянія апостоловъ выразительно свидѣтельствуютъ намъ, что Онъ былъ принятъ на небѣ, какъ бы въ увѣреніе насъ, что эта совершенная на землѣ жертва была принята Богомъ и, какъ угодная Ему, горитъ славою во вѣки вѣковъ.

Таково положеніе вещей въ отношеніи нашего Господа и Спасителя. Разсмотримъ теперь это положеніе въ насъ самихъ. Съ момента вступленія нашего въ Церковь, составляющую міръ вѣрныхъ вообще и избранныхъ въ частности, куда Іисусъ Христосъ вступилъ съ

---

[1]) Евр. IX, 14; X, 5, 7, 9.
[2]) Ibid. X, 12.
[3]) Лука XXIV, 26.
[4]) Евр. V, 8 и 7.
[5]) III Царствъ XVIII, 38.

момента Своего воплощенія, по особому преимуществу, какъ единородный сынъ Божій — мы предлагаемся въ жертву и освящаемся. Это жертвоприношеніе продолжается въ теченіе жизни и завершается смертью, въ которой душа, дѣйствительно оставляя пороки и земную любовь, заражающую ее своимъ ядомъ, въ теченіе всей этой жизни, оканчиваетъ свое закланіе и принимается въ лоно Божіе.

Поэтому не будемъ предаваться печали, какъ неимѣющіе надежды язычники. Мы не потеряли своего отца съ его смертью: мы, такъ сказать, лишились его уже съ момента вступленія его въ Церковь чрезъ крещеніе. Съ тѣхъ поръ онъ былъ для Бога, жизнь его была обречена Богу; его дѣйствія касались міра только ради Бога. Въ своей смерти онъ вполнѣ отрѣшился отъ грѣховъ; въ эту именно минуту онъ былъ принятъ Богомъ, и жертва его получила свое завершеніе и увѣнчаніе. Стало-быть, онъ исполнилъ то, чему обреченъ былъ: онъ сдѣлалъ дѣло, данное ему Богомъ, совершилъ то единое, для чего былъ созданъ. Воля Божія совершилась въ немъ, а его воля отдана Богу. Итакъ, да не разлучаетъ наша воля то, что соединено Богомъ; будемъ заглушать или умѣрять, въ силу разумѣнія истины, чувствованія нашей поврежденной и обольщенной природы, имѣющей лишь ложныя представленія, своими иллюзіями нарушающей святость чувствъ, внушаемыхъ намъ истиною Евангелія.

Итакъ, будемъ смотрѣть на смерть не какъ язычники, а какъ христіане, т.-е. съ надеждою, которая, по ученію ап. Павла [1]), составляетъ особое преимущество христіанъ. Не будемъ болѣе считать тѣло смраднымъ прахомъ, ибо такимъ представляетъ его себѣ обманчивая природа; будемъ смотрѣть на него, какъ на неприкосновенный и вѣчный храмъ Святаго Духа, какъ учитъ вѣра. Мы знаемъ, что тѣла святыхъ служатъ вмѣстилищемъ Святаго Духа до воскресенія, имѣющаго совершиться силою этого Духа, который для того въ нихъ пребываетъ. По этой-то причинѣ мы чтимъ останки усопшихъ и по этому истинному воззрѣнію нѣкогда полагали причастіе въ уста умершихъ, потому что, считая ихъ за храмъ Святаго Духа, думали, что и они заслуживали этого святого таинства. Но Церковь измѣнила этотъ обычай не потому, чтобы эти тѣла не были

1) Сол. VI, 13—17.

святы, но по той причинѣ, что причастіе, какъ хлѣбъ жизни и живыхъ, не можетъ быть даваемо мертвымъ [1]).

Не будемъ болѣе считать человѣка переставшимъ жить, что бы, вопреки этому, природа ни внушала намъ, но — начавшимъ жить, какъ говоритъ истина. Не станемъ болѣе смотрѣть на его душу, какъ на погибшую и уничтоженную, но какъ на оживотворенную и пріобщенную къ высшей жизни. Постараемся же, во вниманіе къ этимъ истинамъ, исправить столь укоренившіяся въ насъ ошибочныя воззрѣнія и столь присущія намъ отъ природы побужденія страха.

Чтобы успѣшнѣе побороть этотъ страхъ, нужно хорошенько узнать его происхожденіе; и, чтобы коснуться его въ нѣсколькихъ словахъ, я долженъ сказать вамъ вообще, въ чемъ заключается источникъ всѣхъ грѣховъ и пороковъ. Я узналъ это отъ двухъ великихъ и святыхъ людей. Истина, которая скрывается подъ этой тайной, та, что Богъ создалъ человѣка съ двумя родами любви — къ Богу и къ самому себѣ; но законъ этихъ любовей таковъ, что любовь къ Богу безконечна, т.-е. не имѣетъ иной цѣли, кромѣ Самого Бога, а любовь къ самому себѣ конечна и имѣетъ своей послѣдней цѣлью Бога.

Впавъ въ грѣхъ, человѣкъ утратилъ первую изъ этихъ любовей; вторая же, т.-е., любовь къ самому себѣ, оставшись одинокою въ этой великой душѣ, способной на любовь безконечную, расширилась вслѣдствіе этого одиночества и захватила собою пустоту, оставленную любовью къ Богу; такъ полюбилъ человѣкъ себя и все ради себя, т.-е. полюбилъ безконечно. Таково происхожденіе самолюбія. Оно было естественно въ Адамѣ и справедливо вслѣдствіе его невинности, но стало преступнымъ и неумѣреннымъ вслѣдствіе его грѣха.

Таковъ источникъ этой любви и причина ея уродливости и чрезмѣрности. То же можно сказать и о властолюбіи, лѣности и другихъ порокахъ. Предаться имъ очень легко. Обратимся, однако, къ главному предмету нашей бесѣды. Страхъ смерти былъ естественъ для невиннаго Адама, ибо жизнь его, какъ весьма угодная Богу, была очень привлекательна для него; смерть же была страшна, потому что съ нею оканчивалась жизнь, согласная съ волею Бога. Но какъ только человѣкъ согрѣшилъ, его жизнь стала поврежденною, тѣло и душа вступили во враждебныя отношенія какъ между собою, такъ и къ

[1]) Оксеррскій соборъ 581 г. своимъ двѣнадцатымъ правиломъ запрещаетъ причащать мертвыхъ. См. Іоаннъ VI, 48.

Прим. Э. Гавз.

Богу. Хотя эта ужасная перемѣна заразила до сихъ поръ столь святую жизнь, однако любовь къ жизни уцѣлѣла, а съ нею и страхъ смерти, справедливый въ Адамѣ, но несправедливый и преступный въ насъ.

Таково происхожденіе страха смерти и причина его уродливости. Постараемся разсѣять заблужденіе природы при помощи свѣточа вѣры. Страхъ передъ смертью естественъ, но только въ состояніи невинности; дѣйствительно, смерть ужасна, но лишь какъ прекращеніе жизни, совершенно чистой. Ненавидѣть ее было справедливо, когда она разлучала святую душу съ святымъ тѣломъ; но теперь заслуживаетъ любви, разлучая святую душу съ нечистымъ тѣломъ. Справедливо было бѣжать ея, когда она нарушала миръ между душею и тѣломъ, но не тогда, когда она прекращаетъ непримиримый разладъ. Наконецъ, когда она посѣщала невинное тѣло, отнимала у него возможность чтить Бога, отлучала отъ души тѣло, покорное и сработавшее ея волѣ, прекращала всякое добро, на какое былъ способенъ человѣкъ, — то омерзѣніе къ ней было основательно; но теперь, когда она прекращаетъ порочную жизнь, лишаетъ тѣло возможности грѣшить, избавляетъ душу отъ весьма сильнаго и упорнаго противника всѣхъ побужденій къ ея спасенію, то какъ, при подобномъ положеніи вещей, питать къ ней одинаковыя чувства?

Итакъ, не будемъ оставлять внушаемой намъ природою любви къ жизни, какъ полученной отъ Бога; но пусть эта любовь будетъ относиться къ той самой жизни, къ какой Богъ намъ далъ ее, а не къ предмету ей противоположному. Признавая любовь къ своей жизни, которую питалъ Адамъ и даже Самъ Іисусъ Христосъ, какъ къ жизни невинной, постараемся презирать жизнь, противоположную той, какую любилъ Спаситель, и бояться только той смерти, какой боялся Христосъ, т.-е. смерти тѣла, угоднаго Богу. Но не станемъ страшиться смерти, которая, служа наказаніемъ тѣлу виновному и очищая тѣло порочное, должна внушать намъ совершенно обратное чувство, если въ насъ есть хотя немного вѣры, надежды и любви.

По одному изъ величайшихъ положеній христіанскаго ученія, все, совершившееся въ Іисусѣ Христѣ, должно произойти и въ душѣ, и въ тѣлѣ каждаго христіанина. Какъ Христосъ страдалъ въ Своей земной жизни, умеръ для этой временной жизни, воскресъ въ жизнь новую, взошелъ на небо и возсѣлъ одесную Отца; такъ равно тѣло и душа христіанина должны страдать, умереть, воскреснуть, взойти

на небо и стать одесную. Все это совершается въ теченіе этой жизни, но въ душѣ, а не въ тѣлѣ. Душа страждетъ и умираетъ для грѣха въ таинствахъ покаянія и крещенія; душа воскресаетъ для новой жизни въ томъ же крещеніи, душа покидаетъ землю и возносится на небо въ часъ смерти и станетъ одесную, когда повелитъ Господь. Ничего этого не происходитъ въ тѣлѣ въ теченіе этой жизни, но происходитъ потомъ. Ибо со смертію тѣло умираетъ для своей смертной жизни; въ день Суда оно воскреснетъ къ жизни новой! по совершеніи Суда взойдетъ на небо и станетъ одесную [1]). Такимъ образомъ одно и то же происходитъ и съ душою, и съ тѣломъ, но въ разное время; измѣненія въ тѣлѣ наступаютъ лишь по совершеніи ихъ въ душѣ, т.-е., въ минуту смерти, такъ что смерть является вѣнцомъ блаженства души и началомъ блаженства тѣла.

Таково премудрое промышленіе Бога о спасеніи святыхъ. По этому поводу бл. Августинъ учитъ насъ, что Богъ опредѣлилъ этотъ порядокъ во избѣжаніе того, что если бы тѣло человѣка умирало и воскресало навсегда въ крещеніи, то въ послушаніе Евангелію христіане вступали бы только изъ любви къ жизни; тогда какъ величіе вѣры обнаруживается гораздо сильнѣе, когда мы стремимся къ безсмертію чрезъ мракъ смерти.

Таково, поистинѣ, наше вѣрованіе, и я думаю, что этого болѣе чѣмъ достаточно въ подкрѣпленіе моихъ слабыхъ усилій утѣшить васъ. Я бы не рѣшился доставить вамъ эту помощь, если бы она шла отъ меня самого; но такъ какъ я повторяю здѣсь только слышанное мною отъ другихъ, то дѣлаю это съ увѣренностью и прошу Бога благословить эти сѣмена и возрастить ихъ; ибо безъ Его помощи мы безсильны, и святѣйшее слово Его не примется въ насъ, какъ Онъ Самъ сказалъ [2]).

Я не желаю, чтобы вы были совсѣмъ безчувственны: ударъ слишкомъ ощутителенъ; онъ былъ бы даже невыносимъ безъ сверхъестественной помощи. Поэтому нельзя требовать, чтобы мы не ощущали боли, подобно ангеламъ, не знающимъ чувствъ нашей природы, но и несправедливо также быть намъ безутѣшными, какъ язычники, лишенные внушенія благодати. Намъ надлежитъ скорбѣть

---

[1]) Разумѣется здѣсь, конечно, воскресеніе истиннаго христіанина, а не человѣка вообще.

[2]) См. притчу Спасителя о сѣмени слова Божія. Марк. IV.

и утѣшаться, какъ христіанамъ, и чтобы утѣшеніе благодати превозмогало чувства природы. Мы должны повторять слова апостоловъ: «Насъ преслѣдуютъ, а мы благословляемъ» [1]) такъ, чтобы благодать не только пребывала въ насъ, но и одерживала въ насъ побѣду надъ природными чувствами; чтобы такимъ образомъ, благословляя имя Отца нашего, сдѣлать Его волю нашею волею. Да царствуетъ Его благодать надъ природою; да будутъ печали наши какъ жертвенное вещество, поглощаемое и уничтожаемое благодатію Его въ славу Божію. Да будутъ эти частныя жертвы въ честь и предображеніе всемірной жертвы, въ которой вся природа имѣетъ быть поглощена всемогуществомъ Іисуса Христа. Такимъ путемъ мы извлечемъ пользу изъ самыхъ несовершенствъ нашихъ, какъ имѣющихъ послужить веществомъ для этого всесожженія; ибо цѣль истинныхъ христіанъ обращать въ добро свои собственныя несовершенства, такъ какъ «призваннымъ по Его изволенію все содѣйствуетъ къ благу» [2]).

Всмотрѣвшись въ обсуждаемое нами событіе ближе, въ свѣтѣ вышеизложенной нами истины, мы найдемъ въ немъ много поучительнаго. Если смерть тѣла не болѣе какъ образъ смерти души, и мы, основываясь на вышесказанномъ ученіи, имѣемъ всѣ данныя надѣяться на спасеніе нашего покойника, то несомнѣнно, что, не будучи въ состояніи вполнѣ устранить горестное чувство, мы можемъ, однако, извлечь тотъ полезный выводъ, что если такъ ужасаетъ насъ смерть тѣлесная, то еще безутѣшнѣе была бы для насъ мысль о смерти душевной. Богъ посылаетъ намъ первую и избавляетъ отъ второй. Поэтому будемъ судить о величіи нашихъ благъ по силѣ нашихъ золъ, и пусть чрезмѣрность нашей скорби будетъ для насъ мѣриломъ силы нашей радости. Ослабить эту радость можетъ только опасеніе, что, можетъ-быть, онъ будетъ томиться нѣкоторое время муками, назначенными ему въ очищеніе остатка грѣховъ этой жизни. И мы должны старательно позаботиться смягчить обращенный на него гнѣвъ Божій. Молитва и безкровная жертва самыя дѣйствительныя средства облегчить его муки. Но отъ одного святого человѣка я узналъ, что одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и полезныхъ дѣлъ любви въ отношеніи умершихъ исполнять то, что они приказали бы намъ, находясь въ живыхъ; слѣдовать благимъ ихъ совѣтамъ и ради

---

[1]) Коринѳ. IV, 12.
[2]) Римл. VIII, 28.

ихъ стать въ такое положеніе, въ которомъ они желаютъ, чтобы мы находились теперь. Поступая такимъ образомъ, мы какъ бы даемъ имъ возможность оживать въ насъ, ибо тогда ихъ совѣты еще живутъ въ насъ и дѣйствуютъ; и какъ ересіархи наказываются въ той жизни за грѣхи, въ которые они увлекли своихъ послѣдователей, еще носящихъ въ себѣ вложенный ими ядъ, такъ и умершіе, помимо своихъ собственныхъ заслугъ, вознаграждаются за тѣхъ, которые слѣдуютъ ихъ добрымъ совѣтамъ и примѣру.

Дадимъ же ему возможность ожить передъ Богомъ въ лицѣ нашемъ; будемъ утѣшаться въ союзѣ нашихъ сердецъ, въ которомъ, мнѣ кажется, онъ живетъ еще, и пусть наше единеніе замѣнитъ намъ нѣкоторымъ образомъ его присутствіе.

Молю Бога внушить и поддержать въ насъ это настроеніе, а также продлить тѣ кажущіяся мнѣ данными Богомъ чувства нѣжности, которыми полонъ я теперь какъ никогда прежде. Мнѣ кажется, что любовь, которую мы питали къ усопшему, не должна исчезнуть; напротивъ, мы должны перенести ее другъ на друга, и привязанность его къ намъ унаслѣдовать главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы, если возможно, взаимная любовь наша стала еще сердечнѣе.

Прошу Бога укрѣпить насъ въ этихъ рѣшеніяхъ, и въ этой надеждѣ заклинаю васъ благосклонно выслушать одно мое мнѣніе, къ которому вы, конечно, пришли бы и безъ меня, но которое я все-таки выскажу, — это то, чтобы, найдя причины успокоиться за усопшаго, намъ не пренебречь заботами о насъ самихъ и не забывать о тѣхъ нуждахъ и пользахъ, какія существовали бы для насъ, если бы онъ оставался въ живыхъ.

Я больше всѣхъ заинтересованъ въ этомъ. Потеряй я его шесть лѣтъ тому назадъ, я бы погубилъ себя, и хотя его присутствіе я считаю теперь не столь абсолютно необходимымъ, какъ въ то время, но знаю, что нуждался бы въ немъ еще десять лѣтъ; полезно же оно было бы для меня во всю жизнь. Но мы должны надѣяться, что такъ какъ Богъ опредѣлилъ совершиться этому событію въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ и извѣстнымъ образомъ, то, безъ сомнѣнія, оно послужитъ къ вящшей Его славѣ и нашему спасенію.

Какъ ни страннымъ это кажется, но я думаю, что такого взгляда нужно держаться на всѣ событія и что, какъ бы пагубны они ни

казались намъ, мы должны надѣяться, что Богъ обратитъ ихъ въ источникъ нашей радости, если мы только предадимся Его волѣ. Намъ извѣстно, что нѣкоторыя знатныя лица опасались за жизнь своихъ домашнихъ. Богъ, можетъ быть, по ихъ молитвѣ, отвращалъ смерть, но потомъ эти люди дѣлались причиною столькихъ бѣдъ, что, пожалуй, было бы желательнѣе, чтобы молитвы не были услышаны.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, настолько слабъ, что не можетъ здраво судить о послѣдствіяхъ грядущихъ событій. Возложимъ же наше упованіе на Бога и не станемъ утомлять себя нескромнымъ проникновеніемъ въ будущее. Предоставимъ Богу направлять нашу жизнь и не дадимъ скорби овладѣвать нами.

Бл. Августинъ учитъ насъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть змій, Ева и Адамъ. Змій это — чувства и наша природа, Ева — чувственныя вожделѣнія наши, а Адамъ — разумъ. Природа искушаетъ насъ постоянно, чувственность часто пробуждается въ насъ, но грѣхъ еще не совершенъ, если на него не согласенъ разумъ. Пусть дѣйствуютъ въ насъ этотъ змій и эта Ева, если мы не можемъ избѣжать ихъ; но будемъ молить Бога, чтобы благодать Его помогла нашему Адаму оставаться побѣдителемъ. Да возсіяетъ надъ врагомъ нашимъ побѣда Христа, и да царствуетъ Онъ въ насъ на вѣки. Аминь.

Молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней[1]).

I.

Господи благій и добрый во всемъ и столь милостивый, что не только благоденствіе, но и самыя несчастія, посылаемыя избраннымъ Твоимъ, истекаютъ изъ Твоего милосердія, — благоволи научить меня, чтобы не дѣйствовать мнѣ подобно язычнику въ положеніи, назначенномъ мнѣ Твоимъ правосудіемъ! Да признаю въ Тебѣ, какъ истинный христіанинъ, Отца моего и Бога, въ какомъ бы состояніи я ни находился, ибо измѣненіе въ моемъ положеніи никакой перемѣны въ Тебѣ не производитъ. Ты неизмѣненъ, когда я подверженъ превратностямъ. Посылая огорченіе или кару, какъ и даруя утѣшеніе и прощеніе, Ты все тотъ же Богъ.

II.

Ты даровалъ мнѣ здоровье на служеніе Тебѣ, а я истратилъ его для суетныхъ цѣлей. Теперь ты посылаешь мнѣ болѣзнь, чтобы исправить меня; не допусти же меня прогнѣвать Тебя моимъ нетерпѣніемъ. Я злоупотребилъ своимъ здоровьемъ, и Ты справедливо покаралъ меня. Помоги мнѣ извлечь должную пользу изъ Твоего наказанія. Растлѣніе моей природы такъ велико, что обращаетъ во вредъ мнѣ Твои милости. Молю, Боже мой, чтобы Твоя всесильная благодать преложила казнь Твою во спасеніе мое. Если сердце мое было полно привязаности къ міру, пока въ немъ была нѣкоторая сила, — уничтожь эту силу для моего блага и сдѣлай меня неспособнымъ наслаждаться міромъ: ослабивъ ли мое тѣло или возбудивъ

---

1) Составленіе этой статьи относится къ концу 1647 или къ началу 1648 года, когда Паскаль, въ возрастѣ около 24 лѣтъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ подвергся болѣзни.

во мнѣ пылъ любви къ ближнимъ, чтобы наслаждаться мнѣ однимъ Тобою.

III.

Боже, которому я долженъ дать полный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ при концѣ моей жизни и при окончаніи міра! о, Боже, поддерживающій міръ и все живущее въ немъ лишь для испытанія Твоихъ избранныхъ или для наказанія грѣшниковъ! о, Боже, оставляющій закоренѣлыхъ грѣшниковъ въ соблазнительномъ и преступномъ пользованіи міромъ! о, Боже, допускающій умирать наше тѣло и въ часъ смерти отрѣшающій нашу душу отъ всего, что она любила въ мірѣ! о, Боже, который разлучишь и меня, въ эту послѣднюю минуту моей жизни, отъ всего, къ чему я привязался и во что вложилъ мое сердце! о Боже, имѣющій истребить въ послѣдній день небо и землю со всѣми тварями, ихъ населяющими, чтобы показать людямъ, что существуешь только Ты одинъ и потому только Ты одинъ достоинъ любви, будучи одинъ вѣченъ! о, Боже, имѣющій разрушить всѣ эти суетные кумиры и всѣ эти пагубные предметы нашихъ страстей! Воздаю Тебѣ хвалу, Богъ мой, и благословлю Тебя во всѣ дни моей жизни, ибо ты благоволилъ полезно предварить меня объ этомъ страшномъ днѣ, разрушая для меня все посредствомъ посланнаго Тобою ослабленія силъ моихъ. Восхваляю тебя, Богъ мой, и благословлю Тебя во всѣ дни жизни моей, что Тебѣ угодно было лишить меня возможности пользоваться благами здоровья и удовольствіями свѣта, что Ты нѣкоторымъ образомъ для моей же пользы уничтожилъ обманчивые кумиры, которые Ты на самомъ дѣлѣ къ смущенію злыхъ уничтожишь въ день гнѣва Твоего. Содѣлай, Боже, чтобы я самъ осудилъ себя послѣ этого произведеннаго Тобою въ отношеніи меня разрушенія, и Тебѣ не пришлось бы судить меня послѣ окончательнаго разрушенія Тобою моей жизни и всего міра. Ибо, Господи, такъ какъ въ минуту смерти моей я окажусь въ разлукѣ съ міромъ, лишеннымъ всего, одинокимъ въ Твоемъ присутствіи, и долженъ буду отвѣчать предъ судомъ Твоимъ за всѣ движенія моего сердца, содѣлай такъ, чтобы въ этой болѣзни я смотрѣлъ на себя, какъ бы на подвергшагося нѣкотораго рода смерти, отдѣленнаго отъ міра, лишеннаго всѣхъ предметовъ моихъ привязанностей, одинокаго предъ Тобою, умоляющаго Твое милосердіе объ обращеніи моего сердца, и чтобы такимъ образомъ я могъ вполнѣ

утѣшиться въ посылаемомъ мнѣ теперь Тобою подобіи смерти, какъ проявленіи Твоего милосердія, прежде чѣмъ пошлешь мнѣ настоящую смерть для совершенія Своего суда. Молю тебя, Боже мой, какъ Ты предупредилъ меня о моей смерти, такъ да предварю я строгость Твоего приговора и испытаю себя прежде Твоего суда, чтобы обрѣсти Твое милосердіе, когда буду предъ лицомъ Твоимъ.

IV.

Содѣлай, Боже мой, чтобы мнѣ въ молчаніи преклониться предъ порядкомъ Твоего дивнаго промышленія въ моей жизни; пусть бичъ Твой будетъ мнѣ въ утѣшеніе, да въ мирное время проживъ въ горечи грѣховъ моихъ, вкушу небесную сладость Твоей благодати среди посылаемыхъ Тобою спасительныхъ бѣдъ! Но сознаю, Господи, что сердце мое такъ загрубѣло и полно мірскихъ помышленій, заботъ, безпокойствъ и привязанностей, что ни болѣзнь, ни здоровье, ни бесѣды, ни книги, ни милостыня, ни посты, ни умерщвленія плоти, ни чудеса, ни совершеніе таинствъ, на всѣ мои усилія, ниже усилія всего міра безсильны начать мое обращеніе, если всему этому Ты не пошлешь чрезвычайную помощь Твоей благодати. Ради сего, Боже мой, обращаюсь къ Тебѣ, Всемогущему, съ мольбою о дарѣ, коего не могутъ сообщить мнѣ всѣ твари вмѣстѣ. Я не дерзнулъ бы обратить къ Тебѣ моего вопля, если бы кто другой могъ услышать его. Но такъ какъ обращеніе моего сердца, о которомъ прошу Тебя, Богъ мой, есть дѣло превосходящее всѣ усилія природы, то обратиться могу только къ Создателю и всемощному Владыкѣ и природы, и моего сердца. Къ кому, Господи, воскликну, къ кому прибѣгну, какъ не къ Тебѣ? Кромѣ Бога, никто не можетъ исполнить чаяній нашихъ. Прошу и ищу я Самого Бога, и къ Тебѣ одному, Богъ мой, обращаюсь, чтобы обрѣсти Тебя. Отверзи сердце мое, Господи, войди въ это мятежное мѣсто, занятое пороками. Они держатъ его въ своей власти. Войди въ него, какъ въ жилище укрѣпившагося; но свяжи сначала крѣпкаго и сильнаго врага, который имъ владѣетъ, и тогда возьми лежащія въ немъ сокровища. Господи, возьми мою любовь, похищенную міромъ, восхити Самъ это сокровище или, лучше возврати его Себѣ, какъ Тебѣ принадлежащее, какъ должную Тебѣ мною дань, ибо она носитъ отпечатокъ Твоего образа. Ты, Господи, запечатлѣлъ его тамъ въ минуту моего крещенія, которое есть мое

вторичное рожденіе, но образъ этотъ совсѣмъ изгладился. Отпечатокъ міра такъ глубоко врѣзанъ тамъ, что твоего изображенія не стало видно. Ты одинъ могъ создать мою душу, Ты одинъ можешь и создать ее снова; Ты одинъ могъ вложить въ нее Твой образъ, такъ Ты же одинъ можешь преобразовать ее и снова оттиснуть въ ней Твой изгладившійся ликъ, то-есть, Іисуса Христа, моего Спасителя, который есть Твой образъ и выраженіе Твоей сущности.

V.

О, Богъ мой! Какъ счастливо сердце, могущее любить Того, привязанность къ Кому для насъ такъ спасительна! Я чувствую, что не могу любить міръ, не прогнѣвляя Тебя, не вредя и не безчестя себя; при всемъ томъ, міръ остается предметомъ моихъ желаній. О, Богъ мой! Какъ счастлива душа, находящая въ Тебѣ свое радованіе, ибо она можетъ питать любовь къ Тебѣ, не только безъ сомнѣній, но и сознавая въ этомъ свое достоинство. Какъ прочно и долговѣчно ея счастіе, ибо ожиданія ея никакъ не будутъ обмануты, такъ какъ Ты нерушимъ, и ни жизнь, ни смерть не разлучатъ ее съ предметомъ ея желаній! Въ то время, когда злые подвергнутся истребленію вмѣстѣ съ своими кумирами, праведные соединятся съ Тобою въ вѣчной славѣ. Какъ одни погибнутъ съ бренными предметами своихъ привязанностей, такъ другіе вѣчно будутъ пребывать въ непроходящемъ и самосущемъ Предметѣ, съ коимъ они тѣсно связаны. О, какъ счастливы тѣ, которые при полной свободѣ и непреодолимой наклонности своей воли, вполнѣ и свободно любятъ то, что необходимо обязаны любить!

VI.

Доверши, о Боже мой, внушаемыя мнѣ тобою добрыя побужденія. Будь цѣлью ихъ, какъ былъ ихъ началомъ. Увѣнчай Твои собственные дары, ибо знаю, что это Твои дары. Да, Боже мой; будучи далекъ отъ мысли считать свои молитвы достойными слуха Твоего, приношу мое смиреннѣйшее сознаніе, что, отдавъ твари свое сердце, созданное Тобою только для Тебя, а не для міра и меня самого, я не смѣю ждать отъ Тебя никакой благостыни, такъ какъ во мнѣ нѣтъ ничего, что бы могло вызвать Твое милосердіе, и всѣ естественныя движенія моего сердца, склоняющіяся только къ твари или ко мнѣ самому, могутъ лишь прогнѣвлять Тебя. Итакъ воздаю Тебѣ,

Богъ мой, благодареніе за влагаемыя Тобою добрыя побужденія, какъ и за самое побужденіе благодарить Тебя.

VII.

Склони мое сердце къ раскаянію въ моихъ прегрѣшеніяхъ, ибо, безъ этой внутренней муки, внѣшнія страданія, посылаемыя Тобою моему тѣлу, стали бы для меня новымъ поводомъ ко грѣху. Вразуми меня, что тѣлесныя боли не что иное, какъ наказаніе и въ то же время прообразъ мукъ душевныхъ. Но содѣлай, Господи, чтобъ онѣ стали врачеваніемъ недуговъ душевныхъ, чтобъ въ ощущаемыхъ мною болѣхъ я видѣлъ дотолѣ не ощущавшіеся мною недуги души, хотя она очень больна и покрыта язвами. Величайшая болѣзнь ея, Господи, есть эта безчувственность и та крайняя слабость, которая лишила ее способности ощущать свою собственную нищету. Пошли мнѣ, Боже, живо почувствовать ее, и да будетъ остатокъ жизни моей неустаннымъ покаяніемъ, чтобы смыть имъ содѣланныя мною согрѣшенія.

VIII.

Господи, хотя моя прошедшая жизнь протекла безъ особенныхъ преступленій, благодаря Твоему непопущенію, но тѣмъ не менѣе, она была весьма мерзостна предъ Тобою по своей постоянной безпечности по дурному употребленію Твоихъ святѣйшихъ таинствъ, по презрѣнію къ Твоему слову и Твоимъ внушеніямъ, по совершенной праздности и безполезности моихъ дѣйствій и мыслей, по совершенной потерѣ времени, даннаго Тобою лишь на служеніе Тебѣ, на исканіе во всѣхъ моихъ занятіяхъ возможности угождать Тебѣ, на раскаяніе въ прегрѣшеніяхъ, совершаемыхъ ежедневно и столь обычныхъ даже для самыхъ праведныхъ, что жизнь ихъ должна быть постояннымъ покаяніемъ, безъ котораго имъ угрожаетъ опасность ниспасть изъ своей праведности. Такъ всегда сопротивлялся я Тебѣ, Богъ мой!

IX.

Да, Господи, до сихъ поръ я всегда былъ глухъ къ Твоимъ внушеніямъ, пренебрегалъ Твоимъ глаголомъ, судилъ вопреки Твоему сужденію, противорѣчилъ святымъ правиламъ, которыя Ты принесъ въ міръ отъ вѣчнаго Отца Твоего и по которымъ Ты будешь судить

этотъ міръ. Ты говоришь: Блаженны плачущіе и горе утѣшеннымъ! Я же сказалъ: Несчастны скорбящіе и пресчастливы утѣшившіеся! Я сказалъ: Блаженны пользующіеся богатствомъ, громкимъ именемъ и цвѣтущимъ здоровьемъ! А почему считалъ я ихъ счастливыми, какъ не потому, что эти преимущества доставляли имъ широкую возможность пользоваться тварями, т.-е. оскорблять Тебя? Да, Господи, каюсь, что считалъ здоровье благомъ, не потому что оно облегчаетъ обязанность должнымъ образомъ служить Тебѣ, обращать больше заботъ и времени на это служеніе и на помощь ближнему, но потому, что на его счетъ я могъ свободнѣе предаться наслажденіямъ жизни и полнѣе вкусить отъ ея гибельныхъ удовольствій. Яви мнѣ, Господи, милость, преобрази мой поврежденный разумъ и приведи въ согласіе мои чувства съ Твоими. Да въ печаляхъ своихъ буду полагать свое счастіе, и лишеніемъ меня способности къ внѣшнимъ дѣйствіямъ очисти настолько мои чувства, чтобы онѣ не сопротивлялись Тебѣ, чтобы, такимъ образомъ, я обрѣлъ Тебя внутри себя, и, по слабости своей, не былъ въ состояніи искать Тебя во внѣ. Ибо, Господи, царство Твое среди вѣрныхъ Твоихъ, и я обрѣту его въ себѣ самомъ, если буду исполненъ Твоего духа и Твоихъ чувствъ.

X.

Но что подобаетъ мнѣ сдѣлать, Господи, чтобы Ты излилъ Духа Твоего на эту жалкую землю? Все, чему я слѣдую, есть мерзость предъ Тобою, и въ себѣ я не вижу ничего, что было бы угодно Тебѣ. Вижу тамъ, Господи, только одни страданія свои, кои имѣютъ нѣкоторое сходство съ Твоими. Узри же, Боже, болѣзни, коими стражду и кои еще угрожаютъ мнѣ. Воззри окомъ милосердія на раны отъ руки Твоей, о мой Спаситель, возлюбившій Свои страсти въ смерти! О Боже, сдѣлавшійся человѣкомъ только для того, чтобы пострадать какъ ни одинъ человѣкъ, ради спасенія человѣковъ! О Боже, воплотившійся послѣ грѣхопаденія людей и принявшій тѣло лишь для того, чтобы выстрадать въ немъ всѣ, заслуженныя нашими грѣхами, бѣдствія! О Боже, настолько любящій тѣла страдальцевъ, что избралъ Себѣ тѣло, обремененное страданіями, какихъ свѣтъ не видѣлъ! Призри на тѣло мое не ради его самого, ни всего наполняющаго его, лишь достойнаго Твоего гнѣва, но ради переносимыхъ имъ болѣзней, кои однѣ могутъ быть достойны любви Твоей. Возлюби

мои страданія, Господи, и ради нихъ посѣти меня. Но для полнаго пріуготовленія Твоего жилища, благоволи, Спаситель мой — если тѣло мое уподобляется Твоему тѣмъ, что страдаетъ за мои согрѣшенія — чтобъ и душа моя, уподобляясь Твоей, скорбѣла о тѣхъ же прегрѣшеніяхъ и чтобы такимъ образомъ я сострадалъ Тебѣ и тѣломъ и душою за совершенныя мною беззаконія.

XI.

Господи, приложи милосердно утѣшенія Твои къ моимъ страданіямъ, дабы страдалъ я какъ подобаетъ христіанину. Не прошу избавить меня отъ скорбей, ибо такова награда святыхъ, но молю не предоставлять меня недугамъ природы безъ утѣшеній Твоего Духа, ибо таково проклятіе іудеевъ и язычниковъ. Не прошу полноты утѣшенія безъ всякаго страданія, ибо такова жизнь славы; но и не прошу полноты, мученій безъ отрады, ибо таково состояніе іудейства. Молю же, Господи, дать мнѣ испытать одновременно и муки природы за грѣхи мои, и утѣшенія Твоего Духа по Твоей благодати, ибо таково истинное состояніе христіанина. Да не испытаю болѣзней безъ утѣшенія, но то и другое совмѣстно, чтобы, наконецъ, чувствовать мнѣ только Твое утѣшеніе безъ всякой боли. Ты бо, Господи, предоставилъ міръ неутѣшнымъ страданіямъ естества до пришествія Твоего Единороднаго Сына: нынѣ же Ты утѣшаешь и облегчаешь страданія Твоихъ вѣрныхъ благодатію Твоего Единороднаго Сына, и преизбыткомъ чистѣйшаго блаженства одаришь святыхъ Твоихъ въ царствѣ славы Твоего Единороднаго Сына. Таковы чудныя ступени въ послѣдованіи дѣлъ Твоихъ! Ты извелъ меня изъ перваго состоянія, помоги мнѣ пройти вторымъ, чтобы достигнуть третьяго; Господи, молю послать мнѣ благодать Твою!

XII.

Не попусти быть мнѣ въ такомъ удаленіи отъ Тебя, чтобы я могъ видѣть Твою скорбящую до смерти душу и тѣло Твое, пораженное смертію за мои собственные грѣхи, не радуясь страданіямъ моего тѣла и души. Есть ли что постыднѣе и, несмотря на то, обыкновеннѣе въ христіанахъ и во мнѣ самомъ, какъ наша жизнь, проводимая въ наслажденіяхъ? Когда Ты кровавымъ потомъ искупаешь наши беззаконія, мы, называющіе себя преданными Тебѣ, отка-

завшіеся при крещеніи отъ міра ради Тебя, торжественно передъ лицомъ Церкви поклявшіеся жить и умереть съ Тобою, исповѣдующіе, что міръ преслѣдовалъ и распялъ Тебя, что ты предоставленъ былъ гнѣву Божію и жестокости людей, чтобы искупить ихъ преступленія; вѣруя во всѣ эти истины, считая тѣло Твое жертвою, принесенною для нашего спасенія, видя въ удовольствіяхъ и грѣхахъ міра единственный предметъ Твоихъ страданій, а въ мірѣ Твоего палача — не смотря на все это, ищемъ услаждать свое тѣло этими самыми утѣхами, среди этого самаго міра! — Какъ тѣ, кто будучи не въ состояніи безъ содраганія ужаса видѣть человѣка, ласкающаго и ублажающаго убійцу своего отца, предавшаго себя, чтобы дать ему жизнь, могутъ, подобно мнѣ, жить съ полною радостію среди міра, бывшаго, какъ извѣстно мнѣ и всѣмъ, дѣйствительнымъ убійцей Того, кого я признаю своимъ Богомъ и Отцомъ, предавшимъ Себя ради моего же спасенія, принявшаго на Себя вину неправдъ моихъ? Справедливо, Господи, прекратилъ Ты столь преступную радость, въ которой я отдыхалъ подъ сѣнію смерти.

XIII.

Отними же отъ меня, Господи, печаль, которая могла бы явиться во мнѣ, подъ вліяніемъ самолюбія, отъ моихъ собственныхъ страданій и отъ вещей міра, совершающихся несогласно желаніямъ моего сердца или не имѣющихъ въ виду Твоей славы, но да будетъ печаль моя угодна Тебѣ. Да послужатъ мои страданія къ смягченію Твоего гнѣва. Пусть они станутъ поводомъ къ моему спасенію и обращенію. Да пожелаю отнынѣ здоровья и жизни только для того, чтобы воспользоваться ими и окончить ее для Тебя, съ Тобою и въ Тебѣ. Не прошу у Тебя ни здоровья, ни болѣзни, ни жизни, ни смерти; но чтобы Ты располагалъ моимъ здоровьемъ и недугами, моею жизнію и смертію въ Твою славу, на мое спасеніе и на пользу Церкви и святыхъ Твоихъ, въ долѣ которыхъ уповаю принять нѣкоторое участіе по Твоей благодати. Ты одинъ вѣдаешь мою потребу. Ты Владыка всяческихъ, и да будетъ воля Твоя. Приложи мнѣ или отними у меня по Своему изволенію, но согласи мою волю съ Твоею. Пусть, въ совершенной и смиренной покорности и съ блаженнымъ упованіемъ, я буду расположенъ принимать повелѣнія Твоего вѣчнаго промысла и одинаково буду поклоняться всему, что отъ Тебя исходитъ.

XIV.

Даруй мнѣ, Господи, силу одинаково относиться ко всѣмъ событіямъ, ибо мы не знаемъ, чего просить намъ и чего желать, не впадая въ самонадѣянность и не становясь судьею и отвѣтчикомъ за послѣдствія, кои Твоей премудрости, по всей справедливости, угодно было сокрыть отъ насъ. Господи, знаю, что мнѣ извѣстно только одно: что хорошо Тебѣ повиноваться и дурно согрѣшать передъ Тобою. А затѣмъ, я уже не могу судить ни о чемъ, что хорошо или что дурно; не знаю, что можетъ быть полезно для меня, здоровье или болѣзнь, богатство или бѣдность, или что бы то ни было въ мірѣ. Сужденіе объ этомъ превышаетъ силы человѣческія и ангельскія; оно сокрыто въ тайнахъ Твоего промысла, которому поклоняюсь, не дерзая проникать въ него.

XV.

Даруй же, Господи, чтобы во всякомъ положеніи воля моя согласовалась съ Твоею, чтобы, испытывая болѣзнь, я прославлялъ Тебя въ своихъ страданіяхъ. Безъ нихъ я не могу достигнуть славы. И Самъ Ты, Спаситель мой, только ими восхотѣлъ войти въ славу Свою. По знакамъ страданій Твоихъ былъ Ты узнанъ учениками Твоими, и по страданіямъ Ты Самъ узнаешь учениковъ Твоихъ. Признай же меня за Твоего ученика въ мукахъ тѣлесныхъ и духовныхъ, переносимыхъ мною за содѣянныя мною согрѣшенія. И такъ какъ ничто не угодно Богу, что приносится Ему не чрезъ Тебя, то соедини мою волю съ Твоею, пріобщи мои страданія къ Своимъ. Содѣлай мои мученія Твоими. Соедини меня съ Собою, исполни меня Собою и Духомъ Святымъ. Войди въ мою душу и мое сердце, чтобы принять тамъ мое бремя мученій и выстрадать то, что остается Тебѣ вынести изъ Твоихъ страданій, завершаемыхъ Тобою въ Твоихъ членахъ до окончательнаго восполненія тѣла Твоего, для того, чтобы, исполнившись Тебя, жилъ и страдалъ уже не я, а жилъ и страдалъ во мнѣ Ты, Спаситель мой! И чтобы, допуская меня принимать хотя малѣйшее участіе въ Твоихъ страданіяхъ, Ты всецѣло исполнилъ меня пріобрѣтенной путемъ ихъ славой, въ которой и пребываешь Ты со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сравненіе древнихъ христіанъ съ нынѣшними.

Въ первыя времена существованія Церкви, христіане были вполнѣ свѣдущи во всемъ, что необходимо для спасенія. Въ наше же время господствуетъ такое грубое невѣжество, что вызываетъ вздохи у всякаго любящаго Церковь.

Прежде вступали въ Церковь лишь послѣ долгаго ожиданія и пріуготовленія; а теперь обрѣтаются въ нѣдрахъ ея безъ всякихъ подвиговъ, заботъ и труда.

Тогда разрѣшался доступъ только по строгомъ испытаніи; нынѣ же человѣкъ дѣлается членомъ Церкви прежде, чѣмъ становится способнымъ выдержать испытаніе.

Въ тѣ времена пріемъ обусловливался отреченіемъ человѣка отъ своей прежней жизни, отъ міра, плоти и діавола; теперь вступаютъ въ Церковь, еще не имѣя способности къ такимъ дѣйствіямъ.

Наконецъ, первые христіане, чтобы быть принятыми въ Церковь, должны были покинуть міръ, тогда какъ въ нашъ вѣкъ вступаютъ въ Церковь одновременно со вступленіемъ въ міръ. Благодаря такому порядку, дѣлалось существенное различіе между міромъ и Церковью; ихъ считали противоположностями, двумя непримиримыми, постоянно преслѣдовавшими другъ друга, врагами, изъ коихъ, повидимому, слабѣйшій долженъ былъ восторжествовать нѣкогда надъ сильнѣйшимъ. Люди покидали одинъ изъ этихъ враждебныхъ лагерей, чтобы перейти въ другой; отвергали законы одного, ради законовъ другого; совлекались мыслей приличныхъ одному, чтобы облечься мыслями, соотвѣтствующими другому. Однимъ словомъ, отказывались, отлучая себя отъ міра, въ которомъ были рождены въ первый разъ, чтобы предаться Церкви, гдѣ какъ бы совершалось вторичное рожденіе. Этимъ устанавливалась очень большая разница между тѣмъ и другою. Въ наши дни люди одновременно принадлежатъ и Церкви, и міру. Тотъ же моментъ, въ который мы родимся для міра, есть и моментъ нашего вторичнаго рожденія въ Церкви, такъ что съ пробужденіемъ разсудка, послѣдній не дѣлаетъ уже никакого различія между этими столь противоположными мірами. Разумъ воспитывается въ обоихъ

одновременно. Приступаютъ къ Таинствамъ и наслаждаются удовольствіями этого міра. Тогда какъ въ былое время замѣчалось между церковію и міромъ существенное отличіе, теперь они оказываются совершенно смѣшанными между собою, такъ что ихъ уже не различаютъ.

Оттого въ древности совсѣмъ не было христіанъ, не получившихъ полнаго назиданія въ предметахъ вѣры; тогда какъ въ настоящее время они отличаются ужаснымъ невѣжествомъ. Вслѣдствіе этого, въ первые вѣка изъ возрожденныхъ крещеніемъ и покинувшихъ мірскіе пороки ради церковнаго благочестія такъ мало было снова отпадшихъ отъ Церкви въ міръ. Теперь же самое заурядное явленіе, что христіанинъ исполненъ свѣтскихъ стремленій и пороковъ. Общество святыхъ совершенно теряется въ массѣ злыхъ, а дѣти Церкви, зачатыя и вскормленныя ею въ своемъ лонѣ съ самой колыбели, суть именно тѣ самые, которые вносятъ въ ея сердце, то-есть до участія въ ея величайшихъ тайнахъ включительно, самаго злѣйшаго изъ враговъ ея: духъ міра, духъ мщенія, нечистоты и чувственности. Ея любовь къ своимъ чадамъ заставляетъ ее допускать въ самыя сокровенныя нѣдра свои своего жесточайшаго гонителя.

Но не Церковь слѣдуетъ обвинять въ несчастіяхъ, бывшихъ послѣдствіемъ перемѣны столь спасительной дисциплины. Церковь не измѣнилась въ духѣ, хотя въ поведеніи ея и произошла перемѣна. Усмотрѣвъ, что, вслѣдствіе отсрочки крещенія, множество дѣтей оставлялось въ Адамовомъ проклятіи, она пожелала избавить ихъ отъ старой закваски [1]), ускоряя подаваемую ею помощь. Эта добрая мать лишь съ крайнимъ сожалѣніемъ видитъ, что средство, обращенное ею на спасеніе этихъ дѣтей, сдѣлалось поводомъ къ гибели взрослыхъ. Истинный духъ ея требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ она удаляетъ въ столь нѣжномъ возрастѣ отъ прираженій свѣта, исполнялись чувствъ, совершенно противоположныхъ міру. Она предваряетъ время пользованія разсудкомъ съ тѣмъ, чтобы предупредить пороки, въ кои увлекъ бы ихъ поврежденный разумъ; и прежде чѣмъ для ихъ ума настанетъ пора дѣятельности, она исполняетъ ихъ своего духа, чтобы они жили въ невѣдѣніи міра и въ состояніи, тѣмъ болѣе далекомъ отъ порока, что они никогда не могли узнать его. Это видно изъ обряда крещенія: она совершаетъ крещеніе дѣтей не прежде, какъ они, устами своихъ воспріемниковъ, заявятъ о своемъ желаніи крес-

[1]) См. I Коринѳ. V, 6 и сл.

титься, исповѣдуютъ вѣру и отрекутся отъ міра и сатаны. И желая, чтобы крещаемые сохранили это настроеніе въ теченіе всей своей жизни, она настоятельно предписываетъ хранить его ненарушимо, возлагая на воспріемниковъ непремѣнную обязанность наставлять дѣтей въ этомъ духѣ. Въ этомъ видно ея желаніе, чтобы воспринятые ею въ свое лоно были также научены и ревностны въ вѣрѣ, какъ тѣ взрослые, коихъ она нѣкогда принимала въ среду своихъ послѣдователей. Она желаетъ своимъ питомцамъ такого же совершенства, какъ и своимъ взрослымъ пріемышамъ . . . . . .
Между тѣмъ къ крещенію относятся столь несогласно съ цѣлями и намѣреніями Церкви, что страшно и подумать. О такомъ великомъ благодѣяніи врядъ ли и размышляютъ когда-нибудь, потому что никогда его не желали, никогда не требовали, даже и забываютъ, что получили его . . . . . .

Но въ виду очевидности, что Церковь требуетъ не меньшей ревности отъ родившихся въ вѣрѣ, чѣмъ и отъ домогающихся вступить въ нее, нужно взять себѣ примѣромъ оглашенныхъ, обратить вниманіе на ихъ горячность, ревность и преданность Церкви, ихъ отвращеніе къ міру, великодушное отреченіе отъ него. Разъ они не считались достойными принять крещеніе, если не обнаруживали такого настроенія, то кто не находитъ его въ себѣ . . . . . .
. . . . . .
Слѣдовательно, они должны подчиниться необходимости принять наставленіе, какъ если бы имъ приходилось готовиться ко вступленію въ Церковь. Имъ даже слѣдуетъ подвергать себя постоянному покаянію, питать меньше отвращенія къ строгости умерщвленія плоти, чѣмъ привязанности къ ядовитымъ прелестямъ грѣха. Чтобы расположить ихъ къ назиданію, необходимо пояснять имъ различіе обычаевъ, употреблявшихся въ Церкви сообразно тому или другому времени. . . . что въ нарождавшейся Церкви оглашенныхъ, т.-е. желавшихъ получить крещеніе, поучали прежде, чѣмъ допускали ихъ къ этому таинству. До этого они должны были получить полное наставленіе и разъясненіе таинъ религіи, покаяться въ своей прошлой жизни, торжественно признать величіе и превосходство вѣроисповѣданія и правилъ христіанскихъ, кои они желали себѣ усвоить навсегда, обнаружить явные признаки дѣйствительнаго обращенія сердца и горячее желаніе креститься. Когда это становилось извѣстно всей Церкви, ихъ допускали къ таинству причащенія, черезъ которое они дѣлались

членами Церкви. Въ настоящее же время, когда къ крещенію допускаются еще неразумныя дѣти, на что есть свои весьма уважительныя причины, небрежность родителей нерѣдко бываетъ причиною того, что христіане достигаютъ старости, не имѣя ни малѣйшаго понятія о величіи нашей религіи.

Когда наставленіе въ вѣрѣ предшествовало крещенію, всѣ имѣли познаніе вѣры; теперь же, когда крещеніе предшествуетъ наставленію, ознакомленіе съ истинами вѣры, бывшее прежде необходимымъ, сдѣлалось произвольнымъ; потомъ стали имъ пренебрегать, а иногда и совсѣмъ обходиться безъ него. Истинная причина такого явленія заключается въ увѣренности, что крещеніе необходимо, тогда какъ подобнаго убѣжденія въ необходимости наставленія въ вѣрѣ не существуетъ. Поэтому, когда поученіе предшествовало крещенію, потребность въ одномъ необходимо заставляла прибѣгать къ другому. При настоящемъ же порядкѣ, когда христіанами дѣлаются, не изучивъ истинъ вѣры, считаютъ возможнымъ оставаться христіанами и безъ этого . . . . . .

Тогда какъ первые вѣка христіане выражали столько благодарности къ Церкви за милость, оказанную ею только послѣ ихъ долгихъ просьбъ, они обнаруживаютъ теперь столько же неблагодарности за ту же самую милость, которую она даруетъ имъ даже прежде, нежели они въ состояніи просить о ней. Если она такъ строго относилась къ хотя и рѣдкимъ случаямъ отпаденія первыхъ христіанъ, какъ должна она вознегодовать на безпрестанныя и повторительныя отпаденія новыхъ христіанъ. А вѣдь они обязаны ей гораздо больше, такъ какъ съ несравненно большею поспѣшностью и щедростью она избавляетъ ихъ отъ проклятія, тяготѣющаго надъ ними съ момента перваго рожденія. Безъ вздоха она не можетъ видѣть, какъ злоупотребляютъ величайшею изъ ея милостей и какъ положенное ею для упроченія ихъ спасенія становится почти несомнѣнною причиною ихъ погибели . . . . . .

Объ обращеніи грѣшника.

Когда благодать Божія дѣйствительно коснется души человѣка, то первымъ дѣломъ внушаетъ ей совершенно новыя понятія и взглядъ на окружающее и на самое себя.

Этотъ новый свѣтъ порождаетъ въ ней страхъ и смущеніе; покой, въ которомъ она пребывала до сихъ поръ среди услаждавшихъ ее предметовъ, нарушается. Она уже не можетъ спокойно пользоваться тѣмъ, что услаждало ее ранѣе. Постоянныя сомнѣнія удручаютъ ее среди этихъ утѣхъ; это внутреннее зрѣніе не позволяетъ ей болѣе находить отраду въ томъ, чему она предавалась всѣмъ своимъ сердцемъ. Но въ дѣлахъ благочестія она ощущаетъ еще больше горечи, чѣмъ въ суетахъ міра. Съ одной стороны, присутствіе видимыхъ предметовъ трогаетъ ее больше, чѣмъ надежда невидимыхъ, съ другой же, прочность невидимыхъ вещей для нея дороже тщеты видимыхъ. Такимъ образомъ, наличность однихъ и благонадежность другихъ оспариваютъ другъ у друга ея любовь, а тщетность первыхъ и отсутствіе вторыхъ возбуждаютъ въ ней отвращеніе; вслѣдствіе этого въ ней рождается безпорядокъ и смущеніе.

На преходящія вещи она смотритъ, какъ на исчезающія и даже исчезнувшія. Зная несомнѣнную гибель всего, что ей дорого, она ужасается при видѣ того, какъ каждая минута отнимаетъ у ней пользованіе ея благами, какъ все, любимое ею, гибнетъ одно за другимъ, и что настанетъ нѣкогда день, когда ей неминуемо нужно будетъ отрѣшиться отъ всего, въ чемъ полагала она свои надежды. Такъ она въ совершенствѣ проникается сознаніемъ, что если сердце ея привязывается лишь къ тлѣннымъ и суетнымъ вещамъ, то душа должна будетъ остаться одинокою при разлукѣ съ этою жизнью, такъ какъ не заботилась возсоединить себя съ дѣйствительнымъ благомъ, существующимъ самостоятельно и могущимъ поддержать ее какъ во время, такъ и по окончаніи жизни на землѣ.

Такимъ образомъ она начинаетъ взирать, какъ на ничтожество, на все, подлежащее уничтоженію: небо, землю, свой умъ, свое тѣло,

своихъ родныхъ, друзей, враговъ, богатство, нищету, невзгоды, благосостояніе, честь и безчестіе, уваженіе и презрѣніе, силу и убожество, здоровье, болѣзнь и самую жизнь. Наконецъ, все, чему положенъ меньшій предѣлъ существованія, чѣмъ его душѣ, становится неспособнымъ удовлетворить желанія этой души, серьезно ищущей пріобрѣсти счастіе, столь же продолжительное, какъ и она сама.

Она начинаетъ удивляться своему прежнему ослѣпленію. Соображая, съ одной стороны, продолжительность времени, прожитаго ею безъ этихъ размышленій, и что такъ много людей, ведущихъ подобную жизнь, а съ другой, не сомнѣваясь, что душа, будучи безсмертна, не можетъ находить своего счастія среди тлѣнныхъ предметовъ, которые, по крайней мѣрѣ, въ смертный часъ она должна покинуть,— она впадаетъ въ благодѣтельное смущеніе, въ спасительную тревогу и удивленіе. Она начинаетъ понимать, что какъ бы значительно ни было число старѣющихся въ этихъ мірскихъ правилахъ, какъ ни великъ авторитетъ такого множества примѣровъ въ людяхъ, полагающихъ свое счастіе въ мірѣ, несомнѣнно, однако, что если въ земныхъ предметахъ и заключалось бы какое-нибудь прочное благо — что признано за ложное, благодаря безчисленному множеству столь роковыхъ и постоянныхъ опытовъ — то мы неизбѣжно лишимся ихъ при жизни, или, наконецъ, потеряемъ вмѣстѣ съ жизнью. Такимъ образомъ, собравъ множество земныхъ сокровищъ, будетъ ли это золото, наука или громкое имя, душѣ необходимо будетъ разстаться со всѣми этими предметами ея блаженства. Поэтому если они и могутъ удовлетворять, то никоимъ образомъ не могутъ удовлетворять всегда; если обладаніе ими можно считать за дѣйствительное счастіе, то все-таки это счастіе не прочно, какъ ограниченное срокомъ настоящей жизни. Такъ что, въ силу этого святого смиренія, которое Богъ возвышаетъ паче гордости, она ничинаетъ подниматься надъ обыкновеннымъ уровнемъ людей, осуждаетъ ихъ образъ жизни, питаетъ отвращеніе къ ихъ правиламъ, скорбитъ объ ихъ ослѣпленіи, начинаетъ искать истиннаго блага; понимаетъ, что оно должно имѣть слѣдующія два качества: во-первыхъ, одинаковую съ нею продолжительность и неотъемлемость безъ ея на то согласія, во-вторыхъ, должно быть для нея дороже всего на свѣтѣ.

Она видитъ, что, слѣпо любя міръ, находила въ немъ это второе качество, но, не замѣчая въ немъ перваго признака, она узнаетъ, что это не есть высшее благо. Поэтому ищетъ его въ другомъ мѣстѣ

и, зная, благодаря осѣнившему ее чистѣйшему свѣту, что оно не заключается ни въ ней самой, ни внѣ ея, ни передъ нею, начинаетъ искать его выше себя.

Этотъ подъемъ настолько силенъ, что она не останавливается на небѣ, какъ не могущемъ удовлетворить ее, ни даже выше неба, ни на ангелахъ, ни на самыхъ совершенныхъ существахъ. Она минуетъ всѣ эти созданія и можетъ остановить свое сердце лишь, достигнувъ престола Бога, гдѣ начинаетъ обрѣтать свой покой, т.-е. то драгоцѣннѣйшее благо, котораго она можетъ быть лишена только съ своего согласія. Хотя и не чувствуя еще блаженства, которымъ Богъ награждаетъ неустанные подвиги благочестія, она понимаетъ, однако, что твари не могутъ быть драгоцѣннѣе своего Творца. Тогда ея разумъ, при помощи свѣта благодати, открываетъ ей, что нѣтъ ничего драгоцѣннѣе Бога, что утратить это благо могутъ только тѣ, которые его отвергаютъ, ибо обладать имъ значитъ желать его, и отрицаніе его равно утратѣ. Такъ радуется она обрѣтенію блага, которое не можетъ быть похищено у нея, пока она того не пожелаетъ, и выше котораго ничего быть не можетъ.

Такими новыми для нея размышленіями она подвигается къ созерцанію величія своего Создателя, къ глубочайшему смиренію и благоговѣнію передъ Нимъ. Вслѣдствіе этого она какъ бы уничтожаетъ себя и, не имѣя возможности сама по себѣ составить ни достаточно низкаго, ни достаточно высокаго понятія объ этомъ высшемъ благѣ, дѣлаетъ новое усиліе принизиться до послѣднихъ безднъ ничтожества, представляя себѣ Бога безконечно умножаемой ею необъятностью. Наконецъ, въ этомъ истощающемъ ея силы созерцаніи она преклоняется передъ Нимъ въ молчаніи, смотритъ на себя, какъ на жалкую и безполезную тварь Его; въ этомъ неослабномъ поклоненіи она славитъ и благословляетъ Его и желала бы вѣчно благословлять и славить Его. Тогда она сознаетъ оказанную Имъ милость, что такому ничтожному червю Онъ благоволилъ открыть свое безконечное величіе. Твердо рѣшившись быть вѣчно благодарной за это, она приходитъ въ смущеніе, что предпочитала такую суету этому Божественному Владыкѣ. Сокрушенная сердцемъ, съ слезами раскаянія, она прибѣгаетъ къ Его милосердію, прося Его отвратить Свой гнѣвъ, коего послѣдствія ей кажутся ужасными. Она горячо молитъ Бога, чтобы Онъ, Коему угодно открыться ей, благоволилъ привести ее къ Себѣ и указалъ бы пути къ тому. Стремясь къ Богу, она желаетъ обрѣсть

Его только указанными Имъ путями, чтобы Онъ Самъ былъ ея путемъ, ея предметомъ и послѣдней цѣлью. Въ силу и исполненіе этихъ молитвъ, она начинаетъ дѣйствовать и ищетъ между . . . . . Начинаетъ познавать Бога и желаетъ къ Нему приблизиться; но, не зная средствъ къ достиженію этой цѣли, она, если желаніе ея искренно и, дѣйствительно, дѣлаетъ то же, что человѣкъ, который, желая добраться до извѣстнаго мѣста, потерялъ дорогу и, видя, что заблудился, прибѣгаетъ къ людямъ, которые отлично знаютъ эту дорогу.

. . . . . .

Она рѣшается согласовать съ Его волею остатокъ своей жизни; но такъ какъ ея естественная немощь, вмѣстѣ съ привычкою къ грѣхамъ, въ которыхъ она жила до тѣхъ поръ, лишили ее возможности достигнуть этого блаженства, она испрашиваетъ у Его милосердія средствъ приблизиться и прилѣпиться къ Нему всецѣло и навѣки . .

. . . . . .

Такъ убѣждается она въ своей обязанности: какъ тварь поклоняться Богу, какъ должница возсылать Ему благодареніе, какъ виновная умилостивлять Его и какъ нищая просить Его благостыни.

КОНЕЦЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА,

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Воронежѣ и Нижегородской ярмаркѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОНЪ ВЪ ДУХОВНОМЪ МІРѢ. Профессора **Генри Друммонда**. Съ 29-го англійскаго изданія перевелъ С. Долговъ. Съ приложеніемъ рѣчей Г. Друммонда: „Какъ преобразить нашу жизнь“ и „Миръ съ вами“. Москва. 1898 г. Цѣна 2 руб.

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ВЪ МІРѢ. Рѣчь профессора **Генри Друммонда.** Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изданіе третье. Москва. 1900 г. Цѣна 25 коп.

МИРЪ СЪ ВАМИ. Рѣчь профессора **Генри Друммонда.** Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изданіе третье. Москва. 1900 г. Цѣна 25 коп.

КАКЪ ПРЕОБРАЗИТЬ НАШУ ЖИЗНЬ. Рѣчь профессора **Генри Друммонда.** Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изданіе третье. Москва. 1900 г. Цѣна 25 коп.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФОНТЛЕРОЙ. Франциски Бёрнетъ. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Съ рисунками Реджинальда Бёрча. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Москва. 1901 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Уч. К. М. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНА** въ ученическія библіотеки среднеучебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПѢСНЯ ВЪ ПРОЗѢ. Святочный разсказъ **Чарльза Диккенса.** Новый переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1897 г. Цѣна 75 коп.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія **ДОПУЩЕНА** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно въ безплатныя читальни.

7 89 504ST2 53 005 BR 1 6496 коп.

B 1901 .P42 R8 1902 C.1
Mysli o religii /
Stanford University Libraries
3 6105 040 955 408

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004